

Их жизнь в лесу духов

(Правдивая история группы **НОЛЬ**)

Анатолий Платонов

Вместо предисловия

Почему вместо? Это и есть самое настоящее предисловие. Конечно, книга, лежащая сейчас перед вами, не претендует на полноту и однозначную трактовку истории группы «Ноль». Главным, если не единственным поводом для ее написания послужило желание урвать у издателя гонорар и, желательно, побольше. О эта вечная нехватка денег! Всеми своими достижениями и открытиями человечество обязано именно ей. Какого, спрашивается, черта Колумба понесло туда, куда Макар телят не гонял? А искал он короткий путь в Индию, чтобы возить оттуда пряности, а если удастся по дороге открыть какую-нибудь Америку, то это ж мелочь.

Спасибо Христофору Бонифатьевичу, ведь именно в Америке появился рок-н-ролл, который спустя несколько десятилетий после своего рождения поставил на уши СССР и для многих его граждан стал лет на двадцать – в восьмидесятые и девяностые – если не смыслом жизни, то средством существования. А кое для кого он до сих пор продолжает оставаться единственным способ добычи средств к этому самому существованию. И плевать на слова классика, однажды во всеуслышание объявившего, что рок-н-ролл мертв. Кто бы сомневался.

Да и вообще, был ли он когда-нибудь жив? Он, рок-н-ролл, лжив, а потому стоит ли требовать правды от автора этих записок?

Поэтому правильнее было бы назвать эту книгу «Моя жизнь в роке» (хорошо, что не в попе). Впрочем, мало кто из героев рока хорошо кончил: большинство из них рано или поздно умерли, а некоторые из тех, кто к рок-н-роллу не имеют никакого отношения, до сих пор, к сожалению, живы. Не поймите меня превратно: никому из своих героев я не желаю смерти. Я люблю их всех... Нет, ну, скажем, почти всех, но я хочу, чтобы всем им было хорошо.

В предисловии принято выражать благодарность тем, кто помогал или, хотя бы, не мешал работать. Для меня написание этой книги не было работой: безработный третий год готов браться за все, лишь бы хоть чем-то заниматься. А если серьезно, то, как спел когда-то Кинчев, «рок-н-ролл – это не работа, рок-н-ролл – это прикол». Вот и моя книга такой своеобразный прикол, в котором все имена героев и события подлинные и любое их совпадение с реальными носит четко продуманный и спланированный характер. За что им, героям, а также всем тем, кого я упомянуть забыл или по тем или иным причинам не захотел, огромное спасибо.

Школа жизни

"Школа жизни – это школа капитанов,
Здесь я научился водку пить из стаканов;
Школа жизни – это школа мужчин,
Здесь научился я обламывать женщин."

Ф. Чистяков

Все началось с того, что в 1983 году я закончил восьмилетку и, желая-таки получить полное среднее образование без какого то ни было специального, перешел в новую школу. И было мне тогда, соответственно, пятнадцать лет – энергии хоть отбавляй, самомнение значительно выше среднего, волосы до плеч, в руке вместо портфеля модный по тем временам «дипломат», во рту папироса «Беломорканал» и в голове легкость необыкновенная. И вот иду я такой весь из себя молодой и красивый 31 августа 1983 года в новую школу на медосмотр, как навстречу мне вырубивает на мопеде... Скажем, юноша – ну полная моя копия, вот разве что обутой не в кроссовки, а в кирзачи. Вырубивает, стало быть, и лихо так тормозит, забрызгав мой свежевystиранный мамой школьный костюм грязью, и, лениво перекидывая потухшую папиросу из одного угла рта в другой, совершенно наглым голосом вопрошает:

– А закурить не найдется?

– Я не курю! – отвечаю, доставая из пачки новую папиросу. Продуваю ее, словно Глеб Жеглов, и закуриваю. Дескать, плевал я и на тебя, и на твой гребаный мопед и вообще, коль ты такой умный, должен понимать, кто теперь в этом районе главный.

– Жаль, а то бы угостил...

Короче, стандартная заводка. Ну, думаю, наступит он мне сейчас по репе так, что мало не покажется – на вид-то он помощнее меня будет. Однако, и отступить некуда... Дальше – больше: кто такой, да откуда, да что ты тут делаешь... Оказалось, что учимся мы не просто в одной школе – 532, но и в одном классе: 9 «Б», а зовут его Леха и фамилия его Николаев. Так и познакомились.

Какой отвратительной мне показалась эта новая школа в первый день! А если еще добавить, что самым отвратительным классом в ней был 9 «Б», начиная от классного руководителя биологички Стуловой Тamarы Сергеевны и заканчивая всеми моими т.н. новыми одноклассниками, то легко представить себе мою радость от мысли, что здесь мне предстоит провести целых два года. Когда тебе всего пятнадцать, два года кажутся целой вечностью. Ну да ничего, решил я: стерпится – слюбится, и перешел к решению следующей проблемы: что бы такого интересного придумать, дабы жизнь не казалась такой уж паскудной.

А в те времена, если кто не знает, при каждой школе принято было содержать вокально-инструментальный ансамбль (слышали, наверное, у Чиж, там все достаточно правдоподобно описано).

Принцип был прост: школа обеспечивает молодых лоботрясов гитарами и, в идеале, барабанной установкой, и в кабинете музыки или пионерской комнате раз в неделю эти лоботрясы «репетируют» — готовятся к какому-нибудь смотрю-конкурсу художественной самодеятельности или показательному концерту. Всем хорошо: учителям и галочку в плане поставить можно, и подростки вроде бы делом заняты, а, стало быть, не пьют и не хулиганят. А сами эти подростки уже не просто ученики такого-то класса такой-то школы, а типа рок-музыканты, на всю эту школу знаменитые. Опять же и от одноклассников уважение, и от одноклассниц внимание. Не жизнь, а праздник души и сердца. А если повезет, то еще и тела. В школе N 532 такого ансамбля еще не было. Но, прежде чем идти к завучу или в комитет комсомола, нужно ведь логически обосновать, зачем и кому это нужно, а также представить коллектив будущего ВИА. И вот решил я переговорить на этот предмет с тем самым Николаевым, ибо он, во-первых, был единственным моим одноклассником, с которым мы худо-бедно наладили какие-то отношения, а, во-вторых, Леха состоял в комитете комсомола школы и, как поговаривали, обладал неплохой коллекцией пластинок. Одним словом, он как никто другой подходил для такого разговора.

Моему вопросу Леха нисколько не удивился и пригласил меня в тот же день к себе, многозначительно пообещав «кое-что показать». В старой школе мы с друзьями пытались организовать что-то подобное, поэтому я считал себя в деле организации ансамбля ба-альшим профессионалом. Но то, что я увидел и услышал у Лехи, моментально поубавило мне самомнения.

И вот после уроков (до сих пор сам не могу поверить в то, что уроки я начал прогуливать только где-то в середине девятого класса, а до этого у меня и мысли такой не возникало, не то, что у нынешних детишек...) мы отправились к Лешке. А с нами увязался еще один наш одноклассник — Федя Чистяков — тихоня-троечник и вообще какой-то долбанутый... Он мне вообще сразу не понравился. Но когда дома они включили магнитофон, усилитель и взяли в руки инструменты, вот тут-то я обалдел: оказалось, что у Лехи Николаева дома была оборудована целая студия! Два катушечных магнитофона, усилитель, микшеры, провода — все по-настоящему. Наверное, этот день и следует считать днем рождения группы «Ноль», хотя само название появилось позже. Все мы тогда плотно «сидели» на хард-роке — Deep Purple, Led Zeppelin, Dio а.о.; исключение составлял, пожалуй, лишь я, уже слушавший к тому времени

«Зоопарк», «Аквариум» и «Кино». К слову сказать, на протяжении двух лет я вдавливал Феде и Николсу, что русские люди и петь должны по-русски, а текст в песне не менее важен, чем музыка... Ну да лиха беда начало.

Итак, начало лихой беде было положено, вернее, сыграно. После нескольких репетиций начали придумывать название, причем обязательно английское. Мне пришлось подчиниться мнению большинства. Так как все мы были металлистами, то и называться группа должна была соответственно: «Металлолом».

Федя порылся в словарях и нашел английский эквивалент этого слова: scrap. Это уже потом выяснилось, что металлолом – одно из частных значений слова scrap, а вообще-то оно переводится как отбросы и объедки. Запахло панк-роком (о котором мы тогда и слыхом не слыхивали) Ну что ж, отбросы, так отбросы.

И не были мы никакими нон-конформистами, борцами с режимом, совестью народной и т.п.

scrap [skræp] 1. s. лом-тик; клочок; газетная вырезка; лом (металла); pl. ссора; отбросы, мусор; 2. v. выбрасывать; ссориться, драться; ~-book альбом вырезок; ~-ру лоскутный; бессвязный.	н (1 г 2 в м
--	-----------------------------

Просто занимались тем, что нам нравится. Много позже, уже в 2005 году журналистка радио «Свобода» как-то спросила меня: «Не противно ли было вам, молодым и талантливым, исполнять чужие песни?» Она была уверена, что группу Ноль создал Тропилло, что он лично отбирал мальчиков исходя исключительно из их внешних данных, он же понаписал для группы песни, а записывали первый альбом – «Музыку драчевых напильников» – профессиональные музыканты. Охренеть! Вот так, как говаривал Шерлок Холмс, начнешь рассматривать фамильные портреты – и уверуешь в переселение душ. Однако, вернемся к нашим баранам, то есть к нам пятнадцатилетним.

Цитата из Фединога дневника тех лет: «Сегодня был неудачный день. Записали только полдиска». Да и не в записи, в сущности, дело, хотя, репетируя, иметь готовый результат немедленно хотелось страшно. Все-таки важен был сам процесс. Это как в анекдоте про Ржевского: поручик, вы любите детей? Детей, пожалуй, нет, но процесс!.. Да и зачем нужно было вообще что-то репетировать, если ни о каких выступлениях (слово «концерт» вообще тогда отсутствовало в нашем лексиконе) и речи быть не могло? Только запись. Это так называемый «московский рок» со всей их изначально гнилой Рок-лабораторией вырос на концертах, да и то когда разрешили.

Исключение составил, пожалуй, лишь «Крематорий». Не случайно же Григоряна до сих пор называют питерским рокером армянской национальности из Москвы. И, насколько мне известно, Армен весьма гордится такой своей характеристикой.

Концерты приносят деньги, записи — нет. По крайней мере, тогда было именно так. То есть не тогда, а когда эти самые концерты начались на более или менее профессиональном уровне.

Году эдак в 89-ом Федя решил попробовать заработать на только что записанном альбоме «Сказки»:

бегал по ларькам звукозаписи и пытался продать права на выпуск альбома на кассетах. Так и не продал — никому эти права оказались на хрен не нужны. Один ларечник так Федьке и ответил: «рано или поздно запись все равно до меня дойдет, и я получу ее совершенно бесплатно».

Это к вопросу о цивилизованном шоу-бизнесе в России. Нет его, никогда не было и не будет, и это здорово. В тех же Соединенных Штатах система авторского права складывалась не то что годами — десятилетиями, и когда сложилась, рок-музыка сама собой превратилась в шоу-бизнес. Вам оно надо, как говорят в Одессе? Когда песни пишутся в расчете на конъюнктуру рынка, а конъюнктуру эту в нашей стране на девяносто процентов составляют любители русского шансона и «ДДТ», что, впрочем, одно от другого не далеко стояло, когда саунд-продюсеры, зная, какой звук нынче в моде, делают своим подопечным именно такой стандартный звук, умудряясь вогнать даже самых талантливых и самобитных музыкантов в рамки формата эфира модных радиостанций. И как результат — Гарик Сукачев поет в дуэте с очередным музозвоном из «Фабрики звезд».

Не помню, кто из классиков русской литературы сказал: «Можешь не писать (ударение на второй слог – прим. автора) – не пиши». Золотые слова! Мы же в те времена писали песни о том, что видели: о магазине, в котором килограмм колбасы стоит месячную зарплату инженера; о проститутках на Московском вокзале – таких ужасных шмарах, с которыми и стоять-то рядом тошно, не то что использовать их по назначению; об идиоте-иностранце, который за каким-то хреном устроил голодовку, если я не ошибаюсь, перед Белым домом в Штатах. Ну ему-то чего неймется? У них же там, за бугром, все есть – и рок-н-ролл, и шикарные автомобили, и ночные клубы, и джинсы. Свобода, говорите? Да все это вместе взятое и есть свобода! А что еще нужно пятнадцатилетним идиотам?

Песни писались на уроках и на переменах в туалете. Вообще, туалет на третьем этаже 532 школы представлял собой настоящий мужской клуб.

Даже не так: клуб настоящих мужчин.

Доктор Хайдер

Здесь в тайне от военрука курили, менялись кассетами, читали вслух и обсуждали созданное на уроках. Само собой, это были стихи и далеко не комсомольские. Вот, кстати, одно из произведений, написанных в то время уже даже и не вспомнить кем:

Сервантес, Гете, Драйзер, Пушкин –
Они приелись мне давно.

Мне тихо Чистяков на ушко

Шептал: «Все их стихи – говно!

Лишь мы с Платоновым прекрасны –

Ты согласишься: наш слог неплох.

Взойдем мы скоро солнцем ясным

На тусклом поприще стихов.

У нас не травка зеленеет,

У нас не солнышко блестит –

У нас проблемы поважнее,

У нас Христос с Иудой спит!!!

Пока нас мало понимают,

До нас еще не доросли,

Но славу нашу приближают

Лиризма полные стихи!»

Пролетарии всех стран, соединитесь!

**Вечерний
ЛЕНИНГРАД**

Газета Ленинградского городского комитета Коммунистической партии Советского Союза и Ленинградского Совета народных депутатов

Выходит с октября 1917 года

№ 79 (17869)

Четверг, 3 апреля 1986 года

Цена 3 коп.

Некая доля правды в этих виршах присутствовала, потому как учителя, в отличие от одноклассников, нас действительно понимали мало и постоянно пытались Платонова и Чистякова, сидящих за второй партой в крайнем правом ряду, рассадить. Но, как нетрудно догадаться, свято место пусто не бывает, и мы оказывались либо вместе за другой партой, либо все равно в пределах досягаемости. Самым монументальным произведением того периода «творчества» стала написанная на уроках все той же биологии поэма «Город любви», посвященная, соответственно, Ивану Баркову.

Вообще же, что касается биологии, это тема особая. Наша классная мадам, являясь, по сути своей теткой доброй, предмета своего не знала, а потому заставляла нас весь урок штудировать учебник. (Кстати, до сих пор не могу понять, почему рассказывают, будто во все времена вопрос о тычинках и пестиках вызывал у половонесозревших особей мужского и женского пола столько смеха. Ничего подобного. В нашем классе эти предметы воспринимались совершенно естественно.) Таким образом, урок превращался в самоподготовку, которая вдобавок усугублялась тем, что после выходных, а тем паче праздников, Тамара Сергеевна жаловалась то на общее недомогание, то всего лишь на больную голову.

«Вот – с трудом переживая собственное похмелье, говорил Федя, – посмотри на Стулову: рожа красная, на ногах не держится, небось, бухала всю ночь, сука...»
Какая могла быть биология?

Но в один прекрасный весенний день Тамара Сергеевна Стулова, сумев-таки превозмочь усталость и рвотные позывы, решила наконец проверить, чем же это ее подопечные так увлеченно занимаются на уроке, неужто и вправду обсуждают проблему пестиков и тычинок? А подопечные тем временем дописывали очередную главу поэмы. «Ага! – радостно возопила Тамара Сергеевна, сейчас я всему классу это и прочитаю!» Однако на третьем слове ее декламация и закончилась. Видимо, она настолько была потрясена художественными достоинствами произведения, что даже возвратила рукопись гордым авторам.

А рукопись была следующая:

Наутро в город с чемоданом
На дилижансе без колес
С возницей, вечно в жопу пьяным,
Сэр педераст себя привез.
Остановился на вокзале,
Купил в аптеке вазелин,
Явился в зале ожиданий,
Зашел он в винный магазин.

Купил два ящика портвейна,
Армянского вина купил
И, погрузив все на телегу,
Вознице пальцем погрозил.
Возница, лошадь понукая,
Дорогу хуем зацеплял
И камни серые большие
Из мостовой отковырял.

И даже родителей Тамара Сергеевна в школу не вызвала. Хотя вызов родителей изменить уже ничего не мог по двум причинам: во-первых, Федина мама, больная полиартритом, (рассказ о ней еще впереди) придти не могла физически, а моей до всего этого не было никакого дела, благо своих проблем у нее было предостаточно. Наверное, именно тогда у нас и возникло ощущение вседозволенности и безнаказанности. При этом следует отметить, что на дворе стоял 1984 год: Перестройка как таковая еще не началась, но вся т.н. советская система не просто трещала по швам, а уже полностью была развалена.

**ЛЕНИНСКОЙ ПРАВДОЙ ОЗАРЕНЫ
ЗАКОНЫ ВЕЛИКОЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ**

Тогда, разумеется, мы ничего этого не понимали, просто наш более или менее сознательный возраст пришелся именно на эти годы, когда официально еще почти ничего было нельзя, но никого уже не волокли ни в тюрьму, ни на расстрел. Недавно знакомый рассказал мне, что в то время он постоянно ходил с отверткой в кармане и выкручивал все винтики и болтики, которые только возможно было выкрутить, а на недоуменные взгляды отвечал: «Когда-нибудь все это обязательно рухнет!»

Если память мне не изменяет, именно в тот год один из наших одноклассников в компании «единомышленников», а вернее сказать, собутыльников ночью проникли в районный подростковый клуб под символическим названием «Дружба» и устроили там такой погром, что, как писал классик, ни в сказке сказать, ни гонораром оплатить: побили цветочные горшки, раскурочили теннисный стол и даже умудрились в окно второго этажа выбросить пианино. Но главное – рисовали фломастерами портреты членов ЦК Партии («Деятелей ЦК» – как потом сказала Стулова). Разумеется, дело приняло политический характер и КГБ вычислил этих идиотов уже на следующий же день (вся троица входила в совет этого самого клуба), но все как-то обошлось – чай, не 1937 год. Так что «бунтовать» уже можно было не опасаясь за последствия.

И «бунтовали», пользуясь возможностью, как могли. То есть самоутверждались. Но к музыке это не имело никакого отношения: искусство искусством, а жизнь жизнью, и нечего мешать божий дар с даром не божьим. Собственно, само понятие «музыкант» уже обозначало личность незаурядную, а, стало быть, с существующим положением вещей не согласную. Не согласную вообще ни с каким положением никаких вещей. Этакие экстремисты широкого профиля. Однажды, например, мы всем классом пришли на физкультуру в галстуках. Нет, все остальное было как и должно: кеды, трусы, майки, но — в галстуках. Физрук потом по всей школе гонялся за Федей с лыжной палкой и криками: «Чистяков!!! Ты когда нам кровь пить перестанешь, ты когда на физкультуру ходить будешь!!!»

О физруке Владиславе Павловиче следует сказать отдельно, ибо и он был личностью незаурядной и выдающейся, о чем в свое время даже писала газета «Ленинские искры» (была в свое время такая ленинградская пионерская газета). А знаменит он был тем, что, якобы, собственными руками соорудил вокруг школы спортивную площадку. И заасфальтировал. Всю! Футбольное поле, теннисный корт, беговые дорожки... Чем сильно гордился. И была в нашей школе добрая традиция: выпускной класс по весне мудохает физрука. К этому событию готовились заранее: и будущие выпускники, и Владислав Павлович, который, как только начинало пригревать мартовское солнышко, при каждом удобном и неудобном случае рассказывал истории о своем сыне. То он у него оказывался ОМОНовцем, то спецназовцем, то чемпионом СССР по боксу и т.п. Но, невзирая на сына, свое он получал ежегодно. Жаль, что с нашим выпуском эта традиция прервалась.

Интересно было бы посмотреть на сегодняшних школьников — у них ведь поди ничего святого не осталось: ни кнопку учителю на стул подложить, ни стишок какой гадкий про него на уроке накатать. Одни, поди, дискотеки да наркотики в голове. Никакой романтики и творчества!

То ли дело в наше время: собственно, большинство ранних песен «Ноля» были написаны именно на уроках. Например, «Мне знаком товарищ Максвелл» был рожден на уроке физики методом листания учебника и вставления всех попадавшихся фамилий в текст.

Мне знаком товарищ Максвелл —

Он кассеты изобрел
Из пластмассы, из бумаги,
Из лавсановых волос.

Мне знаком товарищ Гюйгенс —

Он кассеты продавал.
Набивал мешки он ими
И на рынок отвозил
и т.д.

Забавно, но созданного за несколько лет до этой нашей песни «Уездного города N» Майка мы в то время даже не знали. То ли действительно все идеи носятся в воздухе, то ли это было простым совпадением, трудно сказать. Жизнь потому и богаче любой фантазии, потому что ничего невозможного в ней нет.

Само собой, что в один прекрасный день, когда песен накопилось достаточное количество, их решили записать. Случай представился сам собой: тетя Тоня, Федина мама ложилась на две недели в больницу, и,

таким образом, в нашем распоряжении оставалась целая комната в коммунальной квартире. Соседка (достаточно потрепанная рыжая блядь) дома практически не появлялась, так что перспективы вырисовывались самые радужные. Но на этот раз к записи решили подойти серьезно: почти месяц репетировали (в основном у Леши дома), делали аранжировки и собирали необходимую для будущей работы технику: два магнитофона «Орбита», два моно-микшера, два динамических микрофона, пионерский барабан (Леша, как комсомольский работник, его взял напрокат в пионерской комнате). Я тогда где-то купил бас-гитару «Орфей» — тогда это был предел мечтаний, причем не только для нас; Федя купил на сэкономленные с завтраков деньги новые струны для электрогитары (сейчас уже трудно даже представить, как на тех отечественных струнах вообще можно было играть). И вот долгожданный день отправки тети Тони в больницу настал...

Первый день записи выпал на 14 апреля, день рождения Ричарда Гарольдовича Блэкмора, а по сему поводу запись превратилась в огромную пьянку... Вообще же, день 14 апреля у нас был главным праздником в году, по количеству выпиваемых напитков и производимого шума сравнимый разве что с Новым Годом.

Происходило это обычно так: стаканы наполнялись портвейном (в идеале это должен был быть «Буджак», но подходили и любые другие из чудного семейства крепленых вин – портвейны 33, 72, 777, «Кавказ» и т.п.); все вставало и молча (подразумевается в почтении) прослушивало «Stargazer», после чего официальная часть заканчивалась и начиналась неофициальная. В тот год размах празднования превзошел все самые смелые ожидания: результатом явилось разбитое окно (Федя пытался выбросить в него свой чугунный пюпитр), распоротая подушка

(собравшиеся, за неимением салюта с помощью этой подушки устроили снегопад), заблеванная кем-то кухня и груды пустых бутылок по всей квартире. Но самым удивительным было даже не это. Какая пьянка без баб, т.е. женщин? И вот, зашедший на огонек и еще сравнительно трезвый Саша Карпов (впоследствии ученик Андрея Тропилло и одно время звукорежиссер «Ноля») вызвался оказать посильную помощь в этом вопросе. Кому-то позвонил, с кем-то поговорил... «Все нормально, – в итоге сообщил он, – все будет, наливай!»

Через пятнадцать минут о дамах забыли, а еще через четверть часа раздался звонок в дверь, и у всех, а особенно у Николса отвисла челюсть: на пороге стоял комитет комсомола 532 школы в почти полном составе...

Оказалось, что комсомольские активистки пьют отнюдь не меньше, чем рядовые комсомольцы. Лешу в качестве комсомольского лидера мы не воспринимали, а потому и образцом комсомольского пьянства он не являлся.

– Что ты меня облизываешь? Я тебе не тарелка! – сказала Леше одна из комсомолок в ответ на его недвусмысленные домогания.

– А мне показалось, что ты как раз и есть та тарелка, на которой кто-то недоел мармелад, –

— тут же ответил он.
Вот так, как говорится, с шутками-прибаутками наступил следующий день. А на следующий день в актовом зале школы происходило (именно происходило, а не проходило) комсомольское собрание, где вышеозначенные барышни с больными с перепоя головами и красными от стыда рожками по бумажке читали доклад о моральном облике комсомольца. Мы же — Федя, Леша и я — восседали в первом ряду и всем своим независимым видом вводили девушек в еще больший конфуз. К слову, в итоге, насколько мне известно, все эти милые создания стали примерными матерями и женами.

Ну да вернемся к делам музыкальным и околomuзыкальным. Собственно запись началась через несколько дней — некоторое время ушло на сбор барабанной установки и техническое оснащение «студии». Барабаны были смонтированы на базе кресла на колесах, которым в обычной жизни по прямому назначению пользовалась тетя Тоня: пионерский барабан был горизонтально уложен на сиденье, к ручке ремнем приматывалась киянка, на которой крепилась давно потерявшая первоначальную форму тарелка — таким образом получился малый барабан и хай-хэт. Недостающие же части установки дополнялись кастрюлями и коробками из-под обуви. Коробки приходилось менять по десять раз на дню, но Леша, как истинный рокер, отказывался стучать аккуратнее. А потому пришлось обзвонить всех знакомых и собрать все наличествующие коробки в округе, но дело того стоило. Нынешние пацаны с гитарами, наверное, вообще не представляют, как можно было в домашних условиях записать альбом без компьютера. Тем не менее, нам это удалось, да и, когда по прошествии времени я достал с полки кассету с той нашей записью и воткнул ее в магнитофон, то поразился, насколько она хорошо звучала. По крайней мере, не на много хуже, чем записи Леша Вишни того времени.

Сама технология записи выглядела так: сначала через микшер записывали на один магнитофон барабаны, гитару и бас, потом, используя второй магнитофон, подписывали голос и вторую гитару. Причем получалось так, что одна гитара оказывалась в правом канале, а другая — в левом. Такое вот стерео. Иногда приходилось делать третью «накладку» — когда хотелось использовать что-нибудь экзотическое: будильник или крышки от мусорных бачков («Мне знаком товарищ Максвелл»), пылесос («Гибель водопроводчиков»), стакан и чайные ложки («Любовь»). Кстати, именно в песне «Любовь» впервые был использован баян — тогда еще в качестве стеба. В то время Федя не воспринимал баян как инструмент, хоть сколько-нибудь пригодный для исполнения рок-музыки. Да и петь он тогда стеснялся, прямо как Джим Моррисон. Поэтому большую часть песен исполнял Николс. Следует отдать ему должное, глотка у него будь здоров, другое дело, что сосредотачиваясь, главным образом, на чистом выпевании нот (хотя и это у него не всегда получалось), он никак не мог петь не только чисто, но и душевно или хотя бы не коверкая слова, и вот тогда-то к микрофону подходил Федя. В общем, в итоге получилось что-то среднее между Beatles, Black Sabbath и Облачным Краем (хотя в то время мы и слыхом не слыхивали об этой группе).

Так или иначе, альбом был записан и даже растрирован для всех желающих. Желающих оказалось довольно много: человек десять. Так мы впервые почувствовали себя рок-звездами.

Справедливости ради следует отметить, что «Scrap» был не первой нашей записью. За полгода до этого была попытка записи в клубе «Красногвардеец», где мы репетировали в качестве районного под-росткового ВИА под руководством в прошлом кабацкого музыканта Паши (фамилию его я, к сожалению, забыл. А может, и вовсе не знал). Состав ВИА был таковым: Федя играл на электрооргане, Леша на гитаре, я на басу, а за барабанами сидел Сережа Агапов, который на несколько лет был старше нас, курил и матерился вдвое больше и был, соответственно, настоящей рок-звездой местного масштаба. Однажды, когда ВИА должен был выступить на районном смотре-конкурсе, состав был усилен нашей одноклассницей — отличницей Светой Филипповой, которая петь умела, но имела при этом такой отвратительный и визгливый голос, что слушать это пение не представлялось возможным.

Поэтому одну из песен все-таки исполнял Николс. Вообще же, в программе подросткового ВИА обязательно должна была присутствовать хотя бы одна антивоенная песня кого-нибудь из советских

композиторов, но мы были честными рокерами, а посему ни на какие компромиссы идти не желали. Одно время Федя вообще даже поднял вопрос о возможности нашего участия в смотре. Но, как ни крути, выступить хотелось и даже очень, тем более, что смотр был для этого единственной возможностью. Вопрос разрешился сам собой: антивоенную песню написал Леша. Песня называлась «Почему?»»

Я живу на свете этом
В черном страхе постоянном
Я хочу забыть об этом
В размышлении обманном.
Кто подскажет, что такое
На земле сейчас творится,
Почему, как перед штормом,
Человек всего боится?

Почему я не уверен,
Что увижу солнце завтра,
Что вокруг еще взгляну я,
Как сейчас я буду петь?
Почему я жить обязан,
Вечно думая о смерти,
Почему помочь нельзя мне
И приходится терпеть?

В общем, классическая советская антивоенная песня: дескать тыр-тыр-тыр, восемь дыр, мы за мир, мой командир. Отличало это произведение от какого-нибудь Бухенвальдского набата лишь то, что николаевские вирши были положены на довольно жесткий гитарный риф в размере 4/4, в результате чего получился этакий полу-Deer Purple, полу-Антонов, так что компромисс удался. Уже значительно позже я узнал, что точно таким же образом поступал в Архангельске Сергей Богаев, когда партийные работники в очередной раз запрещали выступление на очередном смотре-конкурсе его «Облачного Края». Так что мы не оказались оригинальны, тем более, что даже Майк Науменко в свое время с этой же целью написал песню «Хиросима все еще пылает». За которую, как позже он признавался в многочисленных интервью, ему было стыдно всю жизнь. Интересно, что бы сегодня он сказал Олегу Ковриге, узнав, что тот откопал-таки где-то запись этой песни и поместил ее на пластинку «Дубль Вэ»? Так или иначе, но Майк навсегда останется для меня человеком, на котором русский рок (если этот рок вообще существует) начался и закончился. Да, по большому счету, вся наша жизнь — один сплошной рок (не в значении музыки).

Уж не знаю, к счастью или нет, но с Майком мне так и не довелось познакомиться лично, хотя много позже, уже после его смерти, я оказался в кругу людей, хорошо его знавших, а Валера Кирилов вообще стал моим любимым собутыльником — до тех пор, пока не оказался в тюрьме. Именно Майк, как мне кажется, был умом, честью и совестью не только так называемого русского рока, но и всей той эпохи конца 80-х — начала 90-х. И это при том, что социальных песен у него не было — он писал то, что чувствовал, а это самое сложное. Даже западные хиты он умудрялся перевести на русский так, что они становились полностью его собственными. Вообще же судьба группы «Зоопарк» довольно показательна: за последние годы своей жизни Майк не написал практически ни одной песни, хотя в интервью говорил, что материала у него на два полноценных альбома. После же его трагической гибели (именно гибели) группа развалилась сама собой, да и сами музыканты ушли в небытие: кто-то умер, кто-то сел, кто-то спился... Только Илья Храбунов, насколько мне известно, играет в каком-то кабаке. Все, время рок-н-ролла кончилось. Трендец.

Но нам повезло: нам посчастливилось застать расцвет той эпохи, которая, может, когда-нибудь и вернется, но для этого должен повториться сперва

1937 год, потом 1953, потом... Знаете, короче, историю изучали. Слишком это дорогая цена для рок-н-ролла.

В общем, на том смотре-конкурсе мы как-то выступили и, если мне память не изменяет, даже заняли какое-то место. Но главным результатом стало то, что наша группа без названия (нельзя же было открыто признаться, что мы называемся на языке потенциального врага) мы получили официальное право на выступление в клубе, что и произошло через пару месяцев.

Тогда в первый и последний раз мы играли на танцах. К выступлению готовились долго: Федя почему-то решил, что все музыканты должны быть одеты в черные брюки, белые рубашки и черные галстуки, причем на галстуках он настаивал особо, и, так как у меня черный галстук в гардеробе отсутствовал за ненадобностью, где-то его для меня раздобыл.

Итак, брючки у всех четверых были отглажены, рубашечки постираны, галстучки повязаны, можно и музычку поиграть. Помните из альбома «Песня о безответной любви к Родине»: «Доставай-ка как бы гитарочку да натягивай как бы струночки, выставляй свои как бы колоночки да береги свои перепоночки?» Подозреваю, что ноженки у этой фразочки растут оттудаки.

Желающих послушать вокально-инструментальный ансамбль «Красногвардеец» (так, по названию клуба, мы и решили именоваться) собралось предостаточно — благо на халяву, а во-вторых, можно поплясать и на законных основаниях потискать девчонок.

Планировалось, что наше выступление продлится не более 30-40 минут, но собравшиеся требовали еще и еще... Ну не играть же все по второму разу!

Ситуацию спас уже полупьяный к тому времени Агапов, исполнивший под гитару несколько песен из серии «городского романса». А вот что было потом — не помню, уж очень пьян был. Эх, было ж время: водка брала...

Кстати, клуб «Красногвардеец» находился в аккурат в торговом центре, где на втором этаже размещался ресторан «Северянка», который с полной уверенностью назвать колыбелью русского рока.

Именно здесь проходил первый концерт «Машины времени» в Ленинграде, именно здесь частенько выступал Юрий Морозов со своими «Босьяками», певал там, говорят, в дни юности мятежной и Гребенщиков. Да и вообще Охта — райончик на редкость рок-н-рольный. Чего стоит один Дом Юношеского Творчества на улице Панфилова, где располагался кружок звукозаписи и акустики под руководством легендарного Андрея Владимировича Тропилло! Но мы тогда еще ничего этого не знали.

О существовании Тропилло первым мне сообщил Федя, он же подчеркнул эту информацию из газеты «Смена». До сих пор для меня остается загадкой, как это ему удалось — ведь ни газет, ни журналов, ни книг Федя не читал не то, чтобы принципиально, а просто не читал. Зато писал сам. Как-то на антресолях он выкопал рукописи двух своих романов: «Вам и не снилось» и «Приключения Пандюика». Писал он их (если не врет) в десяти — двенадцатилетнем возрасте, так что легко представить, какое удовольствие мы получили, от прочтения этих опусов. Несколько фраз из них я помню до сих пор: «...а до Рио-де-Жанейро оставалось еще сорок тысяч квадратных километров» или «В лодке мрачно сидел ухмыляющийся только что совершенным преступлением Джон Браун». Обе рукописи были щедро проиллюстрированы автором. Эх, где-то они теперь?

Старый я, наверное, стал – все время так и тянет поностальгировать. Что сейчас, то ли в наши дни: и солнце было ярче, и вода мокрее, и девушки моложе.

Дело, конечно, не во времени, просто сами мы были моложе, проблем не было никаких (разве что за исключением надвигающихся экзаменов), здоровья еще хватало – чего бы не жить да радоваться? Или даже не в этом дело: разве сегодня, когда мне уже за тридцать, стану я прятаться в мусорный бачок, чтобы с криком выпрыгнуть оттуда и напугать Федю? Придет ли мне в голову мысль бегать с голой задницей перед трамваем по Большой Пороховской улице? Поташусь ли я ночью пить водку на Большеохтинское кладбище? Вряд ли... Но ведь как здорово все было! Кстати, и Федя, и Леша принимали в подобных перформансах самое непосредственное участие, вот разве что Федя побаивался ходить ночью на кладбище, так что приходилось тащить его туда волоком. Не пойдешь на кладбище – не нальем.

Так вот, вычитал Федя про Тропилло, про то, что записывает он на собственной студии всяких разных музыкантов навроде Гребенищикова, Цоя и Науменко и даже денег за то не берет. Носился он с этой газетой неделю, как дурак с писаной торбой, пока не набрался наглости и, взяв качестве дэмы свежезаписанный «Scrap», отправился к Тропилле в ДЮТ.

Тропилло к молодому дарованию отнесся благосклонно, так что мы имеем полное право вслед за классиком повторить, что старик Тропилло нас приметил и даже благословил. К счастью, не в гроб входя.

Благословение его выразилось в том, что он согласился в свободное от основной работы время подействовать нашей записи. А был это уже 1985 год. Для студии «Антроп» (так Тропилло обзывал свое сомнительное заведение, являвшееся по документом кружком звукозаписи и акустики) это было временем великих свершений. Именно там и именно в 1985 году записывались такие великие, не побоюсь этого слова, альбомы русского рока, как «Дети декабря» Аквариума, «Белая полоса» Зоопарка, «Энергия» Алисы, тогда еще Славы Задерия, «Стремя и люди» Облачного края, «Шествие рыб» Телевизора.

Причем запись происходила практически одновременно: не успевал из дверей студии выйти Цой, как навстречу шли Задерий с Кинчевым, но место уже было занято — непонятно как, но в студии уже сидел Майк. Причем с Майком Тропилло запирался на ключ и, как рассказывают особы приближенные к императорам, они там не столько занимались звукозаписью, сколько бухали. Тропилло этот процесс называл репетициями. Сейчас, по крайней мере, Андрей Владимирович категорически отрицает то, что он хоть раз хоть с кем-нибудь пил на работе. Может, так оно и есть, а гадкие слухи распускают недоброжелатели. Со мной, по крайней мере, в Доме Юного Техника Тропилло не пил ни разу. Для этой цели на углу Среднеохтинского проспекта и Большой Пороховской улицы им было облюбовано кафе, которое в народе прозвали «Гномиками» из-за стен, расписанных диснеевскими персонажами. Кафе это, как ни странно, существует и по сей день, и по сей день там разливают Советское шампанское и варят неплохой кофе. Правда, теперь по воле новых хозяев оно называется «Ворскла». Эх, кто в «Гномиках» кофе с шампанским только не пивал!.. И ведь никто ж не догадается повесить на нем мемориальную доску.

Но разве в доске дело?

Разве можно сегодня представить Кинчева, Гребенщикова, Дюшу Романова, Тропиллу, Борзыкина вот так вот запросто сидящих за одним столиком в самом обыкновенном кафе и попивающих кофе из чашечек с надкусанными краями?.. Вот то-то. Но, как говорится, comments.

Вообще же, Тропилло воспитал целую плеяду замечательных людей — музыкантов, звукорежиссеров. Спустя некоторое с легкой руки журналиста Андрея Бурлаки даже появился термин «Тропильские дети», к коим я не без гордости отношу и себя. «Тропильским ребенком» был и Саша Карпов, который занимался у него в кружке, и именно ему и было доверено крутить ручки на пульте во время записи группы «Scrap». Но до самой записи было еще ой как далеко, она состоялась лишь через год, а пока Тропилло, во-первых, потребовал сменить название на какое-нибудь русскоязычное, и все кормил и кормил завтраками. То у него не работал магнитофон, то приходил Майк и они уединялись «на репетицию», то он просто не приходил в Дом юного техника в назначенное им же самим время. Спустя годы он поведал, что таким оригинальным образом занимался нашим воспитанием. Есть в этом некоторая доля истины, так как Тропилло за это время под завязку накачал нас музыкой как своего производства, так и западной (в частности именно от него я впервые

услышал Тома Уэйтса), потаскал нас по подпольным концертам. Видимо, таким образом он пытался привить нам правильный вкус.

Однажды с заговорщицким видом он повез нас в Васкелово на празднование дня рождения Джона Леннона. Главное, что я запомнил с этого концерта, так это лысого Лешу Рыбина, пьяного волосатого Васина, орущего «Раздвигай скамейки, плясать будем!» и звон бутылок, по которым эти самые скамейки катались. Видимо, действительно кому-то было весело, мы же потихоньку зверели: ну когда же этот небритый дважды мудозвон Советского Союза наконец займется—таки нашей записью?! Но он постоянно отказывал под тем или иным предлогом.

А тем временем подошло время выпускных экзаменов. Понятно, что меньше тройки все равно никому не поставят и аттестаты выдадут все, но все равно страшновато: как-никак, а первые экзамены в жизни. Тем более, что и Леша, и я собирались поступать в институты (я в Театральный, а Николс хоть куда—нибудь).

Вроде бы мальчики из интеллигентных семей, должны получить высшее образование и все такое.

Невозмутимым оставался только Федя. Казалось, что будущее его ни на грамм не волнует.

Собственно, он так экзамены и сдавал. Например, на устном экзамене по литературе между ним и преподавателем произошел следующий разговор:

- Чистяков, что ты молчишь?
- Извините, Нина Борисовна, я этого билета не знаю.
- Что ж, тяни следующий.
- Федя послушно берет очередной билет.
- Ну, что ты встал? Иди готовься!
- Я и этого билета не знаю...
- Хорошо... Бери еще один билет, но это будет последний!
- Не надо... Я ни одного билета не знаю...
- Ну Чистяков! Ну Чистяков!! Ну Чистяков!!! Вон отсюда!!! И чтоб на глаза мне больше не попадался!!! Три!!!

— КТО ВЗОРВАЛ «РЕЙНБОУ»?

Я же относительно себя беспокоился только за химию, которая до сих пор является для меня тайной за семью печатями. Ее сдача превратилась в анекдот о том, как экзаменатор, желая подбодрить учеников, предлагает: «Тому, кто пойдет отвечать первым, я поставлю на один балл больше». И тогда поднимается один из учеников и говорит: «Ладно, я иду. Ставьте мне три». Этим троечником и был я. В общем, экзамены сдали все и аттестаты о среднем образовании получили тоже все. А вот характеристики (те, кто постарше, помнят, как все боялись тогда выйти из школы с плохой характеристикой – в лучшем случае, можно было устроиться работать дворником) выдавались только после выпускного вечера. Вот такая подстава со стороны любимых педагогов: ни тебе выпить, ни тебе стекла побить в кабинете родного классного руководителя.

А ведь как раз именно тогда в стране началась анти-алкогольная кампания, в моду стали входить безалкогольные пьанки – свадьбы, выпускные вечера и прочие

торжества. Вот и учителя наши, посоветовавшись с родителями, решили устроить нам такой безалкогольный выпускной. Ну ни фиги себе! Это что ж такое получается: на все праздники, включая 9 мая и 1 сентября мы пили, а по поводу окончания школы, что у нормальных людей случается один раз в жизни, выпить не дают. Не радовал даже вокально-инструментальный ансамбль, выписанный родительским комитетом за невероятные деньги из фирмы «Невские зори».

Само собой разумеется, что напились все – и трезвенники, и язвенники, и их многочисленные родственники. И мы, из вежливости прослушав несколько номеров в исполнении профессиональных музыкантов, так же вежливо попросили их со сцены.

Те, в свою очередь, отказывать не стали, ибо, видимо, тоже были злы: привыкли, поди, играть на свадьбах, где им наливают, а тут, понимаешь, школа и ни капли алкоголя – да ну в баню такую работу! Одним словом, играйте, ребята, что хотите. Ну мы и сыграли. Уже не помню, что именно, но еще несколько песен сыграли на бис, типа, знай наших! Потом, конечно, родители настояли на возвращении оплаченных ими музыкантов на сцену, не зря же в конце концов они скидывались.

А мы пошли бродить по городу, тогда еще Ленинграду. Выпускной вечер... Лето, белые ночи, легкий ветерок с Невы, сильный ветер в голове, одноклассница по фамилии Габриэль... Это ж все равно, что носить фамилию Леннон и имя Джон! Чудеса, да и только: весна, запах сирени, хочется счастья, водки, славы, женской ласки и еще Бог знает чего. Всего хочется, причем одновременно, много и немедленно. А утром еще больше хочется спать, а тут к 9.00 переться в школу за характеристиками. Вот ни в одной бочке меда не обходится без ложки дегтя! И мы наощупь (глаза не открываются у кого с перепоею, у кого просто от усталости), как немцы в сорок первом под Москвой, бредем в школу, поднимаемся на третий этаж в кабинет биологии, где такая же опухшая и ничего не соображающая Тамара Сергеевна выдает подписанные ею еще неделю назад характеристики. Стоило ли выдрючиваться? Воспитательный процесс, однако.

Интересная штука — память. По какому принципу она работает, не знает никто. Михаил Веллер считает, что знает, но и он, скорее всего, ошибается. Почему какие-то значительные вещи забываются уже через два-три года, а то, что поначалу казалось совершенно не нужным, задерживается в ней на многие десятилетия?

А иногда происходят вообще странные вещи: вспоминаю какие-то вещи, а их, оказывается, не было вовсе. Странно...

выпускной

Николс, Федя, Люля

Вот, например, история о том, как однажды мы подшутили над Федей. Дело в том, что жил он на втором этаже и окно его комнаты находилось как раз над козырьком подъезда, так что в его квартиру без труда можно было проникнуть, стоило лишь подтащить к лестничному окну мусорное ведро. И вот в один прекрасный день, а точнее, в одну прекрасную ночь, мы с Мишкой Саморуковым, который был гением в области шуток и розыгрышей, проделали этот нехитрый путь и оказались, таким образом, перед окном комнаты, в которой мирно спал Федор Валентинович. Цель нашего ночного визита была проста: закрасить это окно белым лаком наглухо. Дело в том, что будильник в хозяйстве Федора отсутствовал и время он определял исключительно по звездам. Так и проспал он тогда, бедолага, полдня...

Что, поверили? Я даже сам иногда в это верю – а вот, оказывается, не было этого! По крайней мере, Федя утверждает, что не было. Хотели мы это дерьце проверить, да так и не собрались. Рассказал я как-то об этой идее своему хорошему знакомому, и так ему она понравилась (еще бы!), что он воплотил ее на даче своих родителей. Повеселились, разумеется все, кроме него самого – долго потом после папиного ремня он не мог сидеть. Так что все на свете может быть. Другое дело, что умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих.

Ну, например, какой здравомыслящий человек попрется 1 мая в лес с ночевкой, водкой, друзьями, одной женщиной на всех и без палатки? «Прогулка в весенний лес» – романтика, блин... Какой здравомыслящий человек в трезвом состоянии будет писать на прохожих днем из окна второго этажа? Остается только покрутить пальцем у виска. А какой здравомыслящий человек будет обо всем этом читать? Вот то-то.

2

Расставаться было чертовски грустно. Само собой, в большинстве своем мы расставаться и не собирались и окончание школы воспринималось скорее как очередные летние каникулы, и все-таки, все-таки...

После выпускного я впервые в жизни плакал по-настоящему. Вот так потерял свое имя...

А на улице стоял месяц май, впереди было лето и целая жизнь. В Театральный институт я, конечно же, в то лето не поступил, как и не поступил в него никогда, о чем по прошествии энного количества времени нисколько не жалею, а пошел работать на завод с символическим названием «Двигатель»; Николс поступил во ВТУЗ при Ленинградском Металлическом Заводе; а Федя подался в Культпросветучилище на отделение народных инструментов, из которого он должен был выйти преподавателем балалайки в каком-нибудь Доме пионеров. Но это все будет осенью, а пока лето — пляж, теплый портвейн из горла, карты, рок-н-ролл и полный расслабон. Лешка как всегда укатил в деревню, я — на дачу к отцу, а Федя отправился в пионерский лагерь в качестве музрука.

И вот как-то с друзьями, прихватив парочку бутылочек горячительного, отправились мы Дядю Федора навестить. Кажется, лагерь назывался «Волна» или что-то типа этого и находился он под Приозерском (это в четырех часах езды на электричке от Питера), а где-то посередине между Питером и Приозерском и находилась моя дача (через несколько дней это оказалось принципиальным моментом).

Лагерь мы нашли на удивление быстро, а вот кто такой «музрук Федя» не знал никто. В конце концов, какой-то пионер сообразил: «Так вам нужен Федор Валентинович? Он сейчас, наверное, курит траву, а через пол часа у него занятия». И через пол часа мы увидели, как Федька с осоловевшими глазами наяривал Smoke On The Water, неистово растягивая меха баяна, а довольные детишки в пионерских галстуках подхватывали петушинными голосами: «Смоук он зе воче фаяр ин зе скай!!!» Увиденное потрясло своим идиотизмом, поэтому, недолго думая, одну бутылку мы откупорили тут же, и хоть она не взорвалась наподобие шампанского, именно в этот момент Федя нас заметил и посмотрел с укоризной: выпили, мол, без меня... Собственно, пионерский лагерь (для тех, кто помнит, но забыл) есть вертеп разврата и алкоголизма. Когда, спустя несколько лет, мне самому пришлось работать в пионерлагере воспитателем, я взял с собой в первую очередь коробку презервативов и раздал пионерам своего отряда, и только после этого спал

по ночам спокойно, зная, что никаких ЧП не произойдет.

А на музруке какая ответственность? Да никакой!

Оттягивайся, загорая на солнышке, пей водку да потрахивай вожатых, благо вожатые все – молодые девчонки, а мужиков в лагере всего – физрук да музрук.

Одним словом, настоящий рай земной для молодого раздолбая. С тех пор в гости к Феде мы приезжали не реже раза в неделю. И как-то в один из наших визитов Федя с заговорщицким видом сообщил, что через три дня смена заканчивается, и он от имени и по поручению командирован в город за водкой. Неужели же водки не было в Приозерске? Сегодня в такое верится с трудом, а вот поди ж ты – не было. Что ж, за водкой, так за водкой: сказано – сделано, и поехали мы с Федей вдвоем за водкой в славный город Ленинград. Уж сколько мы ее понакупили, не помню, однако две сумки, набитые бутылками, были ну очень тяжелыми.

В этой ситуации мы приняли единственно правильное решение: хоть одну, да выпить на месте – и сумка станет легче, да и сил прибавится. Итак, одну мы выпили в городе, вторую в электричке...

И проснулись утром у меня на даче с одной сумкой водки. Куда делись остальные бутылки из первой сумки – неизвестно. Денег больше не было. А в это время в пионерском лагере истекая слюной мечтал о вкусной

водке алкоголик-физрук; и что он может с нами сделать, увидев лишь половину заказа, одному только Богу ведомо. Ну да где наша не пропадала, а то физруков мы не видали! Уж кто-кто, а Федя имел богатейший опыт общения с разъяренными физруками, из которого следовало, что с разъяренными физруками лучше вообще не общаться. И на экстренном заседании совета пионерлагеря договорились отпраздновать отвальную на день раньше, а физрука в известность о том не ставить, а что уж там дальше – ни я, ни Федя так никогда и не узнали, ибо наутро уехали из этой гребаной «Волны» или как ее там, и больше уж никогда туда не возвращались.

Но самое интересное, что на том история только началась: вечером того дня, утром которого мы покинули лагерь, на праздник из Питера приехали заранее приглашенные Шифер и Файран... Не застав ни Федю, ни меня, они провести ночь в обществе очаровательных пионервожатых почему-то постеснялись и, грязно матерно ругаясь, поехали обратно. Разумеется, опоздали на электричку, и, как истинные джентльмены, проделали обратный путь под проливным дождем на платформе товарного поезда, груженого гравием.

Если кто-то полагает, что нам с Федей было стыдно

то он глубоко заблуждается — такими уж мы были подонками, впрочем, поменяйся мы с Шифером и Файраном местами, думаю, что и они бы не испытывали ни тени стыда: кто не успел, тот опоздал, а кто первый встал, того и тапки.

Дома Федю ждала картина не менее занимательная: во время его отсутствия тетя Тоня начала делать в квартире ремонт — составила всю мебель в центре комнаты, накрыла ее газетой, а сама же с костылем в руке гонялась по квартире за влетевшем сквозь распахнутое настежь окно голубем. При этом она орала что есть мочи: «Шиш! Шиш!!!» Помните:

«Проститутки вон, а голуби — шиш!» Ни одного слова неправды, никакого художественного вымысла — сплошной голый неприглаженный социалистический реализм. И кто-то еще будет утверждать, что это высокая поэзия? Кто-то всерьез полагает, что эти песни писал Тропилло? Шиш вам, подонки!

Как-то Игорь Лунев, лидер группы «Бубенцы», прочитав на очередной свой альбом рецензию в каком-то журнале, жутко обиделся на автора за то, что тот обвинил музыкантов в том, что те поют о том, чего не знают. Пожалуй, для рокера это самое страшное оскорбление.

Помню, когда на фирме «Мелодия» вышла первая и единственная пластинка «Ноля», к ней требовалось написать аннотацию. Писали ее сообща, в итоге выглядела она примерно так: «Проблемы современной молодежи, такие как алкоголизм, наркомания и одиночество знакомы музыкантам не понаслышке». Конечно, это была шутка, но в любой шутке прячется, как известно, и доля истины. Причем весьма существенная доля.

Группа НОЛЬ
СКАЗКИ

Музыка рок-группы «Ноль»

Сторона 1	Сторона 2
Как оно есть (А. Платонов) — 14.50	Легкая эротика (Г. Стариков, Ф. Чистяков) — 3.10
Сказка о колбасе (группа «Ноль») — 4.15	Танго (балль) — 3.04
Мне не место в этом мире (А. Платонов, Ф. Чистяков) — 4.15	Пушкин — в зад! — 5.30
	Будет все хорошо — 4.37 (Ф. Чистяков)

Федор Чистяков, вокал, баян, акустическая гитара (1, 3, 7),
Балалайка (1), клавишные (2, 3, 7)
Георгий Стариков, гитара, Балалайка (7)
Дмитрий Гусаков, бас-гитара; Алексей Николаев, ударные
Елена Вишня, вокал (4, 6)

Зауорениссеры: А. Новожиков, Ю. Морозов, Редактор Т. Маркелова
Художник И. Петровский

«Можно ли назвать музыкой разного рода шумовые эффекты, атиснутые в очень жесткие, напористые и примитивные рамки! Наверное, каждый из вас задавал себе этот вопрос, прослушивая композиции ленинградской группы «Ноль», дебютный диск которой вы сейчас держите в руках.

Но те, кто ищут в музыке только отдыха и развлечения, пусть, не задумываясь, откладывают пластинку в сторону. Ведь в песнях группы много болевого, тревожного, горькой иронии, в порой и едкого сарказма.

Что же привлекает слушателей к этому коллективу! Прежде всего — высокое исполнительское мастерство. Вслушайтесь в скрежет гитары Георгия Старикова, в невнятный бормотание бас-гитары Дмитрия Гусакова, в кастрированный перепев тарелок Алексея Николаева, взрывающий музыкальное полотно баян и болезненно-надрывный вокал лидера группы Федора Чистякова, и вы поймете, что острые проблемы современной молодежи, такие, как наркомания, отчуждение, стрессы, психические расстройства, ведущие в тупик отношения полов, знакомы музыкантам не понаслышке.

Второе несомненное достоинство группы — глубокие народные корни. По этому поводу лидер группы «Акварium» Борис Гребенщиков сказал: «Чтобы стоять, я должен держаться корнями». И, как бы вторя ему, Федор сказал: «Мы не признаем песен-однодневку».

И я, молодой, но много повидавший человек, слушаю этот альбом и чувствую, как растет во мне тайное волнение, как бьется только от встречи с настоящим...

Петр Шиш

«Познай себя», — советовал Сократ. Подозреваю, что, произнося эти слова, он гаденько улыбался. Если себя самого познать — занятие не из легких, то как можно познать людей посторонних, с которыми даже и не встречался ни разу? Потому-то зачастую наши уважаемые критики и выдают полную хреновень.

Достаточно почитать книгу Кушнира «100 альбомов русского рока», чтобы в этом убедиться. По крайней мере, что касается «Музыки драчевых напильников» там нет ни единого слова правды. Ну, может, полслова. Так история, обрастая домыслами и легендами, превращается в миф. Не помню, кто сказал, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым, но именно так все оно и происходит. Причем, не только в России.

Все в этом мире происходит как бы само собой. В один прекрасный момент понятия «Ноль» и Дядя Федор в головах не только рок-фанов, но даже и критиков совместились в одно, хотя, если внимательно почитать аннотацию к тому же первому альбому группы — «Музыка драчевых напильников», то окажется, что Федин вклад в него не столь велик, как это сейчас пытаются представить многочисленные писаки. При всем моем к ним уважении, они ни малейшего понятия не имеют, как оно все было на самом деле.

Добрая часть песен «Музыки...» написана Николсом, причем, как мне кажется, это лучшие песни: «Игра в любовь», «Мы будем тут»; к чему-то приложил руку я; а собственно Федину перу принадлежит лишь «Марш энтузиастов II» («Я сплю в очках, чтоб лучше видеть сны...»). Я и тогда, и сейчас считаю, что Леха Николаев значительно более талантливый поэт и музыкант, нежели мы все, включая Федора, вместе взятые. Однажды наш общий знакомый Коля Фомин, послушав рабочие материалы к альбому «Ноль без палочки / Бредя» изрек: «Не знал я, что Николс, оказывается, любит красивую музыку, а в «Ноле» его заставляли всякую хуйню играть». И чертовски обидно, что обстоятельства вытащили на передний план не его, а Федю. Кстати, те, кто слышали «Музыку драчевых напильников», наверняка обратили внимание, что в основном на этом альбоме поет-то Лешка. Просто Федя тогда еще петь стеснялся. Прямо как Джим Моррисон в начале своей карьеры, когда в студии он еще как-то подходил к микрофону, а на концертах стеснялся, и пел за него Манзарек. Такие уж они, рок-звезды, все норовят на чужом горбу в рай въехать.

Дядей Федором Федя окончательно стал после записи «Музыки...». Тропилло своим каким-то удивительным

чувством моментально разглядел в нем будущего «кумира молодежи», и большую часть времени, отведенную нам на запись, занимался Федей. По прошествии полутора десятков лет мне кажется, что Николс тогда очень переживал по этому поводу, хотя виду и не показывал, да и сейчас он вряд ли в этом признается, но именно в то время он практически перестал писать песни. А жаль. Федю же просто распирало от нового материала: «Коммунальные квартиры», «Школа жизни», «Граница, стоять!», «СПИД» – большинство главных хитов «Ноля» были написаны именно в те года – 1985-86.

По большей части все они являлись плодом коллективного творчества: Федя кидал какую-то фразу, и в процессе совместного распития крепких алкогольных напитков она превращалась в законченную песню. Яркий тому пример – «Говнорок». А дело было так: Федя с баяном сидел на своей коммунальной кухне и распевал: «Люблю – не люблю...», и тут, откупоривая очередную бутылку портвейна, я добавил: «Эх, рок-говнорок», на что Николс незамедлительно отозвался: «Фендер стратокастер», а остальное через тридцать секунд выдал Монстр. Вот, собственно, и все.

Ринго Старр в одном из интервью как-то рассказал, что когда Леннон с Маккартни решили поделить творческое наследие «Битлз» и никак не могли

договориться по поводу какой-то песни, он тоже потребовал свой кусок пирога, потому как именно он предложил заменить ля на ля дизел. На этом дележка была завершена: все песни так и остались за авторством Леннона – Маккартни. С «Нолем» та же история.

Что же до Монстра, то есть Димы Гусакова, то он появился в группе зимой 1986 года (я продинамил несколько репетиций, да и вообще рок-н-ролл меня тогда перестал прикалывать), когда, с одной стороны, освободилась вакансия бас-гитариста, а с другой, Монстр пришелся в группу как нельзя кстати. Мне вообще кажется, что настолько органично он вообще вряд ли мог куда-нибудь вписаться. До знакомства с Федей он играл с Ильей Семкиным в группе «Цветные сны», но чтобы представить его там, нужно очень сильно напрячь воображение – у меня, по крайней мере, это не очень-то получается. Не представляю, как Илья, да и вообще кто-нибудь другой смог бы долго выносить его постоянные подколы. Для нас же это было единственно возможной формой общения как между собой, так и с окружающим миром. Например, проехать в автобусе в противогазе считалось рядовым событием, а устроить ночной концерт на козырьке Федькиного подъезда с песнями и танцами –

да запросто, главное, найти деньги на портвейн. Году, кажется, в девяностом, когда Федя решил распустить группу (в то время он увлекся проектом под названием «Черные индюки»), встал вопрос, что делать с Монстром. Сам бы он, разумеется, до этого вопроса никогда не додумался — справедливости ради следует сказать, что Федор никогда всерьез не думал о людях, с которыми ему приходилось работать.

Например, в поисках барабанищика, когда Николс ушел в армию, Федя, не задумываясь, развалил несколько неплохих групп, и совесть его не мучает до сих пор.

Ну, да не я ему в том судья. Так вот, вопрос о судьбе Монстра был решен в ноль секунд: отправить его в «Преображение». Дескать, Монстр авангардист, там ему и место.

Но до девяностых, как и до настоящего беспредела было еще далеко, он начался году, если память мне не изменяет, в 87-м, когда вся наша теплая компания по-настоящему почувствовала себя рок-звездами.

Даже первые гастроли в Новгороде, которые воспринимались тогда как нечто сверхъестественное, оказались цветочками по сравнению с тем, что было потом. Правда, Новгород стал еще тем цветочком...

Номинально членом группы я уже не был, но такое событие, как гастроли, пропустить просто не мог,

а потому и отправился в Новгород вместе с «нулями». Все это произошло, если не ошибаюсь, в январе, а поехали мы на пару с группой «Штормовое предупреждение». Ребята играли нечто наподобие «Judas Priest» — в те времена музыку модную и одновременно чуть ли не запрещенную. И играли, видимо, неплохо. Новгород, по крайней мере, визжал и плакал. Так вот, в каком-то местном ДК были запланированы два концерта. Оба они должны были происходить по одной схеме: первое отделение «Ноль» в качестве разогревающей команды, а во втором, собственно, виновники торжества (интересно, помнит ли сейчас кто-нибудь это самое «Предупреждение»?).

Федя, Николс, Монстр и Шифер с барышнями укатили в Новгород утренним автобусом, а у меня днем были в Ленинграде какие-то дела, так что приехал я только поздно вечером; и когда, наконец, добрался до гостиницы, свободных мест в ней уже не было.

Наверное, мы оказались единственной группой в СССР, где по полотенцам в гостиничный номер поднимали не девочек легкого поведения, а мальчиков поведения такого, что серьезнее некуда. Под утро в отделении милиции лейтенант так напрямую и сказал: «Девочки в номере были? Мальчики голые были? Вы уж, господа музыканты, выберите для себя что-нибудь одно...»

Но пока милиция не появилась (а появляется она, как известно, в самый неподходящий момент), мы праздновали первые гастроли: песни под баян, портвейн из термоса и прочие удовольствия по мере потребностей. И вот когда уже веселье подходило к концу и все начали понемногу засыпать — Леха со своей будущей женой Таней в одной кровати, Федя с Катей Штейн в другой; Монстр, Шифер и я вообще в соседней комнате, в номер заглянула дежурная по этажу. «Жалуются, — говорит, — на вас, шумите, спать людям не даете. А, кстати, к вам девочки приходили... Где они?» Услышав, что девочки ушли к себе в номер, дежурная успокоилась, но, видимо, для очистки совести решила заглянуть в шкаф. А в шкафу находился проживающий в гостинице без документов я — в одних семейных трусах, зато волосатый и с бородою до колен. Единственное, что смог я сказать в свое оправдание — «Так получилось...» В этот момент у Федя под одеялом раздался истерический женский смех, а через две секунды такой же женский смех донесся с балкона. На дежурную было жалко смотреть. Она в изнеможении присела на стул и машинально отхлебнула из термоса, как она думала, чай...

Глоток портвейна оказался последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Одним словом, девок отправили в их собственный номер (в те времена

горничные в гостиницах бдительно следили за моралью и нравственностью), а меня, под предлогом официального поселения в гостиницу выманили в холл и в одном пиджаке выставили на улицу. На сорокаградусный мороз.

Не стоит, думаю, рассказывать, чего я там натерпелся... И вот ведь незадача: ночных кафе в то время еще не было, а единственное место в городе, которое, которое теоретически могло бы функционировать — вокзал — было закрыто на большой амбарный замок. И даже милицейский козелок (единственная машина, нарезавшая круги по ночному Новгороду) не остановился около меня.

Всю же остальную компанию через полчаса с почетом на двух машинах доставили до ближайшего отделения милиции, где обозвали «разносчиками культуры» и в 8 утра не просто отпустили, а таким же эскортом доставили обратно в гостиницу. Везет же некоторым! А меня после ночки, проведенной на улице, еще долго отпаивали то холодной водкой, то горячим чаем попеременно, пока дрожь в теле и стук в зубах потихоньку не улеглись.

Гастроли — это вообще отдельная история. Если концерты в Ленинграде постепенно перестали быть чем-то необыкновенным, то выступления в других

городах еще долго оставались событием. Но первая гастроль все равно останется первой. Тогда же, после второго концерта, Федя дал свой первый в жизни автограф – расписался на обложке пластинки Брюса Спрингстина «Born in the USA», то есть на самой что ни на есть заднице американского Шевчука (думаю, Спрингстин на меня за это сравнение не в обиде, Юрий Юлианович же нехай гордится, мне не жалко).

Следующая вылазка – а это была именно вылазка, по-другому и не скажешь – планировалась в Каунас на фестиваль местного не то института, не то университета. Готовились к ней уже более основательно, хотя водки все равно взяли мало. К этому времени мы, как люди серьезные и взрослые, и напитки употребляли тоже взрослые. Но даже несмотря на то, что мы находились под воздействием взрослых напитков, Каунас нас поразил. Поразил своей несоветскостью. Во-первых, здесь практически не говорили по-русски (одна из немногих русских фраз, неоднократно повторенная в наш адрес эстонцами, звучала приблизительно так: «А, русские приехали! Пьют вотку, рукаотъца матом – така ваша культура!»), а во-вторых город оказался подозрительно чистым. Ну раз «така наша культура», то вот вам всем!!! А теперь попробуйте представить на Лайсвис аллее в Каунасе ночью толпу пьяных русских

подростков, распевających под баян матерные частушки, пьющих водку из горла и писающих на стены домов.

Справедливости ради следует отметить, что эстонцы в России ведут себя приблизительно так же.

Удивительно то, что никто из нас в ту ночь не получил по морде. Я лично, когда вижу в Питере пьяного эстонца, готов ему шею свернуть прямо на месте – уж «така моя культура».

А вечером следующего дня был фестиваль. Продрав глаза часам к двум, мы вышли осмотреть площадку, на которой предстояло выступать, и вот тут уже обалдели по-настоящему: перед входом в зал стоял макет танка почти в натуральную величину, над сценой висел самолет с НАТОвскими кругами на крыльях, перед сценой были натянуты два ряда самой что ни есть настоящей колючей проволоки, а зрительный зал завешен маскировочной сеткой. Мысль о том, что играть в такой обстановке невозможно, пришла в наши головы одновременно. Это сейчас кругом повальная мода на военную атрибутику, а в те времена мы все были пацифистами и хиппи волосатыми. То ли я ничего не понимаю, то ли действительно стал совсем старым, но все нынешние молодые музыканты иначе как в камуфляжных штанах на сцену и не выходят. Пороху они, пацаны, не нюхали...

Вокруг стола организатора фестиваля уже столпились все российские музыканты: питерские «Опасные соседи», московский «Ночной проспект» и кто-то был еще, сейчас уже трудно вспомнить, кто именно. Препирались долго. Эстонская сторона объясняла, что таким образом у них, эстонцев, осуществляется борьба за мир, а мы, русские, в силу «такой нашей культуры» не в состоянии эту борьбу не то чтобы оценить, но даже просто понять.

«Посольство мы, – говорим, – не понимаем, а самолетик-то лучше снять, да и проволочку бы убрать не помешало». Сошлись на компромиссном варианте: сматываем один ряд проволоки, на самолете закрашиваем опознавательные знаки и убираем из зала маскировочную сеть. Но обиду на россиян эстонцы затаили, и когда пришло время платить за музыку, построили квадратные глаза:

«Какиз такиэ тэньги? Ничэго нэ знаем!» Ну да и хрен с ними – век бы их поганых эстонских «тэньг» не видать. Зато отсутствию денег обязана своим появлением на свет песня про доктора Хайдера. Того самого, который начал есть как раз в тот момент, когда мы, голодные, возвращались из Каунаса.

(Краткая историческая справка для тех, кому еще не за тридцать: В 1986 году некий доктор по

фамилии Хайдер сидел в палатке перед Белым домом в Вашингтоне и в качестве протеста против чего-то голодал. Голодание заключалось в том, что доктор ничего кроме натурального сока не пил и ничего куриного бульона ничего не ел). Все домохозяйки в СССР очень его, бедолагу, жалели, и это при том, что диета большинства россиян была почти такой же, разве что вместо сока вода из-под крана, а вместо куриного бульона – салат из морской капусты. И так продолжалось, если мне не изменяет память, месяца два, пока доктора не посетила гениальная мысль о том, что с голодовкой пора заканчивать, а лучше попробовать себя в роли кандидата на пост президента в США. На голодный желудок думается легко, вот доктор и додумался. Мы же додумались до песни о самом докторе. Родилась она моментально:

Поезд шел тихо, и было темно.

(что вполне соответствовало действительности)

Кочегары, машинисты и проводники

Играли в домино, чтоб не пропасть с тоски...

И в этот трудный час узнали мы про Вас:

Доктор Хайдер снова начал есть!

Легко ли баллотироваться в местный комитет?

Колеса стучат – а чая все нет и нет,

И проводник уж спит давно, и за окном темно...
И в этот трудный час за каждого из нас
Доктор Хайдер снова начал есть!!!

фото Валентина Барановского

На д-ра Хайдера, собственно, было глубоко плевать, вот только хотя бы денечек поголодать на соке и бульоне, как он, а дальше – хоть в президенты, хоть больницу, пусть даже психиатрическую. Вообще же, если построчно разобрать песни «Ноля» того периода, то получится, что все они посвящены какому-то конкретному событию. И никаких обобщений, дескать, советскую власть долой, даешь

гласность, демократию и рыночную экономику. За примерами далеко ходить не надо: «Сказка о колбасе», написанная еще в школе по случаю открытия на Большой Пороховской улице магазина «Кооператор», в котором можно было без всякой очереди купить не то что вареную, но даже и копченую колбасу. По тем временам (1985 год – уже двадцать с лишним лет назад!) это было невероятно. Но и цены на колбасу были тоже невероятные. А параллельно Б.Пороховской улице проходила (да и сейчас она там и проходит) улица Панфилова, на которой и стоит тот самый легендарный Дом Юного Техника, где работал Тропилло. В те времена трамваи ходили не по Б.Пороховской, (на которой тогда жил Федя), а по Панфилова. И вот какому-то умнику вздумалось построить новое здание телефонной станции аккуратненько поперек трамвайных путей. Помните: «На нашей улице воздвигли цифровой ревербератор, колбасу не покупаю, теперь я звукооператор»? Все из той же «Сказки о колбасе». А трамваи пустили по Б.Пороховской – прямо под Федиными окнами. Всех особо интересующихся отсылаю к песне «Ехали по улице трамваи».

Кстати, и песня «Имя» основана на реальных событиях. Тут уж я ничего рассказывать не буду – понимайте сами, как хотите.

Песни писались, концерты игрались, в музыкальной и околomuзыкальной прессе регулярно появлялись хвалебные статьи – одним словом, все шло, как по маслу. Спустя пятнадцать лет Федя споем об этом так:

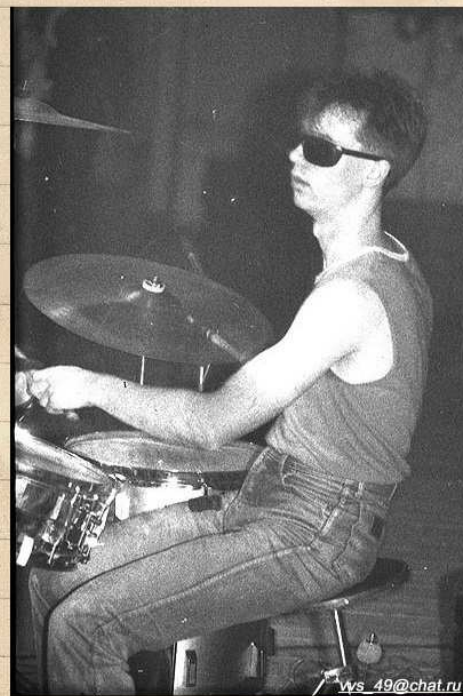
Мы были молоды и полны сил,
И жизнь была ключом.
Все было ни по чем,
И думать не хотелось ни о чем.
Время бежало,
И нам казалось,
Что мы никогда не умрем...

Где-то в тот период была начата запись альбома «Сказки». Запись растянулась больше, чем на полгода, и это по тем временам выглядело непозволительной роскошью. Мало того, посреди записи Леху забрали в армию, так что в двух песнях на барабанах играл другой Леха – Шарков. Не знаю, откуда он появился изначально, но в составе «Ноля» он сыграл несколько концертов (в том числе и знаменитый концерт в Шушарах), а потом ушел в... «Форум».

Исключительно попсовый «Форум», от которого плевались все т.н. «честные рокеры» за долгие годы своего существования умудрился перетащить к себе рекордное количество музыкантов ленинградского рок-клуба. Первым стал Виктор Салтыков, певший в «Мануфактуре»,

потом его сменил солист «Аукциона» (тогда еще через «И») Сергей Рогожин, потом Шарков.

Воистину, неисповедимы пути Господни, а уж музыкантские и подавно.

Тогда же, во время записи «Сказок», в группе появился гитарист Гоша Стариков. Он тоже учился с нами в одной школе, правда, был нас на год старше и являлся для нас хоть и пререкаемым, но авторитетом, ибо знал английскую и американскую рок-музыку лучше нас всех вместе взятых. Гоша сидел дома, слушал «Genesis», «Yes» и «Dead Can Dance» и сочинял песенки типа «Легкой эротики» (на пластинке «Сказки» почему-то его авторство не указано). Особо пытливые умы, надеюсь, давно уловили некоторое, мягко говоря, сходство «Легкой эротики» с одной из композиций «Genesis». И Федя с Гошей, как музыканты от Бога (уж этого-то у них не отнять) с головой ушли в процесс аранжировки, изобретая какие-то новые приемы записи и усложняя инструментальные части произведений, что в полной мере проявилось в песне «Как оно есть».

Показательно, что текст песни Федю интересовал меньше всего, потому что, когда я услышал окончательную версию этой чуть ли не десятиминутной композиции, то просто обалдел: вторая половина текста отсутствовала! Оказывается, Федя просто не обратил внимания, что текст напечатан на двух листах и конец песни потерял. И даже не заметил этого!

И вот теперь, пользуясь случаем и дабы восстановить историческую справедливость, я полностью привожу весь текст песни «Как оно есть»:

Люди просыпаются,
Ставни открываются,
Потолок залюстренный,
Да мастичный пол...
Люди просыпаются,
Люди умываются,
Люди улыбаются,
Людям хорошо.
Кот моргает глазками,
Душ потешит сказками,
Да свинья-копилочка
Денежку хранит.
Барышня корсетная,
Все еще бездетная,
Мужа гладит ласково,
Чубчик теревит.

Вдруг из маминой из спальни
На дрезине фронтовой
Выезжают комиссары
И качают головой.

Словно Красной армии боевой мандат.
Люди полоумные в колокол забили,
Люди, обезумев, в ужасе кричат:
«Славься, Отечество наше свободное,
будь ты проклят, царский род!
Пусть мы разутые, пусть голодные,
Мы вам покажем, где зад, где перед».

Сломали памятник ублюдку –
Воздвигли телефонну будку.
Под куполом готического свода
Резиденция ОСВОДа для народа.
А там, где царь с женой обедал,
Занятия Ликбез по средам.

Вот оглашает все петух колоратурным хрипом...
Кулак смирился: всем хлебать из общепита.
И никого уже никто никуда не гонит –
Рабочий сам идет к станку и выдает две нормы...

Люди просыпаются,
Ставни открываются –
Телогрейки потные
На звездах висят.
Люди улыбаются,
Люди умываются,
Чистят зубы пастою,
На завод спешат.

Монстр

дядя Федор

История с «Как оно есть» стала достаточно показательна и далеко не первой, но именно после нее на Федю я обиделся здорово. Задумывалась-то песня как антиромантическая, дескать, все возвращается на круги своя, а именно этого наш рок-кумир в ней и не просек. Некоторые критики впоследствии сравнивали ее с «Улицей Ленина», но мне кажется, что сравнение это неправомерно. «Улица Ленина – этакая застывшая картинка. Достаточно жуткая и совершенно безвыходная, а «Как оно есть» все-таки больше похожа на басню, или, скорее, это история про то, как не надо. Ну да ладно, чего лишний раз ворошить прошлое?

Лирическое отступление. Возможно, кто-то, читая эту, с позволения сказать, книгу, назовет меня старым пердуном, а то и злопыхателем (слово-то какое длинное и красивое – злопыхатель). Если так, то двадцать лет назад я, видимо, был молодым пердуном. Иметь собственное мнение – вот чему нас не учили в школе и к чему все мы так стремились.

Все, что ни происходит – все к лучшему, вот и после этой истории я стал пытаться свои песни доводить до логического конца сам, вернее, отслеживать их путь от и до. Лучший способ для этого – записывать их самому, и вместе со своим другом Митей Архаровым мы у него дома приступили к записи. Технические условия были еще хуже, нежели при записи «Scrap», но меня это нисколько не смущало. На качество записи было глубоко плевать – главное, зафиксировать сами песни, сохранить и передать настроение. Нельзя сказать, что предложи мне тогда возможность работать в студии, я бы гордо отказался, но из этого вряд ли получилось бы что-нибудь хорошее. Мы не пытались изобрести что-то оригинальное – главной задачей было создать такое музыкальное оформление для каждой песни, чтобы оно не мешало восприятию текста. Говоря по совести, меня всегда коробило от самого слова «текст», так же, как и от выражения

«поэт-песенник» – уж если ты назвался поэтом, так будь им, а «песенник» – это, на мой взгляд, поэт второго сорта, как, например, Маргарита Пушкина, у которой, по меткому выражению Алекса Полякова, от поэзии только фамилия.

Гоша

Слова в песне – те же стихи, та же поэзия, а не текст. Тому же Феде я этого не смог объяснить до сих пор. Вот у Лешки Николаева и даже у Гоши с «песенной поэзией» все в порядке, послушайте хотя бы «На заре» из альбома «Без палочки» или «Человека и кошку» из «Песни о безответной любви к Родине» (где Гошино авторство, кстати, тоже почему-то не указано). Все, по-моему, ясно без слов – по, как говорится, comments.

И хоть запись с Митей в итоге получилась не ахти (а иначе и быть не могло – музыканты из нас, по большому счету, были как из Пушкина и Лермонтова дуэлянты), а по качеству звука она не то что сейчас, но и тогда не выдерживала никакой критики, но этот альбом – «Новое время» – мне до сих пор очень дорог. То ли потому, что это моя первая самостоятельная запись, то ли еще почему-то.

Федя обладал другим неоспоримым преимуществом – лучшего фронтмена придумать было невозможно: этакий деревенский парень, восседающий на стуле как на завалинке, разрывающий меха старенького баяна и горланящий в микрофон что-то частушечного типа: «Дети под столами счет ведут бутылкам, мама на работе, папа где-то пьет; эх, милая моя, я не люблю тебя – ты не умеешь двигаться вперед». Костюм его тоже был соответственным: белая вышитая рубаха,

перетянутая красным поясом, широкие штаны, почти шаровары, а на ногах дырявые шерстяные носки, сквозь которые просвечивали немые пятки, каковыми он лихо отбивал ритм. Собственно и остальные музыканты выглядели не менее экзотично: Монстр, например, выходил на сцену в длинном полосатом халате и резиновой шапочке. Зачем ему нужна была шапочка для плавания, не знал ни он, ни, тем более, кто-нибудь другой. Даже для выдавшего виды Ленинградского рок-клуба такой имидж был в диковинку. Кстати, костюмы эти шила для «Ноля» Лена Вишня, а спустя несколько лет она еще и исполнила женскую вокальную партию в песне «Легкая эротика» (тоже, кстати, Гошина песня).

Забавно, что первое упоминание Ноля в прессе было посвящено именно имиджу группы. Там было подробное описание внешнего вида музыкантов, зато о музыке — ни слова. Автором этой заметки был Александр Житинский — тот самый Рок-Дилетант, издавший несколько лет спустя свои «Записки» отдельной книгой. В них он назвал Ноля «Глотком свежего воздуха». Но, глядя на то, что происходило в русском роке в те годы, это верно было лишь наполовину. Ноля занял в нашей музыке нишу, до поры до времени свободную — нишу фолк-рока. Но неправильно было бы считать, что кроме Ноля эту нишу занять было некому: в этом ключе, сами того не понимая, работали и «Облачный край», и «Веселые картинки», да и Башлачева, если бы тот довел свои песни до записи с группой, можно было бы отнести к фолк-року. Конечно, все эти группы совершенно разные, но родило их одно: и «ОК», и «Картинки», и «Ноля» могли родиться только в России. А то, что Федя играл на баяне, — так это только потому, что ни на чем другом он в те годы играть толком не умел. Когда мы репетировали в клубе «Красногвардеец», там стояли какие-то клавиши типа «Электроники», на которых Федя худо-бедно чего-то выдавал, но ни у него дома, ни в студии Тропиллы не было даже этого, и баян оказался единственным приемлемым для Федя инструментом. Сам того не понимая, Федя попал в точку.

«Ноля» достаточно быстро оброс фанатами, которые плевались на асфальт и громко матерились перед концертами, перед выходом группы громко скандировали «Дя-дя-Фе-дор!!!», во время концертов пили из горла пиво и водку, а после на улице блевали и били друг другу морды. При этом у многих на шее болтались красные шарфы, говорящие о принадлежности к «Армии Алисы». Однажды (кажется, это было на очередном фестивале Ленинградского Рок-клуба), мы с Федей оказались на выступлении «Алисы».

Федя долго молча наблюдал за происходящим, а потом вдруг изрек: «Да, Кинчев — король...» И через минуту добавил: «Король говна!», имея в виду толпу, бесно-

Армия "Алисы"

бесновавшуюся перед сценой. Жаль, что он не видел себя в этот момент со стороны – он был настолько убежден, что уж на его-то концерты люди ходят послушать музыку, а не выпить водки и засадить кому-нибудь в глаз. Удивительно, но самую сильную сторону «Ноля» – музыку – замечали только критики, да и то не все. Позицию собратьев по цеху лучше всех высказал Миша Борзыкин. «Хорошие, – говорит, – у тебя, Федя, песни, вот только проигрыши длинные, пока до третьего куплета доберешься, забываешь, что было в первых двух». Почему-то группе «Джунгли», например, претензий, что слов в их песнях нет, вообще не предъявлял никто. Видимо, мало у кого могла уложиться в голове простая мысль, известная еще со времен Александра Сергеевича Пушкина, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». В нашем случае, что рок-музыка – это не просто две четверти иногда с синкопой, но и собственно музыка. В идеале – плюс хорошая поэзия.

Много позже Федя, как, впрочем, и все остальные музыканты группы, на вербальное содержание своих произведений вообще перестанут обращать внимание, а сам дядя Федор вообще запишет инструментальный альбом «Когда проснется Бах», который обругают все, кому не лень. А вот мне он нравится, хоть тресни! И песня про

оленья нравится!

Дело в том, что к 1987 году имидж группы сформировался окончательно, и все музыканты «Ноля» стали невольными заложниками этого имиджа. Имидж обязывал беспробудно бухать, курить табак и траву (в школе Федя не курил вообще, а тут начал – выкуривал в день по пачке «Беломора», не считая еще одной пачки, которую он тоже выкуривал, но уже не с табаком), трахать все, что дышит и хоть как-то шевелится. Одним словом, жить нужно было так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы: деньги, причем немалые, доставались легко, а пропивались еще легче. И чем быстрее совершался этот круговорот, тем наполненнее казалась жизнь. Этакий «Close enough for rock-n-roll»:

Если утро наступает в три,
Через два часа уже зажгут фонари.
Уже кончился день, а я только встал,
А я только что встал и уже устал.

А мальчики и девочки все собирались и собирались в круг; донельзя заезженный рок-н-ролл все крутился и крутился... Школа жизни набирала все новых и новых учеников. Сейчас, глядя на самих себя с высоты прожитых лет, хочется крикнуть: прости им, Господи, ибо сами не ведали, что творили!

Наверное, относительную трезвость мысли во всем этом бардаке сохранял только Николс. Вообще Лешка при всей его кажущейся простоте до сих пор остается для меня загадкой. Будучи от природы (или от Бога — кому как больше нравится) очень и очень одаренным человеком, он сознательно оставался на вторых ролях: с одной стороны, место за барабанами не позволяло большего, с другой, он и не искал ничего другого.

«Что «Ноль» — это все Федя, а я так, на подхвате.» — его излюбленная фраза. Есть такая сказка, в которой бестолковый муж совершает совершенно idiotские поступки (обменивает корову на гуся, гуся на мешок гнилых яблок и т.д.) зная, что жена его любит и одобрит любые его действия. В итоге получает мешок золотых. Так оно на поверку и вышло: сейчас Алексей

Н
и
к
о
л
з

Николаев высокооплачиваемый студийный музыкант, имеющий солидную клиентуру. Работает, в основном, дома, изредка принимает участие в каких-то проектах — но каково его собственное отношение к тому, в чем ему приходится участвовать, не знает, пожалуй, никто. Может быть, даже он сам. Этот вопрос просто не поднимается. Или он настолько себе на уме... Леха — живой пример теории разумного эгоизма Чернышевского: плевать я хотел на вас всех, но все мы повязаны одной веревочкой, так что плевать я не буду — самому же потом отольется.

Так вот, Николс единственный из всех, кто, беспредельничая не меньше остальных, остался (простите за банальность) душою чист. Трудно сказать, в чем это проявлялось конкретно, но я спинным мозгом всегда чувствовал: вот сидим мы, выпиваем, покуриваем, и Леха пьет и курит не меньше остальных, и в разговоре участвует, а на самом деле он совсем не с нами...

Поэтому никто не удивился, когда барабанщик группы «Ноль» в самый разгар всеобщего пьянства и блудства женился.

Молодую жену, или тогда еще просто невесту, Леха повел на смотрины к тете Тоне. Тетя Тоня внимательно осмотрела Таню со всех сторон: «А что ж такая страшненькая-то? Ты че, Леха, получше не смог найти? Да вы на меня не обижайтесь, я ж вам всем добра желаю, жизни вас учу. А вот ты, Танька, мне скажи: Лехе-то даешь? Ну ладно, можешь не отвечать, по глазам вижу, что даешь...»

Мы-то тетю Тоню знали давно, знали и любили, а новому человеку, тем более девушке, при первом знакомстве с Фединой мамой могло стать и не по себе. Таня сидела обалдевшая и красная, как свежесваренный рак. Наверное, такое же чувство испытала и моя молодая жена, когда я познакомил ее с тетей Тоней.

«Что за хабалку ты приволок?! – с порога закричала она, – да не смотри ты на меня так, ничего в этом страшного нет, я сама хабалка». Что именно обозначает это загадочное слово, я не знаю до сих пор, ибо слышал его только от тети Тони. Я пытался отыскать его в разных словарях – нигде нет. Может быть, оно вообще ничего не означает?

Много раз тетя Тоня собиралась написать книгу о своей жизни, даже просила меня принести ей блокнот и ручку, и я приносил, причем не один раз, но до книги (по крайней мере, пока) дело так и не дошло. А жаль. Фединой маме есть что вспомнить и о чем написать, а то, что она сможет это сделать, как никто другой, я не сомневаюсь ни секунды. Она много рассказывала о себе, и мне, родившемуся и выросшему в относительно благополучной и относительно интеллигентной семье (мама и папа инженеры-кораблестроители) и получившему стандартное советское образование и воспитание, все ее рассказы о войне и послевоенном времени казались настолько дикими и неправдоподобным, что порой я даже отказывался им верить, воспринимая их за бред умалишенного (да простит меня Антонина Борисовна). Например, говоря о немецкой оккупации (тетя Тоня родом из деревни, где и попала в оккупацию), она ругала на чем свет стоит

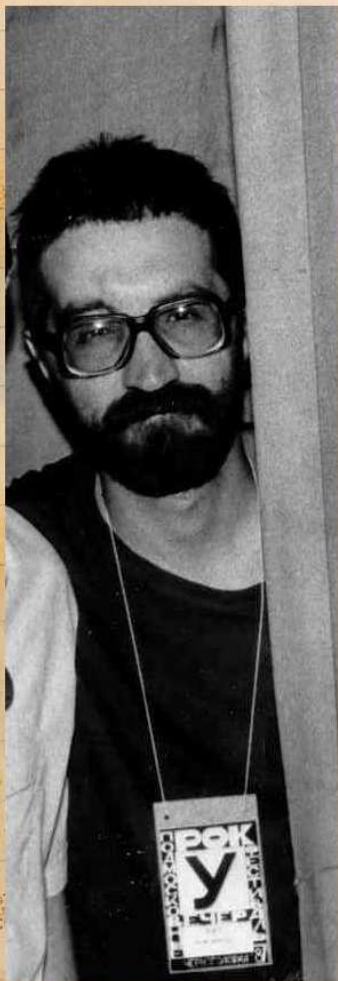
красных партизан, которые кроме как грабежами и разбоем ничем не занимались, а о немцах же вспоминала без злобы. Зря, дескать, те никого не расстреливали, последнее не отбирали, а что война – так она и есть война. При этом в своих воспоминаниях, как ни странно, тетя Тоня всегда была на «нашей» стороне.

Действительно, советский человек – человек новой формации. А потом в 1944, когда полностью сняли блокаду с Ленинграда, ее в составе толпы таких же молодых и сильных, как и она, деревенских парней и девок пригнали в Питер восстанавливать город. А от Ленинграда оставались, как от козлика – рожки да ножки. Даже ленинградцы еще не вернулись из эвакуации, а тетя Тоня уже разгребала завалы на Невском проспекте. Потом работала на фабрике, женилась, в 40 лет родила сына, выучила его, воспитала... И при этом до 70 лет прожила в коммуналке. И если еще хоть кто-то мне когда-нибудь хоть что-нибудь скажет о какой-нибудь «зимней вишне»... Да нашему поколению не выпало и сотой доли того, что пережила тетя Тоня! Причем я не помню, чтоб она когда-нибудь пребывала в унынии, и даже теперь, когда полиартрит ее скрутил так, что она сама не может подняться с кровати, все равно в ней столько жизненной энергии, что хватило бы на десяток двадцатилетних балбесов типа нас. И девяносто процентов заслуги в том, что Федя стал таким и,

главное, тем, кем он стал, принадлежит именно тете Тоне.

Самая яркая Федина черта – целеустремленность. Собственно цель может периодически меняться, сила же стремления к цели, причем любой, у Федя не ослабевает никогда. Если подходящая телега вовремя подкачена, то можно не сомневаться, что она будет доведена до совершенства, если даже не более. Основным поставщиком телег всегда был Монстр. Если даже не он, то кто-то из Федякиных знакомых, благо недостатка в них никогда не было: Дима Бухвостов, посадивший всю компанию на «Doors», после чего Федя возомнил себя русским Моррисоном и по-детски обижался, когда этот переходящий титул присваивался кому-нибудь другому, тому же Ревякину, например; или Ирка (а вот она откуда появилась, не знает никто) со своими телегами про индейцев. Индейская телега оказалась самой роскошной и катилась дольше всех, но об этом чуть позже, а пока – фестиваль «Черноголовка 87».

Сейчас все говорят, что это был исторический фестиваль. Уж не знаю, как насчет «исторический» – трудно ощущать себя свидетелем исторических событий – но запомню я его надолго. Помирать буду, а пьяный Шевчук, кидаящийся тумбочками из окна гостиницы, немым укором будет стоять перед глазами

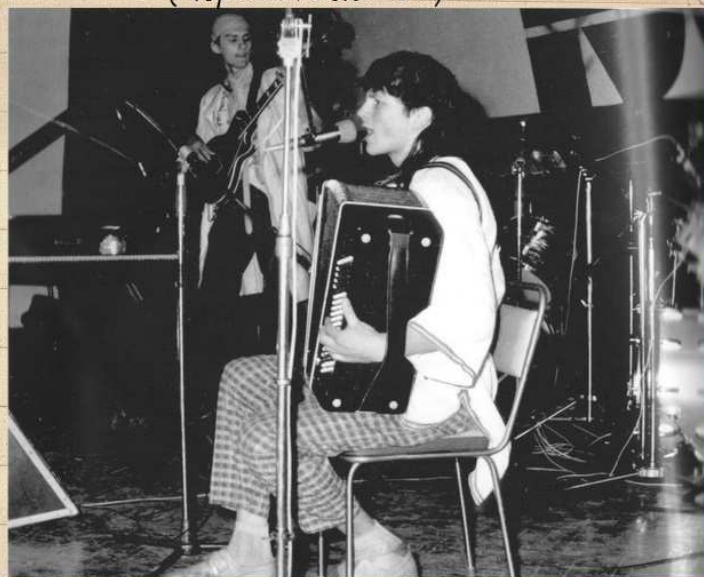

Шевчук с "проходкой"
(Черноголовка-87)

как живой. Говорят, что Гене Зайцеву (в те годы он был директором «ДДТ») пришлось потратить много сил и времени, чтобы отмазать Юрия Юлиановича от ментов, и до последнего момента выход «ДДТ» на фестивальную сцену был под большим вопросом. Шевчук, оказывается, тоже был «разносчиком культуры». Интересно, что в те дни судьба свела на одной сцене людей, которые впоследствии при жизни стали легендами русского рока: группы «Облачный край», «Веселые картинки», «Наутилус (тогда еще) Помпилиус». Кажется, присутствовал даже Слава Задерий с «Нате!», но в по прошествии почти двадцати лет я уже не уверен. Вообще, все было очень весело: лето, какой-то пруд, море алкоголя, да еще и музыку играют.

Зрители на фестивале "Подмосковные вечера"
(Черноголовка-87)

выступает "Ноль"!

Чем не жизнь? На удивление неприятное впечатление оставил «Наутилус». Видим, эти парни из Свердловска решили, что для того, чтобы играть новую волну, достаточно раскрасить лица, нацепить эполеты, в аранжировках использовать побольше клавишных инструментов и – главное – стоять на сцене по-пионерски, вот только расставив ноги на ширину плеч.

"Наутилус-Помпилиус" на сцене КДЦ "Гамма"

Чертовски обидно, что не удалось лицезреть «Облачный край», потому как на протяжении всего его выступления мы с Шифером исследовали дно местного пруда, где он по пьяни утопил Богаевский ошейник, в котором звезда архангельского хэви-метал а la rus рассчитывал появиться на сцене. Вообще же, те, кто когда-нибудь видел Сергея Богаева on stage, думаю, будут помнить это зрелище очень долго. Долговязый (метра под два ростом), худощавый, с иссинне-серым лицом, он умудрялся напяливать на себя такое количество железа, которое даже не снилось ни одному иудейскому священнику. Самое удивительное, что, если память мне не изменяет, за всю свою жизнь так ни разу и не выйдя на сцену трезвым, он никогда не сыграл ни одной фальшивой ноты. Чего нельзя сказать про вокалиста «Края» Олега Рауткина – тот постоянно путал и забывал слова, не говоря уж о том, чтобы попадать голосом в ноты. Вот еще глупости какие! Какой рок-н-ролл без лажи? Эту замечательную во всех отношениях парочку – Богаев и Рауткин – мне впервые довелось повстречать в Ленинграде зимой 1987 года, когда добрые дяди с фирмы «Мелодия» прислали в подарок Тропилле шестнадцати канальный студийный магнитофон «Атрех» (он, кстати, потом переехал в новую

студию на Большой проспект Петроградской стороны, а теперь стоит и даже работает у Тропиллы на Цветочной улице – там, где когда-то был завод грампластинок). Привезли это чудо техники под вечер на Московский вокзал, но он был настолько огромен и стоил так дорого, что в камеру хранения его не приняли. И вот, первую половину ночи Атрех охраняли Богаев с Рауткиным, а вторую – мы с Шифером. Пересменок происходил в районе часа ночи. Пьяный шатающийся Богаев, держащий в одной руке Рауткина, а в другой недопитую бутылку портвейна, представлял величественное зрелище... Поздоровавшись хриплым прокуренным голосом, он начал медленно удаляться по тоннелю перехода, задевая потолок головой, а стены плечами. Спящий Рауткин сладко похрюкивал. Вот они, настоящие герои рок-н-ролла – подумал я..

"Облачный край"
и
Тропилло

Видимо, участие в фестивале «Облачного края» и «Ноля» обеспечил Андрей Владимирович, с отцовской нежностью относящийся к обеим группам. И если любовь Тропиллы к тому же Майку выражалась, в первую очередь, в совместном распитии спиртных напитков в Доме Юного Техника в рабочее время, то приезд Богаева из Архангельска означал для Андрея фон его величество Владимировича недельный запой, традиционно заканчивавшийся походом в «Гномики» по шампанское. В те времена Богаев трудился не то слесарем, не то токарем на архангельском заводе «Красная кузница», зарабатывал немерено, а потому, приезжая в Питер, поил всех. Когда, спустя лет десять, я повстречал на Невском проспекте трезвого Сергея Богаева, то совершенно его не узнал. Ну не видел я его таким никогда раньше! Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Сейчас Серега живет в студии Тропиллы на Цветочной улице, там же и работает. Как в одном из интервью он ответил на вопрос о роде своих занятий: «Я числюсь звукорежиссером на студии «Антроп».

Удивительно, но на оборудовании не то, что вчерашнего – позавчерашнего дня он умудряется делать неплохой звук. В частности, он крутил ручки на альбомах Заде-

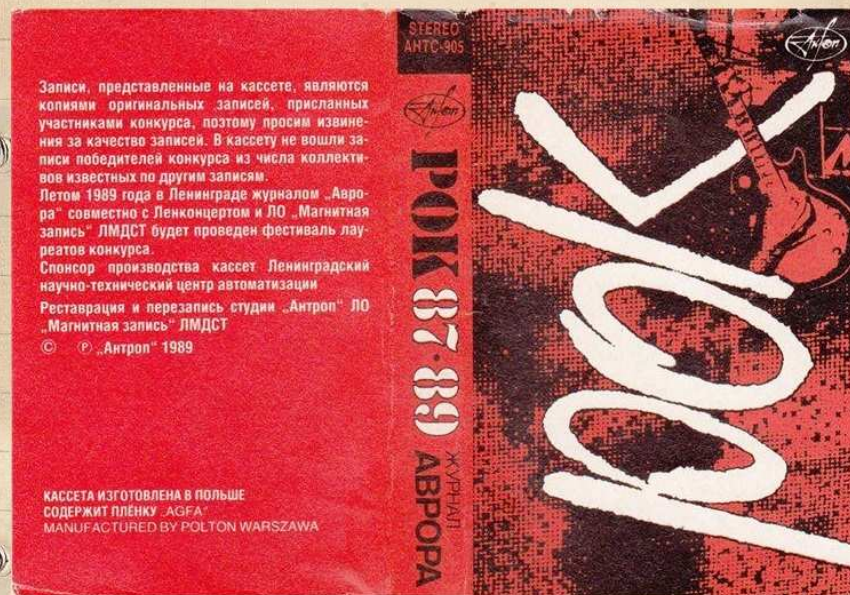
Задерия, Юрия Морозова, каких-то молодых ребят – да я всех уж и не знаю. Вот только когда он пишет самого себя, ничего хорошего из этого обычно не получается.

Вспомните, хотя бы альбомы «Облачного края» «Свободы захотели?», записанный на «Мелодии» в 1990 году и «Любовь к жизни», который писался все на том же «Антропе» в 1999–2000 годах. Отличные бы получились пластинки, вот только по звуку – полная лажа. Видимо, действительно нельзя усидеть на двух стульях одновременно: либо ты музыкант, либо звукорежиссер.

Отношения музыкант – звукорежиссер чем-то напоминают отношения между доктором и пациентом: из огромного количества нот, наигранных на не многим меньшем количестве дорожек, этим бедным работникам кнопок и ручек приходится сделать хоть какое-то подобие музыки. Попробуйте представить себе психиатра, который сам себе ставит диагноз... А если учесть, что девять из девяти музыкантов хронические идиоты (Например, русский Джими Хендрикс по имени Александр Ляпин в каждую свою песню меньше, чем по восемь гитар, не записывает), то каково им, бедолагам, приходится!

В связи с Богаевым еще почему-то вспоминается забавная картинка, которую мне довелось увидеть на фестивале «Аврора» (уж не помню, первом или

втором): рок-дилетант Житинский, торгующий на фестивале тропильскими кассетами польского производства из багажника своего старенького «Москвича-412». К чему бы это мимолетное видение – может, к деньгам?

Да, 1987 год выдался на редкость интересным и продуктивным, причем не только для «Ноля». Посудите сами: именно в 1987 появилась «та молодая шпана» – так называемые «свердловский» и «новосибирский» рок, который, казалось, сотрет все с лица земли; единственная в стране фирма «Мелодия» впервые

выпустила пластинку «самодельной» рок-группы» «Аквариум» (это был сборник с двух альбомов – «День серебра» и «Дети декабря»). Вдобавок ко всему в этом же году прошли три рок-фестиваля, как сейчас про них говорят, «всесоюзного масштаба» – «Черноголовка», «Аврора» и очередной, по-моему, последний фестиваль Ленинградского рок-клуба. Даже если и не последний номинально, то этот Пятый питерский рок-фестиваль был последним из тех, где еще в полной мере присутствовал живой дух андеграунда и рок-н-ролла. Андеграунда как такового уже не было, да и откуда ему взяться, если в одночасье все вдруг стало если и не разрешено, то не запрещено; но само стремление делать то, что нельзя, еще было. Как говорят врачи, «фантомные боли»: нога уже ампутирована, но еще болит. Отсюда и потуги музыкантов и полумузыкантов выпендриться, кто во что горазд. Кто-то ударялся в такой арт-рок, что ни на рок, ни, тем более, на арт это уже вовсе не походило; кто-то, наоборот, пытался найти что-то ультрамодное и современное; кого-то больше привлекало сценическое шоу (кстати, на том фестивале «Аукцион» получил поощрительный приз именно за шоу – за «превращение идеи аукциона в идею караван-сарая»). Не способные же ни на что просто

выходили на сцену голыми. И все вместе это воспринималось как великое откровение настоящего современного искусства.

«Ноль» же в том году умудрился отметить на всех трех фестивалях; записать альбом «Сказки» и при помощи Тропиллы издать его в Польше на кассетах (на пластинке он выйдет пару лет спустя, да и то без двух песен); принять участие в советско-датском проекте «Next Stop Rock-n-roll» и даже с песней «Коммунальные квартиры» попасть на пластинку этого проекта «Laika». А о том, сколько новых песен родилось именно в этом году, я уже говорил. И было нам всего по двадцать лет. Ну, братья и сестры по разуму, кто больше?

И откуда берутся силы в двадцать лет?

Кажется, что нет ничего невозможного, и все, что ты делаешь, для всего человечества просто необходимо – и так хочется это самое человечество осчастливить своей гениальностью и облагоде-

тельствовать своей любовью, что начинаешь хвататься за все подряд. При этом вера в то, что человек не может быть талантлив в чем-то одном — он либо талантлив, либо бездарен — переходит в убежденность в собственную непревзойденность и гениальность. Да я и до сих пор убежден, что каждый человек в двадцать лет — гений. Просто большинство людей тратят свой талант на какую-то ерунду, хватаются за все подряд...

Один мой старинный приятель, например, дожив до тридцати с лишним, так и не решил: то ли он гениальный поэт, то ли музыкант, то ли художник, и даже неоднократные посещения то Скворцова, то Степанова не в состоянии помочь ему окончательно сделать свой выбор.

После того, как я в первый и единственный раз не поступил в театральный институт, мое т.н. увлечение театром усилилось геометрически пропорционально обиде. Покая мне не давал тот факт, что меня — гения всех времен и народов — не приняли в институт. А свято место, как известно, пусто не бывает, и я связался со студией пластической драмы «Силуэт», которой руководила выпускница института культуры (в просторечье «Кулька») Оля Шарабурина. Труппа театра (если словом «труппа» можно назвать наш изначально бредовый коллектив) состояла из двух частей:

актерской, которую составляли мы — пятеро идиотов, согласившихся по два, а то и по три раза в неделю мотаться на электричке в какую-то тьму-таракань; и собственно пластической — четырнадцатилетних девчонок поселка Горбунки Ленинградской области.

Всем нам тогда казалось, что занимаемся мы самым что ни на есть высоким искусством — а иначе зачем вообще этим было заниматься — но в итоге весь этот «Силуэт» оказался для меня чуть ли не главным разочарованием в жизни. После года «работы» мы выпустили в свет спектакль «Капля меда». (Сейчас уже не вспомнить, кто был автором самой сказки, помню лишь, что в качестве музыки Оля использовала IV симфонию Имантса Калныньша.) Спектакль действительно получился обалденный, вот только спустя несколько лет я совершенно случайно узнал, что ни нашей, ни режиссерской заслуги в том никакой нет: весь этот спектакль — полная копия спектакля какого-то вильнюсского театра... Для меня это стало последней каплей воды, бьющей ключом по голове, я плюнул на все, раздарил все свои пластинки и ушел в армию. Помирать, так без музыки!

Не так страшен черт, как его малюют, и не так уж ужасно оказалось в рядах Советских Вооруженных Сил. Про Российские ничего не скажу, не бывал, не знаю. Правда, время от времени меня посещает один и тот же кошмарный сон: меня вызывают в военкомат и толстый майор, гаденько ухмыляясь, сообщает, что я призван в ряды Российских Вооруженных Сил. «Как же так, — пытаюсь я возразить, — ведь я уже отслужил!» А майор, картавя, как Ильич, и улыбаясь выпученными глазами, как Надежда Константиновна, отвечает: «Так вы, батенька, служили в Советской, а нынче у нас Российская армия». Многие мои знакомые рассказывали, что и они порой видят столь же кошмарные сны. То ли это судьба нашего поколения переходного периода (переходного, интересно, от чего к чему — то ли с того света на этот, то ли обратно), то ли паранойя косит наши ряды.

Разумеется, ничего хорошего в армии нет и быть не может, кто ж спорит, но пережить это не только теоретически, но даже и практически вполне возможно. Вопрос кому это нужно я задавать не буду — служат же люди по контракту. По крайней мере для меня страшным оказалось совсем другое: не присутствие в армии, а мое отсутствие в нормальной человеческой жизни. Два года, вычеркнутые из жизни, это все-таки потеря.

Так что, когда женщины жалуются на тяжелую женскую долю, мотивируя это родами и «критическими днями» — все это фигня: попробовали бы они два года безвылазно просидеть в пустой темной комнате, да еще при этом ежедневно бриться! Непонятное сравнение? Хорошо, давайте так: прожить эти два года в однокомнатной квартире, в которой кроме вас проживает еще сотня с лишним человек. Вот тогда бы я посмотрел на их «критические дни». Одним словом, ничему — ни хорошему, ни плохому армия меня не научила. Да и не могла научить. Это как в известном армейском анекдоте: «Товарищ солдат! Возьмите ломик и быстренько подметите плац! — Дык ведь невозможно же... — А мне и не нужно, товарищ солдат, чтобы вы его подмели, мне нужно, чтобы вы заебались». И кто кому после этого товарищ?

Вообще ситуация с армией, на мой взгляд, в России доведена до абсурда (как, кстати, до недавнего времени и труд — «почетная обязанность» граждан). Служба в армии — священный долг всех граждан России. Но позвольте, я ежемесячно хожу в сберкассу и оставляю там около двух третей своей зарплаты (и это, заметьте, после всех налогов!), и я вправе рассчитывать, что уж после этого я никакому государству ничего не должен, скорее, наоборот, оно должно защищать меня и обо мне

заботиться. В противном случае кто ж его, вечно голодное, кормить-то будет? Ан нет, оказывается, есть у меня еще одна «священная обязанность».

Считайте меня кем угодно, но непонятна мне логика этого государства. Или это как у дедушки Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»?

Люля

Николс с другом

После полутора лет службы отпустило меня мое высшее начальство в десятидневный отпуск на Родину, и — надо ж такому случиться — в эти же дни в такой же отпуск приехал и Леха Николаев. Лешке повезло больше, чем мне: он служил под Питером в Сосново и был не танкистом, как я, а музыкантом. Вот его-то армия научила играть на трубе — хоть что-то полезное. Так вот, встретились мы, а разговаривать и не о чем, ибо

о чем могут разговаривать два солдата, в жизни которых полтора года ровным счетом ничего не происходит?

«Что, — говорит Николс, — и ты сержант? А подчиненных много? А у меня мало, но тоже ебу...» Вот ведь идиотическая ситуация: ну какой из меня сержант, то бишь начальник? Тут же без рукоприкладства не обойтись, а я с детства человека не то, что по лицу, а вообще ударить не могу. Даже если меня очень сильно разозлит, все равно ничего не получается.

Хотя нет. Как раз в армии как-то и довели. А дело было так...

Поднимают нас ночью по тревоге, гонят на полигон и сажают по танкам. Называется это идиотическое мероприятие ночными стрельбами. Трясешься в темноте в танке (а швыряет в нем будьте-наме) и стреляешь по мишеням. Из этого гребаного танка и днем-то ничего не видно, а тут еще и ночь. Одним словом, нормальному человеку из танка, мчащегося на полном ходу, попасть в эту мишень невозможно, и я, как человек нормальный, просаживаю все снаряды мимо. И во второй заезд тоже. А офицеры, наблюдающие за всем этим безобразием с вышки, еще и орут по громкой связи, дескать, мудака ты последний и козел, товарищ младший сержант. И такая меня взяла обида,

что развернул я башню на 180 градусов да и засадил по этим товарищам капитанам и майорам из пушки. И, хоть стрельба велась не боевыми, представляю, какого они там страху натерпелись. Возвращаемся на исходный рубеж – а там уже вся эта офицерская братия – от командира взвода до комбата – выстроилась в шеренгу: рожу у всех белые, глаза красные, изо рта слюни текут – вампиры, да и только! А те от страха слово вымолвить не могут: стоят, трясутся, разве что штаны руками не поддерживают. Первым нашелся начальник штаба: «Еще раз, – говорит, – тебя в танке увижу, собственноручно расстреляю. Писарем будешь у меня в штабе, художником! И чтоб за три дня выучился писать пером и печатать на машинке! Шагом ма-а-арш!!!» А я особо и не возражал. Вот только печатная машинка в штабе оказалась без возвратной пружины (печатная машинка – это для тех, кто по молодости лет не знает, что это такое – так вот, печатная машинка – это такой допотопный механический компьютер с одной программой «Word». Компьютер этот совмещен с принтером, так что то, что набрал, сразу же и распечатывается). А так как возвратной пружины у этого компьютера не было, печатать приходилось одной рукой, а второй в это время тянуть каретку. С тех пор так и печатаю одной рукой.

Можно сказать, память о службе. А еще можно сказать так: вот чему меня научила армия. Стал ли я от этого человеком (говорят, армия из таких мудаков, как рок-музыканты, людей делает), тоже еще вопрос.

Так вот. По случаю нашего с Лехой временного возвращения к нормальной жизни группа «Ноль» дала концерт в «классическом» составе – кажется, в Лесопилке. Много лет спустя запись этого концерта составила основу альбома «Школа жизни». По-моему, это был лучший концерт группы: играть к тому времени уже научились, а удаль молодецкую еще не подрастеряли. Или просто не поумнели?

4

К тому моменту, когда мы с Лехой вернулись из армии, «Ноль» стал уже довольно популярной группой и мог бы легко собирать стадионы, если б, конечно, возможность выступать на стадионах в те годы была. Зимний стадион, где Федя спел дуэтом с Майком «Бузи-вуги каждый день» на мотив Варшавянки, не в счет, Зимний – он и не стадион вовсе, а так, одно название.

Дядя Федор, Храбунов и Майк

Итак, армия осталась за плечами. Интересно, что из всех нас только мы с Николсом и прошли эту «школу жизни»: Монстр закосил по модной тогда «7б» — маниакально-депрессивный психоз; у Феде на иждивении состояла мама-инвалид; а вот как Гоше удалось миновать чашу сия — не помню. Вроде бы, он, как и Монстр — да что там Монстр, добрая половина моих знакомых! — прошел через дурдом. Но он, по крайней мере, никогда об этом не вспоминал, во всяком случае, вслух. В итоге выбор — то не велик: либо ты идиот со справкой на руках, либо идиот с автоматом в руках.

Идиотам в наше время оружие не доверяли — в лучшем случае, лопату. Это сейчас, когда здорового юношу призывного возраста днем с огнем не сыщешь, призывают кого ни попадя, вот они, бедолаги, и бегут, расстреливая по дороге не только офицеров, но и своих же *brothers in armes* (или, если хотите, товарищей по несчастью).

Видели ли вы когда-нибудь молодого человека, рвущегося на воинскую службу? Мне вот что-то ни разу не доводилось. Исключение из этого правила составляет только мой однокурсник по педагогическому институту, в который я поступил по возвращении домой. Звали его Борей, фамилию носил Фридендер и был чистокровным евреем, чем несказанно гордился. «Ни разу в жизни ни одного араба не видел, но как я их всех сволочей ненавижу!» — частенько говаривал он. Кстати, после института он уехал в Израиль, там его взяли в армию и отправили куда-то мочить арабов. Короче, получил все то, о чем мечтал. А спустя лет пять вернулся и проклинал этот Израиль на чем свет стоит. Дескать, как можно нормально жить в стране, где даже дворники — евреи? И укатил, кажется, в Швецию, где дворники — шведы. Чем они лучше евреев, русских и арабов, понятия не имею.

Боря – еще одна иллюстрация того, что человек, я уверен, рано или поздно получает то, о чем мечтает. Надо просто очень сильно этого хотеть. Как сказала однажды Катя Штейн, человек делает то, что хочет, и получает за это то, чего заслуживает. Если полученное и есть то, о чем он мечтал, значит, он делал то, что должен был делать. Лучше не скажешь. А посему любая группа, будь она хоть трижды популярна, обречена на распад: не могут же пять человек всю жизнь хотеть одного и того же и, соответственно, делать одно и то же. «Rolling Stones» – редкое исключение, да и то и Джagger, и Уотс, и Ричардс периодически выпускают сольные пластинки. Роберт Плант (а уж он-то дядька мудрый и повидал в жизни всякого) по этому поводу, будучи пару лет назад на гастролях в Санкт-Петербурге, заметил: «Какое счастье, что я не играю в Rolling Stones! Это ж страшно даже представить: тридцать лет изо дня в день одно и то же!»

Короче, участь «Ноля» была предрешена. Но 1989 год – это пик популярности группы, и о распаде не могло быть и речи. Хотя симптомы тому уже были. Федя постепенно стал уделять группе все меньше и меньше времени: участвовал в других музыкальных проектах (с Юрием Морозовым, Колей Фоминым); Гоша периодически

поигрывал с «Оле Лукойе»; Монстр выступал с О.М.Сумароковым в составе «Преображения». Одно время Федя даже официально объявил о роспуске «Ноля» и вместе с Николсом, Фоминым-старшим и Димой Благовещенским организовал группу «Черные индюки». (Компакт-диск «Индюков», вышедший в конце 90-х на фирме «Hobbot proline» имел к Индюкам такое же отношение, что и Пушкин к космонавтике, но об этом позже.) Это новообразование дало даже два концерта, причем на афишах значился, как обычно, «Ноль». Перед выступлением Федя выходил на сцену и сообщал собравшейся публике, что, дескать, группы «Ноль» в природе больше не существует, но он, раз уж зрители собрались, кое-что из любимых народом песен исполнит.

Черные индюки

Вообще же, великая идея «Черных индюков» состояла в том, что гитарист Коля Фомин будет играть на баяне, а баянист Федор Чистяков – на гитаре.

Существовала (а, может, где-то существует и по сей день) даже запись пары песен этого дуэта. Но на сцене в составе дуэта Индюки так и не появились, а жаль.

Кстати, именно тогда Федя по-настоящему научился играть на гитаре. А если послушать, какие фишки нынче выдает на баяне Коля – то становится понятно, откуда у его баяна ноги растут. Изредка, приезжая в Россию, Коля собирает старых друзей и устраивает концерты-посиделки в каком-нибудь из питерских клубов. Так что, следите за рекламой. Последний такой его визит на историческую родину состоялся в 2004 году в рамках дней культуры Германии в России.

Выступление «Brain Drain» (Утечка мозгов), а по-русски просто «Брень-Дрень» являло собой странное зрелище: русский Коля Фомин с баяном, итальянец гитарист, испанец барабаник и единственный немец – контрабасист. Такая вот немецкая группа. Такие вот дни немецкой культуры. Така, видать, их нынешняя немецкая культура вообще.

А познакомились мы (и Федя в том числе) с Колей во времена существования клуба «НЧ/ВЧ», которым руководил Олег Михайлович Сумароков.

Коля в те времена был основным автором и гитаристом группы «Время Любить». Группа была уникальной: во-первых, по словам самого Коли, основана она была с одной-единственной целью – получать бесплатные билеты на рок-клубовские концерты; во-вторых, все члены коллектива имели высшее образование и были, как минимум, кандидатами каких-нибудь наук (например, певец Михаил Бердников был кандидатом исторических наук, а сам Коля – физико-математических); а в-третьих, ребята играли этаким ритм-энд-блюз а la «Led Zepplin», причем делали это с таким драйвом, каковой в нашей стране до сих пор никому и не снился.

"Время Любить" во дворе НЧ/ВЧ

Уже в середине 90-х на «АнТропе» вышла их пластинка, называвшаяся «Отдайся, родная!», но она – увы – оказалась не столь удачна, как их концертные выступления. Лет пять назад мы с Лешкой Николаевым отреставрировали запись концерта «Времени любить» в Юрмале 1984 года – может быть, когда-нибудь удастся ее издать, хотя, кому это сейчас нужно...

Когда в Питер приезжал «Procol Harum», он не собрал и малой спортивной арены Юбилейного, в то время как в тот же день на концерт «Руки Вверх» в Ледовом было не купить билет, а это, как-никак, десять тысяч человек. По-моему, комментарии излишни.

Именно в период «Черных Индюков» Гоша начал потихоньку завязывать с музыкой. Причем завязывал с рок-н-роллом он постепенно, по-английски. Нельзя сказать, чтобы он дал «обет безмузцирования», как позже неоднократно это делал Федя, но особого желания выходить с гитарой на сцену или поработать в студии не изъявлял. Он записал несколько песен с группой «Олле Лукойе», да и то не из любви к искусству, а из хорошего отношения к ребятам из группы. Я вообще не представляю, как Олле может что-то сочинять и записывать: на репетициях и во время записи все они обкуриваются до такой степени, что сами себя не слышат, не говоря уж о партнерах... Хотя, может, с тех пор что-то и изменилось – уж двадцать лет минуло с той поры, а группа до сих пор существует, выпускает пластинки и изредка играет по питерским клубам.

Монстра же со всеобщего согласия справили в «Преображение». Этот интернациональный коллектив был образованием или, как нынче принято говорить, проектом (язык не поворачивается назвать это сборище сумасшедших музыкантов и полумузыкантов) еще более раздолбайским, чем «Олле Лукойе».

Ну посудите сами: главным идеологом «Преображения» выступал бабник и алкоголик, а по совместности –

совместительству вокалист «Времени Любить» Миша Бердников, на саксофоне играл законченный авангардист Коля Рубанов, за барабанами сидел его коллега по «Аукциону» Петр Шавейников, а пел (если можно так выразиться) Олег Михайлович Сумароков. Как на сцене, так и в повседневной жизни он внешне походил шестидесятилетнего бомжа, которому не удалось вовремя опохмелиться: летом и зимой одет Олег Михайлович был одинаково – в стоптанные штиблеты, грязное и мятое, некогда драповое, пальто, а завершала его облик непонятного цвета и формы потертая фетровая шляпа. И этот человек, не обладая ни каплей слуха, величаво прохаживался по сцене и что есть мочи орал в микрофон: «Ты забудь, кто! Ты забудь, что! Наши миражи! В нашем! Море!! Лжи!!!» Потом откуда-то из-за спины Олега Михайловича появлялось жестяное ведро с водой и венчик, коим Олег Михайлович совершал над охреневшими слушателями и зрителями нечто вроде обряда крещения. Все это вкуче впечатляло.

«ПАПА ОМ» ПРЕОБРАЗИЛСЯ

Преображение
TRANSFIGURATION I

С наступлением эры рыночной экономики знаменитый петербургский клуб «ИМБИ» (исключительно-массовое объединение «Изначие частоты – высокие частоты») год за годом утрачивал свои эстетические ориентиры, односторонне, по-прежнему в черномыслии, предаваясь изредка «Галле ОМ» (так величался Олег Михайлович Сумароков, 65-летний) (1) основателем и лидером которого было творить самобытные шедевры. Оставалось только задаться вопросом: зачем? Юрия Меркулова, заведующего кафедрой и педагога Андрея Тропилло, чтобы убедиться в теории «индивидуального творчества» (по поводу на сцене и фактически много лет проведя в доме, но и на сцене).

В 1990-х, с появлением фирмы «АнТрон», которая, стало быть, жила не одним «патентом», а была пластична «Преображением», оформленная художником Алексеем Сумароковым (брат-геноцидальный директор «ИМБИ»). Музыка считалась «бывающей», но особенно пострадал Коля Рубанов, Миша Берников, Олег Сумароков, Николай Фомин, Миша Селезнев (в точности – «СМ»), Боб Шалецкий и «Июль», то есть Давид Гудков. С текстами было куда проще – открыл «Бавельские» или «Триумфальное» и переписал, но другим способом и спецификой придумал руководителем популярного клуба «ИМБИ», ныне расквашенный гнилью, Олег Михайлович Сумароков. Помогли ему Боб Колегов, Миша Берников, Коля Фомин...

Среди множества номеров пластины можно услышать музыкальную тему о мистификации бегущего сына, о советских танках. Остатки и ее распутной секретной Сиглы (песня «Любовное говно»).

Итак, 65-летний «папа ОМ» в жизни раньше не пел (не в поведении, ни на празднике, ни в застолье), зато, работая на маркет по добыче гранита, научился в грохоте стиралки и машин орать, переписывая любой «мощный». Вот эту «мощность» немедленно для всех распорядился Олег Михайлович Боб Колегов (группа «Машин»), который и направил «папу» на путь истинный. Сначала были «Машин», потом Сумароков-старший создал группу «Арсенал пела», а будущий главный в СМ на концерт памяти Игоря Орджоникидзе нарисовал свою группу «Преображение».

Однажды, когда кто-то из журналистов поинтересовался, почему-де он крестит народ венчиком из помойного ведра, Олег Михайлович, не задумываясь, ответил: «А большего не заслужили». Кстати, Сумароков-старший по совместительству являлся пастором петербургской евангельско-лютеранской церкви. Сумароков-младший – Лешка (лидер группы НЧ/ВЧ) к тому времени уже не вылезал из психиатрической лечебницы, где, к слову сказать, его папа тоже был частым гостем. Но при этом Олега Михайловича любили все: и близкие знакомые, и те, кому довелось пообщаться с ним один-два раза. Было в нем какое-то удивительное обаяние...

Именно было, потому что погиб Олег Михайлович совершенно по-идиотски – его зарезал собственный сын. Зарезал отца – и отправился в очередной раз в дурдом. Надеюсь, в последний и навечно. Когда Рекшан в своей книге «Каиф полный» изобразил сцену расстрела Олега Михайловича из автомата бандитами, сам Сумароков над этим только посмеялся. Но мне почему-то до сих пор кажется, что часть вины за его смерть лежит на Рекшане. Конечно, конечно я не прав, но все-таки. Все-таки, все-таки и еще раз все-таки.

К своим обязанностям в Преображении Олег Михайлович относился очень серьезно, если не сказать даже более того. Наверное, он был единственным, кто за пять лет существования группы ни разу не продинамил ни одной репетиции. Тем не менее Сумароков вносил в и без того бардачную атмосферу «Преображения» окончательную вакханалию.

И только Монстр умудрялся как-то стабилизировать ситуацию внутри группы.

Конец 80-х – начало 90-х были годами расцвета русского рока: с одной стороны, все уже было можно; с другой – все это «можно» еще не приелось. Слушатели и зрители наконец-то получили возможность ходить на рок-концерты и покупать официально изданные пластинки, а музыканты – не только выступать и записываться на профессиональных студиях, но даже и получать за это деньги. К сожалению, последнее со временем и превратило многих из наших рокеров в полное говно. Хотя, как посмотреть – сам я придерживаюсь той точки зрения, что ни деньги, ни их количество не могут ни испортить, ни исправить человека.

Однажды Коврига, глядя на черно-белую фотографию Задерия двадцатилетней давности, с трудно скрываемой горечью в голосе изрек: «Эх, какого парня

загубили!..» Да кто его, позвольте спросить, загубил? Не фиг было бухать по-черному вместо того, чтобы музыкой заниматься, а сейчас уже все – поезд ушел, сколько бы Слава ни дергался. Водка вообще сгубила многих – тот же Сережка Богаев..

В общем, веселое было время.

Вернувшись из армии, я первым делом забрал документы из ВТУЗа, где учился на курс младше Николса (Лехины документы, наверное, до сих пор хранятся в канцелярии этого, с позволения сказать, института), и решил поступать в педагогический на факультет русского языка и литературы. Сейчас мне в это уже самому трудно поверить, но в то время меня охватила такая пронзительная тоска по школе, что я твердо вознамерился в эту самую школу вернуться – не учеником, так хотя бы учителем.

Более идиотской мысли в мою голову придти не могло – я это понял много позже, честно отработав в школе четыре года.

Наверное, я был не самым плохим учителем, по крайней мере, мои выпускники до сих пор, встречая меня на улице, здороваются и даже улыбаются. Странное ощущение испытываешь, когда идет тебе навстречу молодая мама с коляской и говорит: «Здравствуйте, Анатолий Викторович!»

Вроде бы, не такой я еще и старый, а уже Викторovich. Прямо как Федор «Валентинович». Понимание того, что есть уже кто-то взрослый, но моложе тебя, к каждому приходит по-разному и в разное время, но осознание этого факта происходит очень мучительно. Оказывается, не только женщины, но и мужчины болезненно переживают переход из одной возрастной категории в другую, причем, как мне кажется, мужчине осознание своего возраста дается даже тяжелее. Как-то раз зимой меня на улице окликнула одна из моих бывших учениц из педагогического училища (я и там умудрился отметиться в роли преподавателя). Кажется, звали ее Маша (фамилию ее, как я не пытался, вспомнить не смог, да и зачем?). Помню только ее на занятиях: в то время, когда все ее однокурсницы прямо на лекциях мерили колготки, она одна из немногих действительно училась. Или мне так казалось. Не верьте преподавателю, когда он говорит, что у него нет любимчиков – есть, и еще как есть! В общем, Маша была из них. Нет, в хорошем смысле этого слова. И вот уже со взрослой Машей мы зашли в какую-то кафешку, и тут она принялась рассыпаться ко мне в благодарностях, какую-де я привил ей любовь к литературе, к искусству, что без него – искусства – жить она теперь не может; и что когда я ушел из

училища и литературу в их группе стала преподавать какая-то мымра, бедная Маша не смогла в этом училище больше находиться ни минуты и, бросив образование, пошла работать в театр костюмером. «И теперь я каждый день рядом с настоящим искусством!!!»

И в этот момент так мне стало грустно и одновременно противно – ведь нормальная же была девчонка, и что с ней стало... А ведь в этом «чудесном превращении» есть и моя вина! «Дура, твою мать!» – единственное, что смог я ответить, и выбежал на улицу. А вслед мне прозвучало: «Ну, Анатолий Викторovich, не ожидала я от вас...» Но хочется верить, что такие маши – скорее исключения, и учителем я был все-таки не самым поганым.

Впрочем, за всю мою педагогическую карьеру больше года в одной школе мне ни разу не удалось проработать. Формально я увольнялся по собственному желанию, но, как это частенько бывает, мое собственное желание всегда совпадало с желанием директора и завучей. Из одной школы мне пришлось уйти после так называемого расстрела детей, когда, перепробовав все возможные способы воздействия на нерадивых учеников, я пришел на очередной урок с пистолетом Макарова (естественно, незаряженным).

Иванов, Петров, Сидоров – вы уверены, что ничего не знаете о причастном обороте? Тогда руки за голову, лицом к стене. И когда, после сухого щелчка пере-дергиваемого затвора шестикласснику упирается в затылок дуло пистолета, выясняется, что про причастный оборот он знает абсолютно все! Потом был разговор с завучем, на котором черт меня дернул заявить, что по-другому с этими детьми нельзя, а орать на них благим матом так, что кошки в подвале отзываются, как это делаете вы, уважаемая NN, я не намерен, тем более, что толку от этого никакого. После этого случая мне позволили доработать до конца учебного года, но потом из этой школы мне пришлось уйти.

Не задержался я и в следующей школе, где меня обвинили, ни много ни мало, в растлении несовершеннолетних. А дело было так. Перед началом урока ко мне подошли две девочки и попросили отпустить их на какую-то репетицию. Ну, как говорится в рекламе, надо, так надо. Единственно что, так я попросил их поставить в известность классного руководителя, на что девчонки ответили, что их классная дама в курсе, и благополучно отправились на репетицию. Через пять минут после начала урока в класс ворвалась их классная мадам и, выпучив глаза, принялась кричать на меня, какое я, дескать, имел право их отпускать.

Но позвольте, почему я должен не верить взрослым (а пятнадцать лет – это, как ни крути, уже возраст) людям? Одним словом, выяснилось, что эти барыни проводили время в подвале соседнего дома в обществе двух кавалеров.

– Вот, – кричала их мадам, – благодаря Вам, Анатолий Викторович, эти две девочки уже не девочки!

– Если Вы будете продолжать разговаривать со мной в таком тоне, то я сделаю недевочкой Вас на столе в кабинете директора при всем классе, – единственное, что я смог ответить.

Дальше все понятно.

Индюки к тому времени благополучно прекратили свое существование, и Федя собрал музыкантов для записи очередного альбома. Песни сочинялись прямо в студии: «Улица Ленина», «Иду, курю», «Песня о настоящем индейце». Но, на мой взгляд, лучшим номером этой пластинки стала Гошина «Человек и кошка» – песня уникальная во всех отношениях.

Построенная на классическом слейдовском рифе («Соз I Liv You»), она при этом выглядела на сто процентов русской. У Феде вообще присутствует дар из всего сделать русскую народную застольную песню.

Причем, что самое интересное, что лет за десять до «Человека и кошки», еще в школе Николс написал песню «Морфий», как две капли воды похожую на тот же «Соз | Liv You», причем о существовании Slade он тогда и не подозревал. Текст песни выглядел так:

Вот иду через поле, красное поле,
Маки кругом цветут.

Что-то вдруг со мной стало и меня закачало –
Маки были в своем цвету.
Снова мы с тобой вдвоем –
Я и морфий

И во мне наслаждение от цветков дуновенья
Так приятно меня пьянит.

Это был всего морфий, загадочный морфий,
Каждый глаз им теперь налит.

И дальше в том же духе. Воистину, ничего случайного на земле не бывает – в это я окончательно уверовал еще через несколько лет, когда при записи «С тех пор, как я не люблю», вспомнил «Остров любви» – песню, в шутку написанную еще в школе. Если б я тогда знал, что вся она, от первой до последней строчки, окажется самой что ни на есть правдой! Или это и есть так называемое «прогнозирование кармы»?

Но мы отвлеклись, так что вернемся к человеку с кошкой. На эту песню впоследствии было снято аж три клипа, причем совершенно разными режиссерами и совершенно независимо не только друг от друга, но и от группы! Автор первого – Леша Боев, оператор ленинградского телевидения. Не сказать, чтоб клип получился удачным, но это был первый клип Ноля: в нем на протяжении всей песни девочка, сидящая у окна, строила из кубиков какую-то херню, а в конце песни вставала и уходила в даль светлую на костылях.

Клип спустя несколько лет показали по ТВ, но ни на кого никакого впечатления он не произвел. Зато другие два – мультяшные – оказались просто гениальными!

Кто их рисовал, я не знаю, но, я уверен, если бы существовал золотой фонд отечественной видеомузыкальной продукции, они бы по праву заняли в нем почетное первое место. Один из этих клипов можно найти в бонусах к третьему переизданию альбома.

Альбом записывался в студии на Фонтанке (официально студия называлась студией «Телевизора») и был произведен на свет на одном дыхании и в рекордно короткие сроки – месяца за два, из которых добрую часть времени заняли перекуры – курили, понятное дело, не табак. Это уже потом Федя, Николс и Монстр перешли на грибы, когда штаб-квартира группы (если так можно сказать) переместилась в Комарово, в дом Ирины – Ирки Недорезанной, как ее теперь называют. Познакомил ее с Федей некто Коровин, хотя ему больше бы подошла фамилия Коровьев, ибо его внешность отражала все самые отвратительные черты этого булгаковского персонажа. Мне почему-то всегда хотелось надавать ему по его наглой золотушной морде. Он был (хотя почему был – такие люди живут долго) сыном какого-то партийного босса из уже забыл какого именно Усть-Урюпинска. Как он оказался в Ленинграде и как попал в Федину компанию – ему не постижимо.

Больше всего его ненавидела теть Тоня: мне она рассказывала о Коровине такие вещи, что не только у нормального, но и у ненормального человека волосы на голове начинали шевелиться – даже если от этих волос оставалась одна только лысина, шевелилась и она. То он, укуренный в зюзю царскосельскую, подмешивал Фединой маме в еду наркотики, то бегал без штанов по всему дому... Конечно, все тети Тонины рассказы следовало делить, как минимум, пополам, но даже если хотя бы десятая доля этих историй была правдой... Вот она – жизнь настоящих индейцев, которым всегда везде ништяк.

Теть Тоня к тому времени уже практически не вставала с постели, и Федя, так как одну ее оставлять было нельзя, перевез ее в Комарово, где сам чуть ли не прописался. Место это было действительно жуткое: представьте себе старейший деревянный наполовину прогнивший некогда роскошный загородный дом со скрипучим полом и обшарпанными стенами, освещаемыми редкими тусклыми лампочками, уныло болтающимися на голых проводах; паутина по углам; на стенах – картины хозяйки, изображающие не то Христа, не то Будду, не то вообще каких-то кровожадных монстров.

Посреди комнаты стол, вокруг которого сидят небритые и обдолбанные люди – слушают Doors, – а вокруг лениво прохаживаются две огромные овчарки. Такое ощущение, что попадаешь на воровскую малину начала прошлого века. Помните малину, на которую попал Володя Шарапов? Очень похоже.

Единственным нормальным человеком среди всех этих полуплюдей и была тетя Тоня.

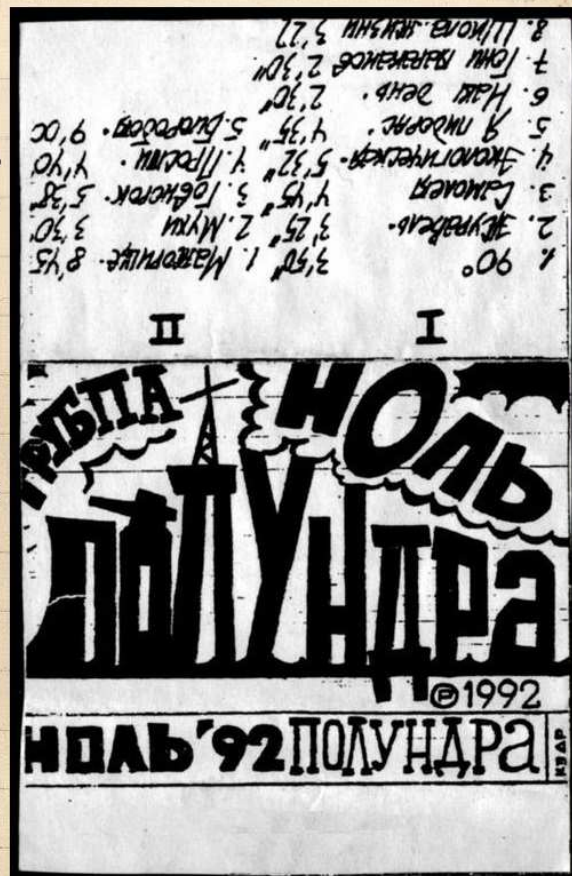
Все деньги, которые тогда зарабатывала группа концертами – а выступал Ноль в тот период с завидной регулярностью, причем по несколько раз в год отправляясь на гастроли в Европу: то в Германию, то во Францию – уходили на наркотики и водку – еду обычно привозили гости, которых, как ни странно, в доме никогда не переводилось. Кто-то (по-моему, все тот же Леша Боев) однажды даже запечатлел все это на видео, из чего впоследствии и был смонтирован клип на «Песню о настоящем индейце». Лучшего клипа для «Индейца» придумать было трудно, особенно впечатляет Ирка с размалеванным лицом.

Кульминацией всего этого, мягко говоря, раздолбайства стала запись последнего альбома Ноля «Полундра!». Альбом, как и следовало ожидать, получился на редкость мрачный, в отличие от предыдущего – «Песни о безответной любви к Родине».

Запись происходила в Москве на студии МММ, и Гоша уже участие в ней не принимал.

Впоследствии, когда при нем заходил разговор о «Полундре», он комментировал его так: «Это там, где крутится рулетка и я педераст?» И это не просто слова.

Дело в том, что Гоша тогда окончательно порвал с настоящими индейцами и с музыкой и трудился в казино в качестве крупье. Собственно, ему, хорошему мальчику из хорошей семьи, такая жизнь была, как я понимаю, не то чтобы противна – вообще неприемлема. И, перейдя из одной возрастной категории в другую, он решил-таки заняться чем-то более серьезным и приносящим стабильный доход.

К тому ж, опять же, семья. На что Леха с Федей посвятили ему песню со словами «Крутится рулетка, играет джаз, я проиграл – я педераст!» И сколько бы потом они не говорили, что ничего такого в виду они не имели, верится в это с трудом. А если даже и не имели, то вспомните старика Лотмана, учение которого всесильно, потому что оно верно. Или Фрейда, который тоже кое в чем был прав.

«Полундра!», в отличие от «Любви к Родине», создавалась долго и мучительно. Забегая вперед, издавалась она еще дольше и мучительнее, чем создавалась, но об этом позже. Грибы грибами, а к музыке Федя относился серьезно, и запись в шикарной студии, где возможности были практически ничем не ограничены, требовала особого к себе отношения. В итоге к альбому были записаны пятнадцать песен, одна другой краше (во всех смыслах этого слова). Федя откровенно матерился, вопил что есть мочи, извлекая из многострадального баяна нарочито какофонические звуки.

Ну что, допрыгались уроды –
Ебанные цари природы,
Что трепещите в непогоду,
Или забыли, откуда вы родом?

Побеждена природа,
Кто побеждал – молодец!
В награду за эту угоду
К нам в гости несется пиздец!!!

Хотя внешне наступление «пиздеца» тогда еще ничего не предвещало. Федя вспоминает: «Уже когда альбом был записан, а новая программа спретендрована, во время концертов я разрывал баян чуть ли не на две половины, блевал на сцене, материл публику – а «благодарные слушатели» потом подходили ко мне, жали руку и говорили: «Спасибо, вот это настоящее искусство!» Идиоты!.. И я оказался в каком-то тупике, выхода из которого не было. За запись мы получили столько денег, что нам и не снилось, мы носились по Москве с рюкзаками, набитыми купюрами, не зная, куда их девать, но радости это никакой не приносило...»

Делами группы в тот период занимался Бахыт Килибаев – автор телесериала про Леню Голубкова. Вообще забавно: талантливый кинорежиссер, автор фильмов «Трое» и «Гонгофер», в народной памяти он навсегда остался этаким прихвостнем братьев Мавроди – этаким Лени Рифеншталь местного разлива.

К его чести надо сказать, что человек он в высшей степени порядочный – если б не он, не известно, где бы сейчас был и Федя, и Николс. Пожалуй, он оказался единственным, кто не оставил музыкантов и тетю Тоню и в трудные времена, которые вскоре наступили.

5.

Хорошо бы начать эту главу так: такого-то числа такого-то года мир потрясла страшная весть. Но ничего подобного не произошло. Я даже не помню точную дату, когда Федя перерезал горло хозяйке Комаровской резиденции. Помню лишь, что это была осень 1992 года.

Еще помню, что в тот вечер должен был состояться концерт «Ноль» в Red клубе, и я впервые за, наверное, последние года две решил-таки посмотреть, что такое «Ноль» сегодня. Не сложилось. Как я узнал уже на следующий день, к семи вечера лидер коллектива уже был почти сутки, как арестован за попытку убийства. Именно за попытку, потому что перерезать Ирке горло он не смог – профессионализма не хватило.

Ха! Он, небось, думал, что это так просто: ножом по горлу, и все. Не тут-то было. Это вообще, на мой взгляд, главная русская беда – воинствующий

непрофессионализм, когда кто ни попадя берется за все, что ни попадя, а в результате мы имеем то, что имеем: автомобили, которые не ездят, дома, которые разваливаются уже через пару лет после постройки, крыши, которые сносит наглухо. И нельзя сказать, чтобы Федя не готовился к Иркиному убийству, он даже со мной советовался, какой нож ему для этой цели выбрать. Да и не только со мной – и с Николсом, и с Монстром, и даже с Гошей. Вот только всерьез Федю никто из нас не воспринимал: думали – так, шутка юмора. Мало ли чего у него там в голове происходит, не пойдет же он, в самом деле, убивать! Да и сама Ирка прекрасно знала о Федяных намерениях. Казалось бы, идеальные условия для убийства, а нет – не получилось.

Впрочем, и мир никак не отреагировал на Федя подвиг – ни одна газета, ни одна радиостанция или телеканал не сообщили об аресте лидера группы «Ноль». Так что же, все-таки, произошло в ту осеннюю ночь в Комарово?

На этот вопрос можно ответить по-разному. Кто-то говорит, что Федя пытался зарезать свою бабу, кто-то считает, что у него от травы и грибов крыша поехала, кто-то уверен, что у всего происшедшего

глубокая мистическая подоплека. И вот что интересно: все правы. Если бы судебно-медицинской экспертизой Федор Чистяков был бы признан вменяемым и суд над ним проходил бы с его участием, если бы его последнее слово, которое он заранее написал в Крестах, на этом суде прозвучало, то тогда бы, наверное, всем все стало понятно. Понятно, что этого человека надо серьезно лечить. Но вот в чем штука: людей, хоть немного знавших Ирку, Федин поступок ничуть не удивил. Поговаривают даже, что БГ, узнав о случившемся, заметил: «Ну хоть кто-то это сделал! Жаль, что не до конца». Утверждать, что это подлинные слова патриарха русского рока, я не берусь. За что, как говорится, купил, за то и продаю. Но то, что Ирка страшный человек, не подлежит ни малейшему сомнению. Есть в ней что-то такое, что с первых же минут общения с ней подавляет волю собеседника, что-то черное есть в ее душе. И, что самое страшное, Ирка воспринимает это, как знак собственной избранности.

Поэтому неудивительно, что Федя решил, будто эта женщина – воплощение вселенского зла. А если учесть, сколько они там в Комарово выпивали и выкуривали, сколько съедали грибов, то крыша у нашего рок-героя действительно поехала основательно.

Тогда, разумеется, он так не считал, да и сейчас, скорее всего, так не считает. Уже потом, выйдя из больницы и став Свидетелем Иеговы, ни в одном из интервью он так и не рассказал, что же произошло в ту ночь.

А произошло следующее: дождавшись, когда Ирка зачем-то выйдет из дома (да мало ли за чем люди по ночам выходят из загородных домов?), Федя тихонько вышел следом, не забыв прихватить с собой нож. Выбрав удобный момент, он сзади набросился на Ирку, повалил ее на землю и принялся водить ей ножом по горлу, словно пилой. Может, его действия и увенчались бы успехом, но мимо, как на грех, проходили двое ночных прохожих, электрики, что-то ремонтировавшие неподалеку.

Услышав женские крики, они скрутили нашего героя и доставили в ближайшее отделение милиции. Во всей этой истории наиболее неправдоподобной мне кажется вторая часть. Где вы видели электриков в дачном поселке, да еще и ночью? Где вы видели, чтобы ночью кто-то обращал внимание на чьи-то крики о помощи? Да в любом городе, не то что на даче, среди бела дня тебя будут убивать – никто и ухом не поведет, а тут осенняя ночь на даче.

Если б я верил в судьбу, то сказал бы, что это была именно она: Ирке просто суждено было выжить. А Федьке, соответственно, сесть.

Федьку в итоге доставили в следственный изолятор Кресты, а недорезанную Ирку в больницу, откуда она, кстати, на следующий день благополучно сбежала. Но еще бы: в больнице нет ни травы, ни грибов, ни даже бухла. Видать, не слишком сильные раны нанес ей Чистяков, раз уже меньше чем через сутки на ней все зажило, как на собаке. Она и на суд не пришла, так что суд над Федором Чистяковым, который состоялся спустя полгода — где-то по весне, — представлял собой весьма комичное зрелище: ни обвиняемого, ни потерпевшей, ни свидетелей. Да и зачем они, свидетели, вообще были нужны? Федя содеянного не отрицал, наоборот, все твердил, что он, дескать, готов нести наказание по человеческим законам, но на самом-то деле он — спаситель человечества, а потому виновным себя не считает и, как только снова окажется на свободе, обязательно доведет свое дело до конца.

Сколько адвокат (а оплачивал адвоката, естественно, Бахыт) ни убеждал его хоть немного изменить точку зрения и хотя бы сделать вид, что раскаивается, Федя уперся, как баран.

Могу себе представить мучения адвоката, ведь если Федя упрется, то, считай, пиши пропало. Того же осла хоть как-то можно сдвинуть с мертвой точки, Чистякова же — хрена лысого. Поэтому единственным способом избежать зоны для него была психиатрическая лечебница, куда он, сердечный, в итоге и угодил.

О том, что Федор Валентинович себе думал в тот период жизни, лучше всего говорит «поэма», созданная им в Крестах. Это произведение имело для Чистякова не столько художественное значение (он вообще никогда не относился к литературе как к искусству, слово для него всегда имело лишь исключительно утилитарное, то есть вербальное предназначение и смысл), сколько писалось в качестве последнего слова, которое он рассчитывал произнести со скамьи подсудимых. Ой да на черной скамье, на скамье подсудимых!..

Каким-то непостижимым образом Феде удалось передать «Поэму» на волю. Сделано это было через адвоката – как известно, находясь в следственном изоляторе, можно общаться исключительно с адвокатом. Так вот, передал он «Поэму» с пожеланием распространить ее где только возможно. Иначе, как манией величия, такое желание чем-либо еще объяснить трудно. Ну кому, спрашивается, какое дело, что где-то какой-то Чистяков кому-то что-то резал и недорезал? Так ведь нет же, весь мир должен об этом знать! Зато потом, когда Федю расспрашивали об этой истории журналисты, он хранил гордое молчание. Дескать, пусть это остается тайной. Ну да Бог ему судья. Тем не менее, исполняя наказ Федора, я привожу текст его произнесенного последнего слова полностью, включая все заботливо расставленные им знаки препинания – редактировать столь значимое для русской истории и культуры произведение у меня рука не поднимается.

Вот только не надо обвинять меня в цинизме, злопыхательстве и прочих смертных грехах. В конце концов, моя точка зрения на произошедшее и вообще на происходящее такова, какова она есть.

Не помню кто сказал, что если человек в молодости не был революционером, то, значит, он и не жил, а

если к старости не стал консерватором, то он просто дурак. Так вот эта революционная деятельность у каждого выражается по-своему: кто-то пианины из окон выбрасывает, кто-то стулья, кто-то кидается с ножом на кого ни попадя, а кто-то просто бухает – по молодости от переполняющих его революционных настроений, позже – из чувства патриотизма и консерватизма. Так что патриотизм в России никакой не квасной, а водочный. Сашка Карпов, который умудряется пить по-черному вот уже, если я не сбился со счета, лет двадцать, искренне считает, что пьянство – это единственное занятие, достойное мужчины. И он, между прочим, никому не желает зла, существует со всеми в мире и согласии и вполне доволен жизнью. Лучше бы уж Федя просто бухал, а то водка с грибами – ядерная смесь, которая еще никого

до добра не доводила. До чего она его довела – судите сами, умному, как говорится, достаточно.

Нив здоров – лему в больницы
Сыт по горло, зурать хьчу
Тризнайте поскресе я вас
Всех видеть хачу!

Федор
Чистяков СТИХИ
ИЗ ТЕМНИЦЫ

"И сказал Господь Бог: не хорошо
быть человеку одному; сотвори ему
помошника, соответствующего ему.

И создал Господь Бог из ребра, взятого
у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек: вот это кость от костей
моих и плоть от плоти моей; она будет
называться женою: ибо взята от мужа".

Великая искусительница и обольстительница,
блудница хитрая фантазии огромной,
О! Сколь могучи чары ее!

+ + +

Мужчинами, как куклами, играла,
И до сих пор ей все сходило с рук
О! Беспредельная в своих блудодеяньях,
О! Обнаглевшая, - зашла так далеко.
Живет она свободно, как царица,
И часто полон был гостями ее дом.
И парни молодые ей служили,
Любовниками были и друзьями.
Глаза на ее блудни закрывали.
И я не удержался от искуса.

Но глаз закрыть и все забыть не смог.

Любимыми своими наслаждалась

И как угодно развлекалась ими
В конце концов любого изводила,
Как только баба может извести.
И все пред ней покорно расступались,
Терпели, будучи не в силах совладать.
Ну а она все продолжала свои блудни.
Ее остановить не мог никто.

Еще скажу: имеет она мужа
И двух детей, но с ними не живет.
Как будто и не мать она им вовсе!
И все смирились: что попишешь тут?

+ + +

И вот так женщина свободной стала.
И встала у руля и всех послала

Подальше

мужа и детей.

И мужиками

Стала верховодить да блудить.

Ей имя "Ведьма" предок дал далекий.

Таких сжигали при народе и не зря.

В обман чтоб недоумков не вводили.

Не обольщали дураков и не блудили.

Ее и ей подобных поведенье

На деле есть бардак и беспорядок.

Ибо не должно бабе быть без мужа,

Который власть над ней имеет

И ответ

за сучие ее проделки держит

По совести и строгости своей!

+ + +

Да кто ж дал бабам равные права

С мужчинами

и закрепил в законе?

Злодейством иль ошибкою глупейшей

Нарушено природы равновесье.

И тех, и этих - на одну ступень,

как будто бы они - одно и то же.

И бабы-сучки свосвольны стали

И блудят, и гуляют, как хотят.

Смушеньке вводят в головы мужские

И мозги заворачивают всяко.

Любовью блуд грязнейший крестят,

Тогда, как идет Шабаш наглый;

Мужья же принимают "статус кво",

Признав безмозглых тварей себе ровней.

И позволяют им себя вводить в обман.

+ + +

Так и мужчинами-то - грех им называться,
Обоссанные пидары - им имя.

Коль плонули они на баб своих,
Да того боле - под дуду их пляшут.

И с ними в блудень лезут заодно.

Ответа не несут за их задвиги,
Пускай, мол, себе пляшут, как хотят.

Свободные предельные созданы.

А то еще пытаются понять:

Ведь женщина! - это загадка, тайна,
Которую попробуй разгадать.

А это уж придумали французы,
С особым шармом по миру

Заразу расплодили.

И к нам зараза мерзкая пролезла
И корни уж глубокие пустила.

+ + +

И столь силен мой гнев стал,
И столь противно бессилие мое,
Когда же телевизор мне вещает
Про секс, да про любовь, да про успех;
Да проститутки глазки строят нагло,
А я уж видеть не могу и слышать.
Уж знаю эту сучью любовь!
Все это ложь!

На самом деле

Все это - просто сучий беспредел!
Педорастия массовая!

Пир среди чумы!

Разврат и блуд!

Бесславые и бесчестье!

Слова бессильны, руки тянутся к ножу.

Всем блудным сучкам хвост прижать!

Ведь всех почти с ума свели, заразы!

Отмыть позор!

Спаси святую землю!

+ + +

И за дела свои она достойна смерти,

И должен царствию ее прийти конец.

Я вынес приговор ей.

Казнь назначил.

И в исполнение привел собственноручно.

Готов ответ за то держать.

От слов и дел своих не отступлюсь.

РОКОВАЯ ПИДАРА ФЕДОРА ЧИСТЯКОВА

© СЛОВА РОКОВА

В итоге и без этого произведения Федор Чистяков судебно-медицинской экспертизой был признан психически нездоровым и не способным нести ответственность за свои деяния, а судом отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу имени Скворцова-Степанова на неопределенный срок — до полного, так сказать, выздоровления. Федькин адвокат на прощание пообещал, что года, самое большее, через два его выпустят, и он снова сможет горлопанить песни и растягивать меха баяна. Адвокат, наверное, полагал, что это дело он выиграл. Да, в сущности, так оно и было — тюрьмы Федя все-таки избежал. Сам суд проходил в Зеленогорске, потому как преступление свое Федя совершил на административной территории Зеленогорского района. Дело было зимой и в электричке, на которой мы ехали из Петербурга, было чертовски холодно. Согревались же мы, чуть ли не ежеминутно бегая курить в тамбур, кстати, нарушая тем самым правила проезда в пригородных электропоездах. Мы — это Лешка Николаев, Монстр, Дима Алексеенко и Андрей Магдич. Вот если б знал, какую он роль еще сыграет в Федькиной жизни, то уже тогда бы сбросил его с поезда, но тогда, увы, ни я, ни кто другой не могли видеть будущее.

Впрочем, я и до сих пор не научился видеть через время: я не знаю, кто прав, кто виноват; не знаю, почему все в итоге сложилось так, а не иначе; не имею ни малейшего представления о том, что будет завтра. А Магдич знал. Он всю дорогу дорогу молчал, кутаясь в воротник своей куртки, а потом вдруг изрек: «Давайте придем к судьбе и скажем: отдайте Федю нам, он ведь вам не нужен, а нам нужен. И они отдадут, не звери ж они, в самом-то деле! Неужели кому-то будет приятней, если Федьку посадят в тюрьму?» Самое забавное, что Магдич искренне верил во всю это галиматью. А спустя пару месяцев он отправился вслед за Федькой — в психиатрическую больницу. Процесс длился недолго — не более получаса. Скорее всего, решение уже было принято заранее, судьбе оставалось лишь соблюсти формальности. А еще через недельку Федю перевели из следственного изолятора в больницу. Теперь его можно было хотя бы навещать, правда, всего раз в неделю и только в здании больницы (на улицу его не выпускали), но и это уже был ого-го какой прогресс.

Андрей Магдич

Да и с передачами стало попроще — в больницу разрешалось приносить практически все, кроме, разумеется, водки и наркотиков.

Ну да опыт передачи спиртного в больницу у нас с Фedeй сохранился со школьных времен, когда он в десятом классе угодил туда на неделю с невритом. Но то была обыкновенная больница, а эта — психиатрическая. К счастью, не режимная. Но, тем не менее, все двери там были бронированные и запирались, окна украшали решетки, а посетителей впускали исключительно по предъявлению паспорта. Непонятно почему, ведь Федю отправили в наркологическое отделение, где его соседями были исключительно тихие и безобидные алкоголики, к которым приходили разве что их матери и жены. Вообще же это было зрелищем не для слабонервных: более плотного средоточия человеческого горя, более тяжелой атмосферы тоски и безысходности мне ни до, ни после нигде видеть не доводилось. А лицезреть Федьку в застиранном и сидящем на нем мешком больничном халате было вдвойне тяжело. Тем не менее мы — Леха, Дима и я — ежедневно по средам приезжали на станцию Удельная, где находилась больница, выпивали на троих одну бутылку водки, и отправлялись на встречу с Фedeй.

Там передавали ему вторую бутылку (иногда ее удавалось пронести с собой, иногда передавали ее через окно по веревке), и после такого вот свидания выпивали третью и возвращались в город. Иногда нам составлял компанию кто-нибудь из общих знакомых, чаще всего это были Карпов и Коля Фомин, который к тому времени уже начал всерьез окучивать Германию и Австрию, для чего специально создал коллектив под английским названием Brain Drain, с которым сперва на пару недель, а потом на все более и более долгий срок отправлялся на гастроли. Первое время играли на улицах, потом в клубах. К моменту Федькиной больничной эпопеи Коля уже практически поселился в Австрии, но когда оказывался на Родине, обязательно Федора навещал.

Сегодня как ни силюсь, не могу вспомнить, о чем мы говорили во время этих свиданий. Скорее всего, о какой-нибудь ерунде, да и о чем можно было разговаривать с человеком, запертым в четырех стенах? У него новостей никаких, а рассказывать о своих мне казалось чем-то неприличным: это все равно что показывать голодному кусок хлеба.

Единственное, что мы тогда взяли за правило, так это трезвыми в больницу не входить.

Если кто помнит, в те времена дешевая водка продавалась в лимонадных бутылках с алюминиевыми пробками, так эти пробки мы, откупорив перед посещением Федьки очередную поллитру, ввешивали на какое-то засохшее дерево под окнами его палаты. В итоге через полгода пробок на этом дереве было — что на соседнем дереве листьев. Дима утверждает, что в противном случае наша психика не выдержала бы таких перегрузок. А Федор? Мы-то проводили в больнице всего час в неделю, а он двадцать четыре часа в сутки целых шесть месяцев! Неудивительно, что когда его начали отпускать домой на выходные и когда до его выписки оставалось всего каких-то две недели, он не выдержал и сбежал. Как мы Федьку ни уговаривали, возвращаться обратно он не желал. В итоге, если я не ошибаюсь, Николс вызвал санитаров с носилками, чтобы те вернули его к месту пусть не постоянного, но временного проживания. В противном случае психиатрическая больница действительно могла стать его постоянным местом пребывания.

Вот, кстати, еще одно доказательство Федькиной импульсивности. Ну чего бы ему не собрать остатки воли в кулак, не напрячься и дотянуть срок до конца? Ан нет. Видать, ему действительно не сладко там было. Впрочем, о времени, проведенном в Крестах и в больнице, Чистякову никому и никогда не рассказывал.

Коля Фомин после того, как сходил к Федьке на свиданку в первый раз, обалдел совершенно. У него на тот вечер были запланированы какие-то дела, но он о них моментально позабыл, а предложил взять еще водки и отправиться к кому-нибудь из знакомых. (Ремарка для тех, кто, дочитав до этой страницы, решил, что всем мы уже тогда были законченными пьяницами: заметьте, не я это предложил! И сейчас, сидя за компьютером и находясь в абсолютно трезвом уме и совершенно крепкой памяти, заявляю: слухи о пьянстве в среде рок-музыкантов сильно преувеличены, причем преувеличены самими же музыкантами.)

Кончился этот поход по Колиным друзьям плачевно. Дело в том, что Коля, насмотревшись на больничных дураков, напрочь позабыл, что несколько дней назад он разругался с Бобом Колеговым, выгнав того из группы. В пьяном угаре он вдруг воспылал к Бобу нежной любовью и потащил всех к нему. Коля, правда, не знал его адрес, зато помнил, что Боб живет где-то на Невском и дверь его подъезда обита рейками. Остается только удивляться, как после долгих поисков нам все-таки удалось найти и нужный дом, и нужный подъезд, а в подъезде — квартиру Боба. Дверь открыл сам хозяин. Смерил нас тяжелым взглядом и отчетливо, чтобы до Фомина дошел смысл сказанного, произнес:

- Ну и на хрена ты, Фомин, приперся? И еще каких-то мудозвонов с собой притащил?

Бобу хватило такта не спустить нас с лестницы, а нам - убраться самим. С тех пор прошло уже почти пятнадцать лет, Боб давно уже живет в Белоруссии, с Колей он давно уже помирился и всякий раз, когда тот оказывается в Петербурге, приезжает повидать старого друга, но этот случай он не забыл. Забыл его только Коля - он совершенно искренне не верит, что мог, во-первых, выгнать Боба из группы, а во-вторых, что Боб мог спустить его за это с лестницы. Я всегда поражался такой вот способности некоторых людей напрочь забывать то, что помнить не очень бы хотелось. Говоря словами Вадима Шефнера, мне бы такие рога, я далеко бы в жизни пошел. Но таких рогов Бог мне, увы, не дал: память моя пока - тьфу-тьфу-тьфу - работает и жаловаться мне на нее грех. А коли я еще что-то помню, мне есть что сказать в назидание потомкам. Ну, если даже в назидание, то хотя бы в собственное оправдание.

А виноват я в том, что когда Федор вышел-таки из больницы, ему нужно было уделять побольше времени. Хотя бы просто хорошенько отпоить его водкой. Как показывает опыт людей, там побывавших, это единственный способ вернуть свое сознание к нор-

мальной жизни. Но пить с Федей каждый день ни у кого из нас не было ни сил, ни времени: я к тому времени был уже, кажется, на третьем курсе педагогического института и параллельно работал в школе; Дима Алексеенко служил в должности рядового инженера на Арсенале; Николс большую часть времени проводил в Москве, занимаясь рекламой под руководством Бахыта; Монстр играл в кабаке гостиницы Европейская - одним словом, все были при деле и только Чистяков болтался, как цветок в проруби. По большому счету, никто из музыкантов был не прочь возродить Ноль, насколько я знаю, Федька, Николс и Монстр даже пару раз пытались репетировать, но из этих репетиций ничего путного не вышло. Как-никак год, за который Федька ни разу не прикоснулся к баяну, дал о себе знать. И нет бы ему всерьез заняться восстановлением техники, а нам - поддержать его на этом пути... В итоге случилось самое страшное из всего, что могло случиться.

Чтобы понять Федькино состояние в тот период, нужно иметь в виду следующее: в Крестах Федор оказался на пике популярности Ноля. Только-только вышел, тогда еще на виниле, альбом «Песня о безответной любви к Родине», состоящий сплошь из одних хитов - «Иду, курю», «Человек и кошка», «Трамвай», «Улица Ленина» - был записан материал к новому

альбому, который обещал вообще побить все рекорды популярности. Да если б пластинка «Полундра!» появилась на свет не в 1994 году, а в год ее записи, да если б она вышла не в урезанном (без пяти песен) виде, а целиком, да если б еще несколько концертов в Москве и Питере, а потом тур по России, да если б... Но история не знает сослагательного наклонения. То время безвозвратно ушло, и теперь Федору, если б он всерьез решил вернуться к музыке, все пришлось бы начинать, прошу прощения за каламбур, с нуля. А амбиции — то его остались на прежнем уровне! — неувязочка получается. И эта неувязочка требовало хоть какого-нибудь доступного объяснения. Объяснение объявилось в лице Свидетеля Иеговы Андрея Магдича.

Может быть, на Федю повлиял и тот факт, что музыканты, с которыми он работал, без него не померли с голоду и худо-бедно, но как-то пристроились, причем Николс, и Монстр по профессии. Без Феда был даже записан целый альбом под названием «Бредя» (ударение в названии альбома каждый может поставить по своему усмотрению). Альбом, конечно, не получился, но не получился по одной простой причине: ни Лешка, ни я, ни, тем более, Монстр с Гошей не относились к этой записи как к какому-то законченному произведению. В итоге был записан набор песен, причем самых разных, которые, как ни складывай, в цельный альбом не складывались.

Кстати, само понятие музыкального альбома в русском роке пошло от Тропиллы. Когда нам было еще по пятнадцать лет, он с настойчивостью, достойной лучшего применения, втолковывал нам, пацанам, в чем разница между просто некоторым количеством песен и песнями, написанными, записанными и расставленными по определенному принципу, то есть собранными в альбом. Да до Тропиллы в истории русского рока и не было ни одного альбома. Отдельные записи были, а вот альбомов — не было. Даже первый альбом Машины времени — «Маленький принц» — творчество Андрея Владимировича. Так что поколение рокеров конца восьмидесятых мыслило уже программно альбомно, то есть совершенно по-другому. Так вот, мы же, записывая песни «На заре», «Два оборота ключа» и прочие, даже не думали складывать их во что-то серьезное. «Бредя» же был издан на кассетах смехотворным тиражом спустя уже несколько лет, когда стало понятно, что никакого продолжения эта запись иметь не будет. А жаль: мне всегда нравились Лешкины песни. Год назад в разговоре с Женей Никищенко Николс признался, что в тот период всерьез подумывал о сольной карьере. Чертовски обидно, что он об этом только подумывал и ничего

для этого не подделывал. Конечно, Лешкины песни совершенно не похожи на Ноль, то есть на то, что писал Федя, Гоша и песни, которые рождались в процессе совместно распития спиртных напитков, но это же и здорово! Жаль, что из всего материала, созданного Николсом, на пленке запечатлено лишь четыре песни: одна вошла в альбом «Полундра!» и три — в «Бредя». Все-таки я надеюсь, что Николс рано или поздно вернется к мысли о собственном не рекламном, а песенном творчестве. В качестве композитора, музыканта и, как теперь модно говорить, саунд-продюсера он поучаствовал в записях Елены Либенбаум, Гоги, Такежана и, подозреваю, много еще кого, но вот до своих песен у Лешки руки все не доходят. А их, песен, у него, я знаю, достаточно.

Так вот. Все это вместе взятое повлияло на Федино отношение к жизни не лучшим образом. Тут-то ему и подвернулся Магдич. Тот в очередной раз понял смысл жизни и приперся к Феде, дабы и до него донести свет истины. «Неудивительно, что Федя моментально подсел на Библию, — несколько лет спустя сказал по этому поводу Сия, — для человека, не прочитавшего в своей жизни ни одной книжки, не подсесть было бы просто невозможно». Лучше и, главное, правильнее не скажешь. В одном Сия не прав — до Библии одну книгу Федя

все-таки осилил: «Розу мира» Даниила Андреева.

Прочитал — и подсел. Подозреваю, что именно эта книга сыграла определенную роль в Фединой попытке избавить мир от вселенского зла. Знал бы Андреев, как можно извратить его учения, он или бы вовсе «Розу мира» не писал, либо сделал бы к ней специальное предисловие — для особо одаренных, то есть для тех, кто понимает все буквально. Заставь, как говорится, дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет. И пусть Федя на меня не обижается, пусть я резок в выражениях, но лучше уж вот так честно, чем держать камень за пазухой.

Абзац специально для Федора Чистякова: что, кому-то стало легче и лучше оттого, что ты, Федя, завязал с музыкой? Что, кто-то стал добрее и чище от твоих детских песен и от измененного тобой куплета в «Человеке и кошке»? Больше стало на Земле счастья, любви и доброты оттого, что группы Ноль больше не существует? Оттого, что ты закопал в землю Богом данный тебе дар? Ты уж прости, что я так высокопарно, но — и я в этом уверен — тысячи, если не десятки тысяч человек со мной согласятся. Давай, как говорил Жеглов, выйдем сейчас из автобуса и спросим сто первых попавшихся человек, что им ближе: моя ложь или твоя правда. Спросим, и тогда ты увидишь, что я прав...

Рок-н-ролл – это не религия, не длинные волосы, не кожаные штаны и даже не образ жизни. Рок-н-ролл – это всего лишь средство. Средство и способ выжить. Как сказал кто-то из русских писателей (уже не помню, кто): «Чтобы выжить самому, мне приходится убивать своих героев». Только и всего. Сейчас, когда мне уже почти сорок, смешно вспоминать времена, когда я всерьез называл себя солдатом рок-н-ролла и само это слово писал с большой буквы. Прости мне это, Господи, ибо не ведал, что творил. Спасибо Тебе, что я до сих пор жив и, по выражению Юрия Наумова, героически не пал, как большинство таких солдат, на баррикадах вендиспансеров, не сизанул в открытую форточку, не перерезал горло ни себе, ни еще кому-нибудь, хотя и пытался. Всегда находились люди, которые не давали мне этого сделать.

«Вот тест, чтобы вы смогли выяснить, завершена ли ваша миссия в этой жизни на Земле: если вы живы, значит – нет» – написал когда-то Ричард Бах, а Майк перевел его «Иллюзии» на русский язык. Казалось бы, прописные истины, но почему-то люди все время о них забывают. Еще один парадокс.

Никто не знает, сколько еще песен напишет Федя, сколько напишу их я. Никто не знает, будут ли эти песни кому-нибудь нужны.

К счастью, никто никого не заставляет это делать: хочешь – пиши, не хочешь – занимайся чем-нибудь другим. Федор, например, сейчас занимается, насколько мне известно, компьютерным дизайном и возвращается к музыкальной деятельности не собирается. Значит, на сегодняшний день он сказал вам все, что хотел сказать, что он может сказать еще? По крайней мере, пока. Тот же Силя однажды после концерта, когда публика начала упрашивать его спеть на бис, ответил так: «Лучшие песни мы уже спели, так не завершать же хороший концерт худшими?» А что до новых песен, то никто не знает, из какого сора они растут, не ведая стыда.

Группа «Самые неприятные кавалеры» сейчас тоже существует скорее виртуально, нежели реально. Номинально состав ее не меняется: Валера Кобушко, Толик Журавлев, Саша Клюев и ваш покорный слуга. Но собираемся мы разве что попить чайку (заметьте, именно чайку – прим. редактора), иногда -- на запись очередной песни. Может, это старость, а может – мудрость. Этого тоже никто не знает.

Возможно ли воссоединение «Ноля»? После смерти Джона Леннона Мик Джаггер так прокомментировал слухи о воссоединении «Битлз»: «Теперь собрать их могут только еще три пули». Теперь уже две.

С «Нодем» практически та же история: Федя, Гоша, Мостр и Николс — теперь уже слишком разные люди. Попытка Феде в, кажется, 1992 году, собрать группу оказалась, мягко говоря, неудачной: оба концерта воссоединенного «Ноля» — и в Москве, и в Петербурге, оказались провальными. Нет: и тут и там был аншлаг, но фанаты требовали от Феде «Говнорок», «Иду, курю», «Школу жизни», а он уже вырос из этих песен. Забавная ситуация: из старых вырос, а до новых не дорос. Помню совместное выступление, кажется, в 2001 году очередного Федеиногo проекта «Зеленая комната» и «Самых неприятных кавалеров» в лектории Ленинградского зоопарка (фотографии с этого концерта выложены на сайте Вадима Шестерикова). Мы играли первыми, а Федя, как звезда, после нас. В зале же на первом ряду сидели Николс, Гоша и Монстр. Вроде бы все в сборе, но «рампы свет нас разделяет». В итоге до конца досидел один лишь Николс — то ли из вежливости, то ли из любопытства. Бурлака, глядя на все на это, не без присущего ему ехидства заметил: «Этот день должен войти в историю как полный и окончательный конец Ноля».

Он так и сказал: «окончательный конец». Сразу видно, одессит: уж приложит, так приложит.

Конечно, Николс и после этого «окончательного конца» и помогал Феде в записи, и даже играл с ним на концертах, но все равно это уже был не «Ноль». Стоит ли горевать по этому поводу? Не думаю. Что вам, уважаемые поклонники творчества Федора Чистякова, мало пяти официальных альбомов «Ноля» и стольких же неофициальных? Ровно столько же, сколько и у «Дорз», но почему-то никто не пытается воскресить Моррисона, стряхнуть с него комья земли и вытащить к микрофону. Впрочем, нет: в 1999 году где-то в Америке состоялся концерт «Дорз», где вместе с Кригером и Манзарекoм на сцену вышел молоденький мальчонка, как две капли воды похожий на Джима Моррисона. Он и двигался на сцене, и пел как Моррисон, но выглядело все это зрелище несколько странно и веяло от него могилей.

Но вот в чем штука: воссоединение «Ноля» все-таки возможно. Потому что это — настоящее, а настоящее существует вне времени и пространства, как семь тактов блюза, как пять аккордов рок-н-ролла, как земля и небо, как настоящая любовь. Это вечное.

Вместо послесловия

«Выйду на заре и уйду в туман.
Спящий мир подарит мне белый саван.
По траве да по росе побреду вперед,
Словно кто-то вдалеке манит и зовет...»

А.Николаев

Вот на этот раз действительно вместо, потому что единственным послесловием для мемуаров может служить только эпитафия, а до этого мне, хочется верить, еще рановато. Конечно, интересно было бы взглянуть на собственные похороны и почитать, что на надгробном камне напишут о тебе благодарные потомки, но это всегда успеется. Что же до «Ноля» и тех, кто на протяжении десяти лет так или иначе поддерживал его существование, то все они живы и, слава Богу, при делах.

В «Энциклопедии русского рока» можно прочесть, что на сегодняшний день, то есть конец 2006 года, активно занимается музыкой лишь первый бас-гитарист группы, Анатолий Платонов, что в 1998 году он создал группу «Самые неприятные кавалеры», с которой регулярно записывает альбомы и время от времени выступает в различных петербургских клубах. Однако это утверждение верно лишь отчасти.

Музей-клуб
КОТЕЛЬНАЯ
КАМЧАТКА

Блохина, 15, т. 498-08-87

22 мая
19-00

САМЫЕ НК

10 лет в жопе шоу-бизнеса

В.О. 1. линия, 14
рядом с SCLUBом

Φ-34

10/06/08 20:00

САМЫЕ НК

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ СЕЗОНА

special guest:
the BlackSquares

УДАРИМ ГОВНОРОКОМ И ГОВНОРОЛОМ
ПО ПЕДЕРАСТАМ И ЛЕСБИЯНКАМ!

ПРОЕКТ ОГИ

Потаповский пер., 8/12, стр. 2

2 августа
22:00

САМЫЕ НК

КЛУБ "КАМЧАТКА"

9 НОЯБРЯ

ул. Блохина, 15
(метро "Спортивная")
498-08-87

19:00

АНАТОЛИЙ ПЛАТОНОВ

С ДРУЗЬЯМИ
И ПОДРУГАМИ

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ
ИГОРЬ ЛУНЕВ**

В РАМКАХ КОНЦЕРТА БУДЕТ ПРОИЗВОДИТЬСЯ
СБОР ПОДПИСЕЙ В ПОДДЕРЖКУ ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ
РАЗРУШЕНИЮ ХРАМА ДЖОНА ЛЕННОНА В ПЕТЕРБУРГЕ
И СБОР ДЕНЕГ НА ПОКУПКУ БУЛЬДОЗЕРОВ

Начать с того, что не до конца ясно, какой день считать смертью «Ноля». Если с днем рождения группы все более или менее ясно: 26 декабря 1986 года (именно в этот день в Рок-клубе состоялся первый официальный концерт группы), то о роспуске «Ноля» никто — ни Федя, ни Николс, ни Монстр, ни, тем более, Гоша никогда не объявлял. Да и с днем рождения все тоже не так просто: ко времени рок-клубовского концерта уже была записана «Музыка драчевых напильников», уже существовал Scrap, уже был концерт в «Красногвардейце» — так что «Ноль» существовал как минимум два года. Но любит, любит человек точные даты, а потому остановимся на этой.

Последним концертом, который Федор Чистяков дал под именем «Ноль» был концерт в Краснодаре 8 февраля 1998 года, которому предшествовали концерты в Петербурге (15 ноября 1997 года) и Москве (26 октября того же года) — этот последний и не самый интересный этап существования группы запечатлен на концертном альбоме «Что так сердце расстроено», который год спустя был издан «Отделением Выход». После этих концертов название «Ноль» не появлялось ни на афишах, ни на компакт-дисках.

Не считать же полноценным альбомом пластинку «Созрела дурь», которую в 2001 году издал Олег Коврига,

включив в нее записи «Ноля» с Силей и некоторые так называемые раритетные, то есть репетиционные и по большей части недоделанные записи группы.

Но в 1998 году «Ноль» был скорее мертв, чем жив, и санитарам следовало бы тащить его не в реанимацию, а прямиком в морг. Да и сам Федя не склонен был называть группу «Нолем» — на этом настояли организаторы концертного тура, ставшего для группы прощальным. Изначально Федя планировал назвать этот проект «Федор Чистяков бэнд», и с музыкальной точки зрения это было бы более правильно. Несмотря на то, что состоял бэнд из музыкантов «Ноля», усиленных Петром Струковым и Игорем Рудиком из к этому времени виртуально существующей группы «Дети», отношения между участниками коллектива были далеко не такими, как во времена «Сказок» и «Песни о безответной любви», отношения стали авторитарными: Чистяков и аккомпаниаторы. Как Феде, никогда не бывшему личностью сильной и властной, удалось перетянуть одеяло на себя, мне остается только удивляться. Видимо, остальные музыканты оказались еще более слабыми. Мог ли такой коллектив просуществовать долго? Вопрос риторический.

На смену недореанимированному «Нолю» пришла «Зеленая комната».

Вот что Федя написал в аннотации к двум альбому «Зеленой комнаты» — «Песня для друга, который любит рок» и «За седьмым перевалом»:
«Зеленая комната — это не название новой группы. Это даже не название проекта, который определяется каким-либо стилем или особенной тематикой. ЗК — это, скорее, творческая лаборатория, мастерская, в рамках которой могут быть реализованы совершенно разные работы. Например, альбом «Когда проснется Бах» был преимущественно инструментальным и состоял из обработок произведений И.С.Баха. Альбом «За седьмым перевалом» состоит, главным образом, из авторских произведений, большинство из которых — песни. Сегодня в ЗК делается одна музыка, завтра — другая, существует много направлений. Такая разноплановость уже не уместится в рамках одной группы или сольного альбома, ибо этот проект дает возможность участие других исполнителей, как это было в альбоме «Когда проснется Бах». Тому, кто в дальнейшем соберется заглянуть в ЗК, не стоит настраиваться на то, что было раньше. Новые встречи в ЗК требуют непредвзятого отношения, ожидание некоего эксперимента. Уже существуют замыслы новых работ в этой комнате. И если они осуществляются, то будут отличаться от того, что вы можете прослушать сейчас. Have a good a good time!».

Я сознательно сохранил авторскую орфографию и пунктуацию, чтобы читатель, хоть отдаленно знакомый с правилами русского языка, понял: никаких новых работ в этой «Зеленой комнате» быть не могло даже теоретически. А какая красноречивая получилась аббревиатура: ЗК!

Как-то один из моих знакомых заметил: «Митьки, перестав пить, превратились в социальную опасность». То же самое, на мой взгляд, можно сказать в отношении Чистякова. Не в смысле отказа от алкоголя, а в смысле социальной опасности: лишь только Федя принялся искать смысл жизни, как его творчество этот самый смысл потеряло. Не случайно из его альбомов почти полностью исчезли собственные сочинения. Нельзя же всерьез называть песнями такие, как бы их назвать, м-м, музыкально-типа-поэтические номера, как «Ондагр» или «Бармалей».

Хотя один из Фединых многочисленных музыкальных проектов был действительно хорош — это проект «Вауан, харп & блюз». Причем хорош как в студийной, так и в концертной версии. Если б во время очередного концерта Федя с Кожекиным не переругались, перспективы у этого коллектива могли бы быть самыми радужными.

Можно сказать, что Федю с Вовкой познакомил я, а произошло это во время записи альбома «С тех пор, как я не люблю» в 1998 году. К слову сказать, альбом записывался довольно странным образом: две песни мы записали с Николсом в его домашней студии, а остальные три – с Федькой на его кассетной портостудии. Вовка хоть и согласился в нескольких вещах прописать гармошку, но вытащить его на запись в Петербург мне никак не удавалось, поэтому несведенные записи я переслал Вовке в Москву, где на студии MMS он и вписал в них гармошку. Сводил и мастерил альбом случайно оказавшийся в Петербурге Коля Фомин.

Вот именно во время этой записи у Вовки и родилась идея дуэта губной гармошки и баяна. Что именно записывать Вовке было все равно (впрочем, ему всегда было все равно что играть), Федя же в то время занимался обработками песен советских композиторов – тех самых, что так люто ненавидел в школьные годы, – поэтому от предложения Кожекина отказываться не стал, тем более что организовывал и оплачивал запись Олег Коврига.

Проект изначально планировался как инструментальный и исключительно студийный. Основу будущего коллектива составили баянист Федор Чистяков и гармошист Владимир Кожекин, который быстренько подтянул своих коллег музыкантов – гитариста Ваню Жука, басиста Пашу Пичугина и барабанищика Гарика Багдагюляна. Так появился на свет альбом «Подмосковные вечера», а вслед за альбомом пошли и концерты – как в Москве, так и Петербурге. Причем состав группы время от времени менялся: то в ней появлялся пианист Игорь Рудик, то место за барабанами занимал Лешка Николаев, так что, приходя на концерт «Вауан, harp & blues», никогда нельзя было знать заранее, кого на сцене увидишь и что услышишь. К этому же времени относится и период наиболее интенсивной концертной деятельности «Самых неприятных кавалеров».

Помню, первое наше выступление состоялось в Театре эстрады, а устраивала его Женя Глюкк — барышня амбициозная и на голову больная. Впрочем, кто из нас может считать себя полностью здоровым?

Хотя, если быть честным, то первым выступлением «Кавалеров» следует считать концерт в Невском ДК, посвященный какой-то годовщине какой-то победы Зенита. Организовывал это мероприятие Валера Ильонин, один из лидеров футбольно-фанатской группировки «Невский фронт» и, разумеется, большинство участников концерта были панки: «Бригадный подряд», «Автоматические удовлетворители», «Буратино-бэнд» и прочие в том же духе. До сих пор не могу понять, как я-то туда попал. Специально для этого мероприятия мы с Колей Тимовым и Сашкой Курилиным отрепетировали три песни: «Говнорок», «Балладу о режиссере» и еще что-то, кажется, «Театр Alles». И все бы ничего, да выходит на сцену мы должны были после «АУ», а Свинья, будучи сравнительно трезвым и в прекрасной форме, так забел зал, что Коля, из-за кулис глядя на прыгающих перед сценой панков, наотрез отказался на эту сцену выходить. Ну и как прикажете играть без гитариста?

Положение спас барабанщик «Буратино» Арсен, с которым до этого мы пару раз играли вместе.

«Да брось ты этого мудака, — сказал он, похлопывая меня по плечу. — Мы тебе подыграем». За три минуты до выхода отрепетировав три песни, группа «Самые неприятные кавалеры», представляющая собой «Буратино-бэнд» в полном составе, сменила на сцене Андрея Панова, которого панки, доведенные до состояния крайнего возбуждения, отпустить просто отказывались. Но нас они приняли на удивление хорошо, а когда дело дошло до «Говнорока», то все вообще пошло замечательно. И вот я в какой-то момент слышу, как гитарист вдруг начинает нещадно лажать.

Оборачиваюсь — это Коля, увидев, что все идет замечательно, тоже выполз на сцену, воткнул гитару в свободный комбик и принялся наяривать. Но дело в том, что в третьем куплете у нас шла модуляция на тон вверх, но времени репетировать ее с бураминовцами просто не было, вот я и решил играть все куплеты в «ре», но Коля-то этого не знал! Кричу в микрофон звукорежиссеру: «Гитару, гитару вырубди!» Тот и вырубил гитару. Мою. К счастью, в зале никто ничего так и не понял, а когда к последнему куплету на сцену выскочили Свинья и Олег Эльтиков, тут уж вообще началось черт-те что...

Хоть название «СНК» впервые прозвучало на том зенитовском концерте, по-настоящему первый концерт

группы состоялся годом позже в театре эстрады. Тогда нас было трое: Толик Журавлев, Володя Фролов и я. Именно после этого концерта я решил, что в нашей группе не хватает гитариста. Толик предложил пригласить гитариста из группы «Корпус 2» Костю Ермакова, и через пару дней, предварительно созво- нившись, мы встретились на репетиционной точке «Корпуса». И как-то так получилось, что гитаристом «Кавалеров» стал не Костя, а другой гитарист «Корпуса 2» – Валера Кобушко. В тот вечер он тоже присутствовал на точке, время от времени вмешиваясь в репетиционный процесс со своими советами (между прочим, толковыми). В итоге Костя не выдержал и со словами «Если ты такой умный, играй сам», бросил гитару. И Валера сыграл. И до сих пор играет. И делает это замечательно. Как однажды сказал про него Бурлака, «Валера Кобушко – гитарист, уверенно чувствующий себя во всех стилях и направлениях, кроме скучных», а «Кавалеры» всегда были веселой группой, так что о лучшем гитаристе я и мечтать не мог.

Говоря о концертах «СНК» нельзя не упомянуть наше выступление на фестивале молодых групп, который проходил в 2000 году в Военмехе. Мы на этот фести- валь были приглашены в качестве почетных гостей, но правильнее было бы сказать понечетных, потому что

играли мы в последний день фестиваля – 13 ноября. Случилось так, что за пару дней до фестиваля из Германии, как всегда неожиданно, в Петербург нагрянул Коля Фомин. Предложение поучаствовать в концерте Коля принял с удовольствием. Так что наша программа состояла наполовину из моих песен, наполовину – из Колиных. Подходя к Военмеху, мы повстречали непонятно как там оказавшегося Мишку Берникова – Колиного коллегу по «Времени любить». «Ну ты, Фомин, и зараза! – не успев поздороваться, набросился Берников на Колю. – Почему о том, что у нас сегодня концерт, я узнаю последним?» Так в составе группы в тот вечер появился Берников. Но на этом сюрпризы не кончились: Коля Михайлов, который, собственно, вел концерты фестиваля, вдруг возжелал услышать в нашем исполнении «Пригородный блюз», а меня спеть песню Майка не нужно просить дважды... В общем, количество лажи на концерте превзошло все допустимые нормы, зато драйву было столько, что я до сих пор считаю этот наш концерт лучшим за всю историю существования «Самых неприятных кавалеров».

Сейчас, наверное, никто тот фестиваль и не помнит, а вот я почему-то помню. Еще раз позволю себе заметить, какая странная эта штука – память.

В какую-нибудь ерунду она вцепляется мертвой хваткой, а такие вещи, как, например, вручение премии «Грэмми» или концерт «СНК» в Альберт-холле, я почему-то не помню. Да и не только я — никто не помнит. Как никто не помнит не халявщика, а партнера Леню Голубкова. А ведь музыку ко всему рекламному сериалу МММ написал Лешка Николаев. Это вообще мало кто знает.

И практически никто не знает, что Николс написал несколько песен для Елены Либенбаум, что Гоша участвовал в записи большинства альбомов группы «Олле Луккойе», а бас-гитару Монстра можно услышать на двух альбомах «Выхода». Так что это еще не послесловие и не эпитафия, это пока только вместо.

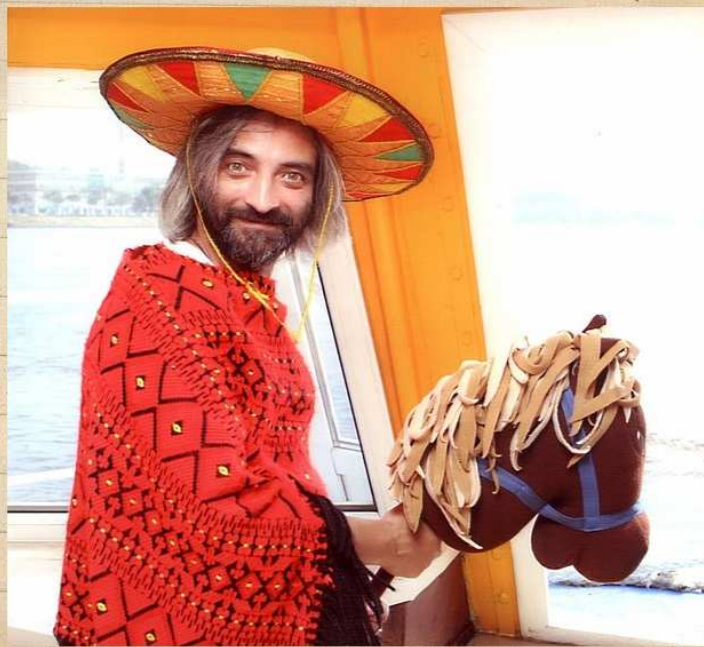

Эпитафия

Я — памятник себе.

Не пальцем деланный, нерукотворный,
стою на площади просторной —
мужик в потертом пиджаке.

И долго буду я согражданам любезен
не тем, что написал для них с полсотни песен,
а тем, что в снег и в дождь стою день изо дня —
и никому не посадить меня.

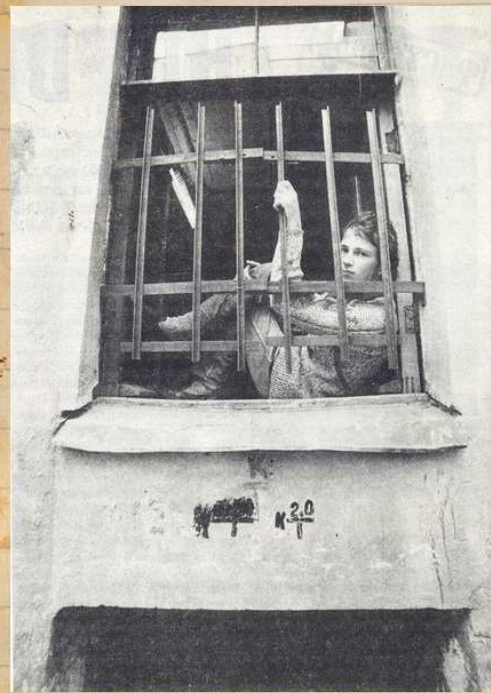

© + © GRACE KITTEN MAY 1985

Pe
en

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РОК-КЛУБ

Серия АВ 004632

Ряд Место

Цена 3 р. 19,00

Рок-клуб

ЛК ленинградский рок-клуб

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ **081**

Ш. Гусаков
И. Дмитрий
В. Анатольевич

ГРУППА ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
"Ноль"

действителен до **31 декабря 1988 г.**
председатель *[Signature]*

Продлен до **31 декабря 1989**
Продлен до **31 декабря 1990**
Продлен до **31 декабря 1991**
Продлен до **31 декабря 1992**
Продлен до **31 декабря 1993**

Т. В. Зак. 8030. Тир. 2000.

Nürnberg Nachrichten 26.6.91
STADT NÜRNBERG

Die „Mudra“ feiert im Komm mit einem Konzert ihr zehnjähriges Bestehen
Benefiz für die Drogenhilfe
Finanzierungsmöglichkeiten fehlen — Stadt verweigert zweiten Spritzen-Automaten

Fjodor Tschistjakow und seine Folkrockgruppe NOL aus Leningrad treten beim „Mudra“-Fest (ab 19 Uhr) im Komm auf. Sie spielen eine Mischung aus Rock und Polka.
Foto: Privat

РОКОВОЕ
**БЕСПРЕДЕЛ
СНОВА В ПИТЕРЕ**

По тусовке уже прокатился слух о том, что Дядя Федор, лидер группы "Ноль", сидит в "Крестах" за нанесение телесных повреждений какой-то тусовщице. Наш коллега из Питера Михаил Шишков сообщает подробности.

Дядя Федор с подружкой поехали отдохнуть за город, на природу. Там девушка, поднявшись на вершину холма, принялась танцевать с ветром. У Дяди Федора с собой был нож, и он бросился на нее, девушка закричалась, хваталась за лезвие, естественно, все случилось у нее оказались порезанными. Дяде Федору удалось нанести ей несколько ножевых ран. На следствии Дядя Федор объяснил свои действия тем, что его подружка вступила в сговор с темными силами и поэтому он должен был убить ее.

Комментируя это происшествие, М. Шишков сказал, что первым звонком, который должен был дать всем понять, что с Дядей Федором не все в порядке, был альбом его группы "Песня о безответной любви к Родине", в котором слишком много поется о наркотиках. А вообще меньше надо читать Карлоса Кастанеду, ведь этот "танец с ветром" — одно из центральных понятий его книг.

«НОЛЬ»
«Песня о безответной любви к Родине» («Фили»)

Вы хотели русского рока? Извольте получить. Похоже, группе «Ноль» удалось-таки найти идеальное соотношение трудносоставимых компонентов. Добавьте в эту музыку чуть больше баянных переливов — и это будет уже не рок. Попробуйте усилить ритм-секцию и вывести на передний план звучание электроинструментов — и в этом роке не останется ничего русского, кроме разве что текстов.

Кстати, о текстах. Те, кто по-прежнему верит, будто рок-музыка — это зеркало, отражающее проблемы и чаяния нынешней молодежи, после прослушивания песен «Ноля» могут прийти в легкое замешательство.

И уже никто не сумеет им объяснить, почему так важно знать, что нужно Настоящему Индейцу, или как Маленький Цикорий может сойти с ума.

В целом «Песня о безответной любви к Родине» — почти идеальный материал для трогательного семейного вечера, когда у проигрывателя собираются папа, обожающий эмигрантские песни, мама, с ностальгией вспоминающая свои выступления в народном хоре «Калинка» («Рябинка», «Дубинка»...), и сынок-оболтус с серьгой в ухе. И все они могут слушать одну пластинку.

Архивлагородную задачу решают питерские музыканты!

М. ТЕКИЛОВ,
музыковед.

◆ **ФИРМА ГРАМЗАПИСИ «ФИЛИ».** Оптовые поставки. Тел.: (095) 145-88-43, (095) 145-98-42.

* * *

Наконец, определились новые участники **НУЛЕВОЙ ГРУППЫ**. В начале мая к "Дяде" Федору Чистякову и "Монстру" Гусакову присоединились экс-барабанщик **ЛЕТНЕГО САДА** Саша Воронцов и гитарист с Схты Гоша Стариков.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сергей Агапов

Первый барабанщик группы «Ноля». Хотя в то время — в 1985 году — никакого Ноля еще не было, а был ВИА «Красногвардеец» из одноименного подросткового клуба. Агапов учился в каком-то ПТУ, был старше нас года на два, а потому считал себя самым главным участником группы.

Дмитрий Алексеенко

Наш с Фейей и Николсом одноклассник, первый, как сам он себя называет, фанат группы Scarp.

Дмитрий Архаров

Митя — хороший парень, но, как известно, хороший парень — это не профессия. Митина профессия — директор представительства компании *Santa Maria* в России. Он, как сказали бы американцы, *self made man*, то есть человек, добившийся всего в жизни сам. Наверное, если б он занимался музыкой, он бы добился не меньшего, если не большего, а так что останется от него в памяти народной? Только гитарные партии в песне «Два оборота ключа» из альбома «Ноля без палочки» «Бредя», да гитарная и клавишные партии из песни «Сонет №2» из альбома «Правда, мы будем всегда?» «Самых неприятных кавалеров». Но и это тоже неплохо.

Иван Барков

Великий, не побоясь этого слова, русский поэт и первый рок-н-рольщик. самого слова рок-н-ролл в VIII веке еще, разумеется, не было, а Барков уже был. А как иначе можно назвать человека, сделавшего головокружительную карьеру при дворе, но потерявшему все ради возможности писать скабрзные стишки? Именно Барков за полвека до Пушкина стал использовать в своем творчестве нормальную разговорную лексику, в результате его стихи были понятны всем — и людям образованным, и не очень, и тем, кто даже читать-писать не умел. Именно Барков мог сказать о себе: «И долго буду тем любезен я народу, что звуки новые для песен я обрел». Тем не менее, умер он в нищете, оставив после себя двустихие: «И жил грешно, и умер смешно». По легенде, в 1768 году его насмерть забил швейцар публичного дома, в котором тридцатисемилетний поэт не расплатился за предоставленные ему услуги. Как вам эта циферка: 37?

Михаил Викторович Белоусов

В то время, о котором идет повествование, главный редактор газеты «Сорока». На момент его прихода в газету она была популярной в Петербурге. Белоусов же умудрился за полгода сократить ее тираж раз в десять, после чего был благополучно выгнан издателем на улицу, а газета закрыта. Михаил Викторович имел весьма своеобразный подход к редакторской деятельности. Вот история, которая красноречиво иллюстрирует его «творческий» метод. Как-то Дима Алексеенко сообщил мне, что в нашем Ленинградском зоопарке умер жираф и за его трупом прибыла «газель», в которую, естественно, жирафа запихнуть не удалось. Пришлось водителю пилить шею несчастного животного ножовкой. Я по глупости поведал эту историю Белоусову, и тот наказал мне сделать из этого материал на полосу. Как журналист честный и дотошный, я первым

делом позвонил в зоопарк, где мне сообщили, что все их жирафы живы-здоровы, чего и читателям «Сороки» желают. Белоусов же продолжал настаивать на публикации материала. Пришлось начинать материал так: «По непроверенным слухам..», а завершать следующей сентенцией: «Работники Ленинградского зоопарка эти слухи не подтвердили». Так статья и ушла в печать. Сейчас Белоусов работает у Записоцкого — руководит в его университете какой-то кафедрой, надеюсь, не журналистики. Во всем же остальном он дядька совершенно безобидный.

Михаил Берников

Настоящий русский Роберт Плант. Вот только поет раз в пять больше, чем Плант английский. Понимая умом, что без шпаргалки он не в состоянии вспомнить текста ни одной песни, изредка выступает лишь в качестве, как сам он это называет, вокалиста-инструменталиста группы «Союз коммерческого авангарда». Уж не знаю, как в этой группе с коммерцией, но с авангардом там все в полном порядке. Музыка эта, как говорится, на любителя, и я один из них.

Дмитрий Благовещенский

Бас-гитарист, участник групп «Время любить» и «Маньяки». Музыкой не занимается уже лет пятнадцать. Когда я позвонил ему в прошлом году и предложил сыграть на бас-гитаре в нашей записи, он минут десять вспоминал, на каком инструменте и в какой группе он вообще когда-то играл. Хорошо, хоть вспомнил.

Сергей Иванович Богаев

Гитарист, поэт, создатель и бессменный лидер группы «Облачный край». Одно время ОК состоял вообще из одного Богаева — все инструментальные и вокальные партии Сергей записывал сам. Сам же сидел за звукорежиссерским пультом. Разумеется, все это не от хорошей жизни. Вокалист группы, Олег Рауткин, живет на Украине, тренирует женскую баскетбольную команду и музыкой нынче не занимается; бас-гитарист ОК, Андрей Лукин, умер пятнадцать лет тому как, а постоянного барабанщика в группе никогда и не было. Записав с десятков альбомов, «Облачный край» за всю свою историю дал столько же концертов. Как-то Богаев рассказал мне, что в старые советские времена, еще когда он жил в Архангельске, серьезные дяди из КГБ предложили ему подписать бумагу, в которой он перед лицом этих товарищей обещал и торжественно клялся песен больше не писать, не исполнять и всячески препятствовать их распространению. Сергей под этой петицией свою подпись не поставил. Приблизительно в те же времена подобную бумагу люди в штатском подсовывали и Шевчуку, и тот тоже утверждает, что ничего такого не подписывал. Может, оно и так.

Алексей Боев

Кинооператор, в девяностые годы прошлого века работал на ленинградском телевидении, благодаря чему имел доступ к профессиональной аппаратуре, чем и пользовался в бескорыстных личных целях. Например, снял клипы на песни «Ноля» «Человек и кошка» и «Песня о настоящем индейце». Жаль, что на телевидение эти клипы так и не попали. В девяностые их бы просто не пропустили, а сейчас кому они там нужны?

Михаил Борзыкин

Последний романтик русского рока. Последний, если не единственный. Он же — последний и единственный участник группы «Телевизор». Борзыкин основал группу, если мне не изменяет память, в 1984 году, и с того времени год от

года музыкантов в ней становилось все меньше и меньше. Теперь альбомы «Телевизора» Борзыкин записывает сам, что не мешает его песням оставаться все такими же острыми, а с музыкальной точки зрения изысканными. При этом совершенно некоммерческими. Чем, собственно, они и были всегда прекрасны.

Андрей Петрович Бурлака

Талантливый журналист, главный историограф русского рока, создатель и бессменный редактор журнала РИО. Впрочем, вы и без меня в курсе. «Если я чего-то не знаю, значит, этого не было», — так однажды сказал про себя Бурлака. И я ему верю! Вот у Гоголя выходит черт — не верю, а Бурлаке верю. Если б он почаще обновлял свой сайт www.rock-n-roll.ru, вообще было бы здорово.

Дмитрий Бухвостов

Известный в Петербурге и его окрестностях коллекционер пластинок. Лет десять назад женился на немке и уехал с ней в Германию. Чем он там занимается? Наверное, все тем же — собирает пластинки.

Михаил «Фан» Васильев

Первые российский перкуссионист, а также бас-гитарист (хоть и не первый). В этом качестве он принимал участие в записях и концертах групп «Аквариум» и «Зоопарк», что не помешало ему остаться порядочным и замечательным во всех отношениях человеком. Кроме всего прочего вот уже на протяжении девяти лет Михаил является генеральным директором кинофестиваля «Чистые грезы». Где ему ежегодно удается добывать деньги на этот дебош, можно только гадать.

Михаил Веллер

Кому-то песня строить и жить помогает, а кому-то книги Веллера.

Алексей Вишня

Звукорежиссер и музыкант. Мне до сих пор не до конца понятно, как этот человек, рок-н-рольный по духу, записывает откровенную попсу. По форме то его музыка голимая попса, а вот по содержанию. Вопрос глубоко философский: чем рок отличается от попсы? Чтобы на него ответить, нужно быть не просто умным, а очень умным, так что это не ко мне. Это к Михаилу Веллеру (см. выше).

Евгений Гапеев

Звукорежиссер, реставратор большинства, если не всех, записей, изданных «Отделением Выход». Иногда мне кажется, что Женя способен извлечь звук из полностью осыпавшейся пленки. Как ему это удается? Одно слово — профессионал.

Борис Гребенчиков

Ну кто не знает старика Гребенчикова! Разве что полностью слепой и глухой. И нет такой шпаны, чтобы, наконец, стерла его с лица земли. Шпана только и способна на то, чтобы сочинять про Бориса Борисовича похабные частушки типа «тихо в лесу, только не спит БГ. Знает БГ, что он Б и что Г, вот не спит БГ». Да разве можно так про заслуженного артиста России, кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени?! Видать, и впрямь наше Отечество какой-то не той степени, коль оно так.

Армен Григорян

Наверное, один из последних рок-н-рольщиков в нашей стране. Артемий Кивович Троицкий как-то сказал, что все творчество группы «Крематорий» делится на две неравные по качеству и количеству части: «Мусорный ветер» и все остальное. Ну да когда и в чем Троицкий был прав? Что-то не припомню такого случая. Можно, конечно, спорить по поводу того, какая из песен Григоряна главная, -- на мой взгляд, это «Собачка», которую зовут Последний шанс. Армен, даже дожив до черт знает сколько лет, умудрился сохранить и в себе, и в своих песнях истинно рок-н-рольное раздолбайство, что нисколько не мешает им, песням, оставаться искренними. А это, по-моему, и есть рок-н-ролл. Это ж ведь не просто умца-умца.

Евгений Губерман

Не путать с поэтом Игорем Губерманом! Поэт Губерман уехал на ПМЖ в Израиль, а музыкант Губерман — в Германию (и чего это всех музыкантов тянет в *Doichland?*); поэт Губерман так все и живет в своем ПМЖ, а музыкант Губерман вернулся в Петербург и живет на улице Кирочной, а еще вместе с ним живет музыкант Богаев, а еще Евгений Губерман в свое время переиграл на барабанах в половине групп ленинградского рок-клуба, а еще его чуть не посадили в тюрьму за контрабанду анаши, а еще.. В общем, поэту Губерману до музыканта Губермана так же далеко, как Маргарите Пушкиной до Александра Пушкина.

Дмитрий «Монстр» Гусаков

Он пришел в группу последним, сменив меня на посту бас-гитариста. Без ложной скромности скажу, что группе такая замена пошла только на пользу. Мне тоже.

Александр Донских фон Романов

Пианист и певец, участник группы «Зоопарк». В конце прошлого века предпринял попытку воссоздания «Зоопарка», записав с бывшими коллегами пластинку под названием «РеМайк». Однако этот, шикарно изданный Олегом Грабко, альбом оказался не замеченным как критиками, так и поклонниками творчества Майка, так что «Зоо-парк» (так Донских назвал этот проект), можно сказать, умер, не родившись. Правда, несколько клубных концертов группа все-таки успела дать. Сам же Донских изредка выходит на сцену на различных фестивалях и юбилеях, исполняя песни Майка. Следует отдать ему должное, делает это хорошо.

Александр Житинский

В восьмидесятые годы прошлого века трудно было найти мало-мальски интеллигентного человека, который бы не зачитывался его книгами. Говоря о русском роке, нельзя не упомянуть серию статей и заметок Житинского в журнале «Аврора», редактором которого он был, выходявших в рубрике «Записки рок-дилетанта». В итоге эти записки обрели форму книги, которую спустя пару десятилетий автор исправил, дополнил и переиздал. На мой взгляд, напрасно — «Записки» — дитя своего времени, а в XXI веке они читаются как старый бородатый анекдот. Лучше б Житинский издал, наконец, полное собрание своих сочинений, на которое я подписался в 1986 году, но ни одного тома так и не получил.

Иван Жук

Об этом человеке можно было бы сказать так: Иван — сын известного

драматурга и театрального критика Вадима Жука, но, когда Ваньке было четыре или семь лет от роду, Вадим сделал себе визитную карточку, на которой значилось: «Вадим Жук, отец Ивана». Уже тогда каким-то шестым чувством Вадим почувствовал, что у него растет не простой ребенок. А ребенок вырос, научился играть на гитаре, да так, что сегодня Ваньку просто раздирают на части. Он бы и рад со всеми поиграть, но, к несчастью, в сутках всего двадцать четыре часа, а их на всех жаждущих заполучить в свой коллектив гитариста Ивана Жука не хватает. Циничнее всех поступила Умка, усадив обалденного гитариста Ивана за клавишные инструменты. Может, поэтому Ваня и не стал полноправным участником ее «Броневишка»? Сейчас, насколько мне известно, Ваня аккомпанирует Псоу Короленко и Ирине Богусhevской, а также вместе с Вовкой Кожекиным исполняет на иврите песни собственного сочинения в группе с труднопроизносимым и непереводаемым названием.

Максим Жупиков

Замечательный скрипач, который отметился, пожалуй, во всех группах ленинградского рок-клуба. Отдельно следует упомянуть его участие в записях «Аквариума», «Выхода», «*Ad libitum*» и «Шервуда». Его скрипку можно услышать и в нескольких песнях СНК.

Анатолий «Аспид» Журавлев

Более кривого барабаника свет не видывал, чем Толик заслуженно гордится. Кроме прочих достоинств Толик обладает способностью (или, если хотите, талантом) играть в нескольких группах одновременно. Поэтому, когда он приглашает на свой концерт, не знаешь, куда попадешь: то ли на слет растаманов, то ли на шабаш металлистов. Откуда появилось прозвище Аспид, Толик уже и сам не помнит. Впрочем, так его давно уже никто не называет. Если уж и указывать его прозвище, так это будет Атоналий. Странные люди эти рок-музыканты: ни имен у них, ни фамилий — одни кликухи поганые! Я понимаю, ди-джеи: им просто неловко ставить свое имя под тем, что и музыкой-то не является. Но рок-музыкантам чего стыдиться?

Святослав Задерий

«Эх, какого парня загубили!» — глядя на Славину фотографию середины 80-х в сердцах сказал Олег Коврига. А кто его, спрашивается, загубил? Меньше бухать нужно было да по среднеазиатским просторам с Башлачевым на пару за коноплей бегать. Результат: уже почти никто и не помнит, что именно он создал «Алису», а о его следующем детище — группе «Нате!» — все и подавно давно забыли. Его очередной проект под странным названием «Магна Матер», который Слава основал вместе с замечательной певицей Галиной Романовой, никто толком так и не узнал. Зато Слава умудрился испортить отношения со всеми продюсерами и издателями, с которыми его сводила судьба. Чем он теперь занимается, неизвестно. В нашу последнюю встречу он говорил, что собирается ставить балет. И ведь поставит же, с него станется.

Гена Зайцев

Первый председатель совета Ленинградского рок-клуба, позже — директор группы ДДТ. Поговаривают, что Гена никакой не честный рокер, а стукачок из КГБ, но за руку его на этом никто не ловил. Как бы то ни было, но Гена Зайцев — личность темная, а созданное им общество по защите авторских прав занималось не чем иным, как поборами с музыкальных магазинов. Никто из музыкантов, насколько мне известно, ни одной копейки от Гены так и не получил. Чем Гена занимается сейчас — понятия не имею. И не хочу иметь.

Александр «Шифер» Карпов

Наверное, из него мог бы получиться неплохой звукорежиссер. Или хирург. Или еще кто-нибудь. Если б Сашка поменьше пил. Зато он стал профессиональным дегустатором настойки боярышника — в этом деле ему нет равных. Будучи учеником Адрея Тропилло, Карпов одно время работал звукотехником на студии «Мелодия», но в итоге был уволен — как сам он утверждает, по политическим соображениям. Главное же изобретение Шифера — это способ сдачи экзаменов по рации. Само техническое обеспечение разрабатывали Файран и Костя Герман, но идея принадлежит именно Шиферу. Сколько людей поступили в институты и университеты благодаря этому устройству, теперь уже сказать трудно. Сашке бы деньги на этом делать, но он бескорыстный гений. Сам он не только поступил при помощи рации в медицинский институт, но и сессии сдавал с ней.

Интересно, если б он его окончил, то операции тоже делал бы по рации?

Бахыт Килибаев

Талантливый кинорежиссер и не менее талантливый бизнесмен. Именно Бахыт в девяностые годы прошлого века создал для МММ рекламный сериал про Леню Голубкова, чем поставил всю Россию на уши. А еще Бахыт — соавтор сценария легендарного фильма «Игла» и режиссер не менее легендарного «Гонгофера», музыку к которому частично написал, а частично украл у Коли Фомина Федор Чистяков. Впрочем, поди в том бардаке, который назывался НЧ/ВЧ, разбери, кто именно что именно написал. Бахыт сейчас занимается различными интернет-проектами, связанными и не связанными с кино. Весьма успешно.

Константин Кинчев

Кинчев, он же Панфилов, оказался талантливым учеником Александра Башлачева и Святослава Задерия. Взяв от Башлачева поэтику, а от Задерия сценический образ и пластику, Кинчев умудрился переделать группу «Алиса» под себя. Да так ловко, что сегодня никто и не вспоминает, что еще задолго до появления в группе Кинчева ее лидером был Слава Задерий. Впрочем, для русского рока это случай не уникальный — Эдмунд Шклярский тоже пришел уже в готовую группу, а что такое сегодня «Пикник» без Шклярского? Что такое «Алиса» без Кинчева? Тем более, что нынешний состав «Алисы» к ее классическому и, тем более, первоначальному составу не имеет никакого отношения. Сильная личность — она и в Африке сильная личность (к Сергею Бугаеву по прозвищу «Африка» не имеет никакого отношения).

Валерий Кирилов

Барабанщик группы «Зоопарк». Сам себя Валера называет полным подонком, но это у него такой своеобразный юмор, хотя, если честно, Кириллыч подонок, действительно, полный. Сейчас он отбывает двенадцатилетний срок за убийство своей подружки. Что тогда произошло в его квартире, никто толком не знает, даже сам Валера, потому как, по обыкновению, пьян был в эзю царскосельскую. Проснулся — а перед ним окровавленный труп женщины. Вроде бы, никого кроме них больше в доме не было, но Валера ее не убивал. Вообще, после смерти Майка с его музыкантами стали происходить странные вещи: сперва умер Илья Куликов, потом эта история с Валеркой..

Александр О'Клэв

Музыкант и звукорежиссер. Как-то постепенно он стал бас-гитаристом группы «Самые неприятные кавалеры». Не потому, что наша музыка ему понравилась, а, скорее, потому, что люди мы хорошие. И Саша хороший. А это уже повод!

Валерий Кобушко

Как написал про него Бурлака, «один из лучших, но не знакомых широкой публике гитаристов». Его послужной список не столь уж велик: «Корпус 2», где Валера играет с момента основания группы, «Танцы минус», где Валера сделал аранжировки всех песен дебютного альбома, и «Самые неприятные кавалеры». Валера пришел в группу последним, и с его приходом группа действительно стала группой. По крайней мере, мои песни с Валеркиной гитарой стало приятно слушать. Кому-то они даже нравятся, если все эти кто-то не врут.

Олег Коврига

Русское экономическое чудо — иначе Олега и не охарактеризуешь. Посвятив всю свою сознательную и, подозреваю, бессознательную жизнь андеграундному искусству, основав звукозаписывающую компанию «Отделение Выход», которая занимается изданием исключительно некоммерческой музыки, Олег никак не может окончательно разориться. И это при том, что никакого начального капитала у него не было. При всем при том Олег честно выплачивает музыкантам все гонорары и авторские. А все потому, что человек он порядочный и добрый, а у добрых людей все всегда должно получаться.

Владимир Кожекин

Трудно сказать, чего в этом человеке больше: музыканта или хиппи волосатого. Вовка опоздал родиться лет эдак на тридцать, мало того, он родился вообще не в той стране. Вот и мучается, бедолага. Будучи потрясающим блюзменом в стране, где этот самый блюз никому на хрен не нужен, он умудряется находить возможности записываться с самыми, на мой взгляд, бестолковыми и отвратительными группами. О сольном Вовкином творчестве говорить, к сожалению, не приходится — автор из него такой же, как из Пушкина дуэлянт. Зато своей гармошкой Вовка способен превратить в шедевр все, даже песни Игоря Крутого (а что, интересный мог бы получиться проект). Вовка играл с Умкой, с Ольгой Арефьевой, участвовал в проектах «Станция Мир», «Безумки», «*Bayan, harp & blues*», аккомпанировал Псою Короленко, Елене Камбуровой — да всех и не упомнишь. Будучи лучшим в России, не побоюсь этого слова, исполнителем на губной гармошке, он продолжает оставаться хиппаном, верящим, что мир, любовь и цветы спасут мир. Он бы прекрасно мог вписаться в «*Big brother and the holding company*» или «*Love*», но угораздило ж его родиться в неритмичной стране, а стать в ней послем рок-н-ролла — слишком серьезная миссия, чтобы с ней мог справиться хиппи волосатый.

Боб Колегов

Однокурсник Коли Фомина и участник вокально-инструментального объединения «Маньяки». Сейчас живет и работает в Минске. Чем именно он там занимается, понятия не имею, но хочется верить, чем-нибудь веселым. Боб вообще веселый человек.

Александр Кушнир

Модный московский журналист и музыкальный критик, автор книги «1000 магнитоальбомов русского рока». Наверняка в этой книге есть слова правды, но что касается «Ноля»... Помимо всего прочего Кушнир, как и всякий уважающий себя москвич, занимается продюсерской деятельностью, к рок-музыке не имеющей ни малейшего отношения.

Светлана Лосева

На каком-то этапе существования Ноля Лосева была директором группы. Ее главное достоинство: умудрялась вытаскивать деньги из самых прижимистых, несговорчивых и непорядочных организаторов концертов. Однако права на альбом «Песня о безответной любви к Родине» Лосева продала компании «Фили» за бесценок. Не то чтобы за бесценок, но заключенный ею с «Филиями» договор не предусматривал выплаты музыкантам процентов с каждого переиздания альбома. Если б Лосева тогда знала, что «Песня» станет самым хитовым и продаваемым альбомом за всю историю группы! Когда «Фили» де факто прекратили свое существование, все права на альбом купил, вернее, взял за долги, Коврига. И вот что выяснилось при подготовке к переизданию альбома: «Фили» пользовались не мастером, а копией, где начала и концы песен были обрезаны! Уж не знаю, как и где, но Олегу удалось найти оригинальную запись альбома, а Женя Гапеев довел ее звучание до совершенства. Так что только это издание «Песни о безответной любви к Родине» можно считать оригинальным и каноническим.

Игорь «Мерлин» Лунев

Уж на кого-кого, а на волшебника Мерлина этот парень совсем не похож. Зато песни у него хорошие, а созданная им группа «Бубенцы» неплохо их исполняет.

Александр Ляпин

«Да здравствует русский блюз — бессмысленный и беспощадный!» Именно под таким лозунгом должны проходить концерты и издаваться альбомы этого, не побоюсь столь громкого слова, великого русского блюзового гитариста. Как бы ни назывался его очередной проект, все равно это будет Александр Ляпин сотоварищи. Его гитара настолько узнаваема, что даже в «Аквариуме» Ляпин продолжал оставаться Ляпиным.

Андрей Магдич

Порядочный человек отличается от непорядочного тем, что делает гадости ближнему без удовольствия. Магдич же с нескрываемым удовольствием рассказывает каждому встречному и поперечному, что именно он познакомил Федю со свидетелями Иеговы. Именно в этом своем качестве он и вошел, вернее, вляпался в историю русского рока, а не своими песнями и своей группой «Кукла».

Петр Мамонов

«Мамонов — это наше достояние», — сам о себе сказал Петр Николаевич. Так и будем к нему относиться.

Майк Науменко

Ну уж, знаете ли, будучи поклонниками русского рока не знать Майка.. Все на сайт Андрея Бурлаки www.rock-n-roll.ru! Это не реклама, а дружеское напутствие.

Ирина «Недорезанная»

Неудавшаяся жертва неудачного покушения Федора Чистякова. В настоящее время жива-здоровая. Она даже оформила пластинку «Уездный город N двадцать лет спустя», которую Тропилло издал к пятидесятилетию Майка.

Евгений Никищенко

В том, что вы держите в руках эту книгу, немало заслуги Жени. Будучи поклонником «Ноля» и просто замечательным человеком, он приложил

серьезные усилия, чтобы собрать и систематизировать огромное количество материалов о группе. На его сайте можно найти много такого, чего нет ни на официальном сайте «Ноля», ни на сайте Федора Чистякова.

Алексей «Николс» Николаев

Почему-то считается, что среди музыкантов барабанщики — самые тупые люди. Во-первых, рок-музыканты вообще не люди, а непонятно кто, а во-вторых, есть среди них еще и бас-гитаристы. Лешка в группе был если и не самым умным, то самым трезвомыслящим, это уж точно. А за барабанной установкой он оказался только потому, что ни Федя, ни я не представляли, с какой стороны подойти к барабанной установке. Лешка тоже поначалу этого не знал, но догадался. И не просто догадался, а стал в итоге одним из лучших барабанщиков в нашей стране. Ему бы возгордиться, но Лешка звездной болезнью не страдает, а напрасно. Может быть, тогда бы он всерьез занялся собственным творчеством — он ведь писал и, надеюсь, продолжает писать отличные песни. К сожалению, в стол. Кстати, поначалу именно Николс был основным вокалистом в группе, но за барабанами не очень-то попоешь.

Пандрик

Герой приключенческого романа Федора Чистякова. В реальности никогда не существовал. А коли б существовал, уже бы он всем показал кузькину мать!

Андрей «Свинья» Панов

Свинья умудрился еще при жизни создать о себе легенду. Другое дело, что образ отца русского панк-рока и лидера группы «Автоматические удовлетворители», сложившийся в сознании его, с позволения сказать, поклонников, так же далек от настоящего Андрея, как Земля от Юпитера. Конечно, пил он как никто другой, мог раздеться в гостях и даже, как поговаривают, сходить по-большому в чей-нибудь ботинок. Но вот хамом и циником он никогда не был. Наоборот, мне ни до, ни после знакомства со Свиньей не доводилось видеть более воспитанного, образованного и порядочного человека. А что до его экстравагантных выходок, то Андрей просто был взрослым ребенком. Собственно, так к нему и относились друзья. Имитировать его манеры и поведение было невозможно. Вспоминаю историю, когда мы после концерта АУ зашли к Файрану, который жил на Лиговке в коммунальной квартире. Понятное дело, выпили, я и задремал. Проснувшись среди ночи, я вышел на кухню попить водички и застал там такую картину: Андрей, вывалив из штанов болт, стоял перед раковиной, намереваясь сделать сами понимаете что. Дома-то он всегда это делал в раковину. Ну, если и не всегда, то почти всегда. Но тут-то кухня коммунальная! Один из гостей Файрана принялся объяснять Свинье, что тут так не принято. Выслушав все доводы, Андрей покорно засунул свое хозяйство обратно в штаны и уже собрался было отправиться на поиски туалета, как на кухню вышел сам хозяин и милостиво разрешил высокому гостю использовать для этой цели раковину. Андрей снова расстегнул штаны. Уж не помню, чем эта история кончилась, но расстегивал и застегивал штаны он раз пятьдесят. Другой мой приятель, желая походить на Свинью, как-то потребовал в кабаке, чтобы его провели к раковине, куда он желает пописать. А вот это выглядело как жлобство, тем более, что за это ему пришлось заплатить сотню баксов. Говорю же, стать Свиньей невозможно, им нужно было родиться. Еще вспоминаю, как на похоронах Андрея Олег Коврига чуть не получил по лицу от какого-то молоденького панка за то, что назвал Свинью последним русским Петрушкой. Часто думаю: был ли Андрей счастливым человеком? Как-то в минуту откровения он сказал, что у него три мечты в жизни: записаться в дорогой студии, сыграть на одной сцене со *Stranglers* и родить дочь. Совпадение это

или нет, но все три желания Андрея исполнились в год его смерти. По весне в студии *MMS* он с музыкантами группы *Rock-n-roll city* записал альбом «Праздник непослушания, или последний день Помпея», летом выступил на панк-фестивале в Москве в одном концерте со *Stranglers*, в начале августа жена Оля родила ему дочь, а через неделю Андрея не стало.

Александр Сергеевич Пушкин
Солнце русской поэзии.

Олег Рауткин
Вокалист группы «Облачный край» Что еще о нем можно сказать? Хороший вокалист.

Дмитрий Ревякин
Солист и автор большинства песен группы «Калинов мост». Показательно, что без участия Ревякина группа назвалась «Осинов кол».

Владимир Рекшан
Певец, композитор, основатель и лидер популярной в 70-х группы «Санкт-Петербург» (не путать с «Санкт-Петербургом» конца 80-х, не имеющей к настоящей группе никакого отношения). В середине 70-х Рекшан бросил занятия музыкой и ушел в большой спорт, где, по большому счету, ничего не добился. Написал о русском рок-н-ролле книгу «Кайф». Произведение свое, на мой взгляд, при полном отсутствии литературных достоинств, описывает околмузыкальную среду того времени достаточно правдиво. Сюжет в ней имеет мало значения, главное — общая атмосфера. Следующее его произведение — роман «Ересь» — книга исключительно подонская. Взяв в качестве литературных героев реальных живых людей, Рекшан мало того, что наплевал про них небывлиц, он в книге всех их и убил. Причем Олегу Михайловичу Сумарокову смерть напророчил. Окультисты называют это программированием кармы. Периодически Рекшан совершает вялые попытки возрождения группы — выпускает пластинки, выступает на фестивалях — но, как говорится, поезд ушел. Хотя я слушаю «Санкт-Петербург» настоящий хоть и нечасто, но всегда с удовольствием.

Сергей Рогожин
Начав карьеру певца в «Аукционе», Рогожин, решив, что на рок-музыке не разбогатеешь, ударился в попсу и сменил в группе «Форум» перешедшего в не менее попсовый «Электроклуб» Виктора Салтыкова. Ну и где сейчас Рогожин, и где Аукцион?

Андрей «Дюша» Романов
Легендарный флейтист не менее легендарного «Аквариума», еще более легендарный создатель вдвойне легендарного «Трилистника» Андрей Романов умер на сцене кинотеатра «Спартак» за несколько минут до начала собственного концерта. Наверное, он сам не успел понять, что же произошло. А произошло то, что мы потеряли удивительно доброго, удивительно интеллигентного человека и замечательного музыканта.

Нина Борисовна Роц
Мадам с этим замечательным именем вела в нашем классе уроки литературы. Нина Борисовна была способна привить ненависть к родному языку и книгам, на нем написанном, даже фонарному столбу. К счастью, столбов в нашем классе оказалось немного.

Николай Рубанов

Саксофонист группы «АукцЫон», а также создатель группы «Союз коммерческого авангарда». Принимал участие в записях многих российских групп, в том числе групп Время любить и «Ноль».

Игорь Рудик

Пианист, участник групп «Дети» и «Зеленая комната». Замечательный музыкант, но стать «честным рокером» ему мешает педантичность и образование. Разве можно в одной песне по десять раз прыгать из тональности в тональность? Ни одной криво сыгранной ноты — все должно быть ровненько и гладенько. Так рок-н-ролл не играют. В одной из рецензий на творчество «Зеленой комнаты» было сказано: «программные произведения, сыгранные прилежными учениками музыкальной школы». Но ведь то же самое можно сказать и о группе «Sky», однако почему-то никому это и в голову не приходит. Просто это музыка такая — не рок.

Алексей Рыбин

Один из основателей группы «Гарин и гиперболюиды», в составе которой начинал музыкальную карьеру Виктор Цой. Впоследствии Рыбин основал группу «Оазис Ю», с которой записал два альбома. Сейчас Леша работает в должности какого-то там начальника на «Радио Рокс» и пишет книги о русском роке. Сам же он этот русский рок ненавидит всей душой, чего не скрывает. Русский рок отвечает ему взаимностью. Очень, очень гармоничные взаимоотношения.

Денис Савин

Участник группы «Младшие братья», которая в 1986 году записывала у Тропилло свой дебютный и, как позже выяснилось, единственный альбом. Судьба этой записи, впрочем, как и самой группы, мне не известна, зато Денис сыграл на гобое в песне «Мы будем тут» на альбоме «Музыка драчевых напильников». Его партия оказалась сильно попорченной — уже во время сведения Федя по дурости нажал на кнопку с надписью «гес». А что вообще Федя сделал не по дурости?

Виктор Салтыков

Разве мог кто-нибудь предположить в далеком 1982 году, когда группа «Мануфактура», солистом которой был Виктор Салтыков, стала лауреатом фестиваля Ленинградского рок-клуба, что всего через каких-нибудь пять лет Салтыков станет солистом группы «Форум»? А ведь именно так и произошло. Уже покинув «Форум», Виктор записал в содружестве с лидером почившей к тому времени в бозе «Мануфактуры» замечательный альбом, но в памяти народной Виктор навечно остается исполнителем «Островка» и «Коней в яблоках».

Михаил «Файран» Саморуков

Прозвище свое Мишка получил благодаря своей любви к пиротехнике. Сколько его помню, он постоянно мастерил какие-то бабахи и их взрывал. Однажды, когда Мишкины соседи по коммунальной квартире вызвали к нему ментов (наверное, мы слишком громко себя вели в ночи), те откопали в его комнате целый арсенал уже готовых к применению устройств и столько же химикатов для производства новых. К счастью, ни самого Мишки, ни гостей в момент прихода милиции дома не оказалось — по счастливому стечению обстоятельств мы вышли за пивом, — так что меты удовлетворились тем, что забрали всю пиротехнику в отделение. А наутро в отделении милиции №5

прогремел взрыв — мы слышали его собственными ушами, потому как отделение находилось на первом этаже Мишкиного дома. Смеху-то было! Мишка вообще был техническим гением: он разработал и собрал комплект раций, при помощи которого многие наши знакомые успешно сдали вступительные экзамены в разные институты; он за свою жизнь починил и собрал огромное количество как бытовой радиоаппаратуры, так и всяких примочек для музыкантов. Одно время был техником групп «Rock-n-roll city» и «Автоматические удовлетворители». Мишка трагически погиб в ванной собственной коммунальной квартиры — задохнулся газом. Его памяти посвящены альбом Алекса Полякова «Сны Серебряного века» и альбом Самых НК «С тех пор, как я не люблю».

Сергей «Сия» Селюнин

Отвечая на вопрос журналиста, что заставило его поступить на химфак университета, Сия ответил так: «После школы я встал перед возможностью выбора: пить водку где-нибудь на заводе с работягами или бухать в обществе интеллигентных людей. Я выбрал второе». Университет Сия давно окончил, но все его песни до сих пор знает наизусть каждый студент-химфаковец, а созданную Сией группу «Выход» любят самые разные люди. И я в том числе. За четверть века своего существования группа записала с десяток альбомов, большинство которых были изданы на «Отделении Выход» (название этой компании к группе «Выход» не имеет никакого отношения, по крайней мере, издатель Олег Коврига сам так искренне считает), а перечень музыкантов, в разное время принимавших участие в записях группы, занимает две страницы машинописного текста.

Илья Семкин

О группе Ильи Семкина «Цветные сны» сейчас помнят, наверное, только самые преданные его поклонники, которых, к сожалению, немного, да фанаты «Ноля» — ведь именно в «Цветных снах» до прихода в «Ноль» играл на бас-гитаре Дмитрий Гусаков. Илья записывает свои песни и по сей день, а Монстр изредка участвует в его записях. Однако постоянного аккомпанирующего состава у Семкина нет — ему в качестве перкуссиониста аккомпанирует лишь жена Олеся. Но Илюхины песни от этого ничуть не страдают.

Георгий Стариков

Вот уж кого по-настоящему можно называть интеллектуалом! Глядя, с каким сосредоточенным видом Гоша извлекает звуки из своего «телекастера», можно подумать, что он при этом решает мировые проблемы. Наверное, он всерьез полагал, что красота, в том числе и красивая музыка, спасет мир, а потому каждой песне «Ноля» всеми силами старался придать красивое звучание. Но для гитариста в «Ноле» работы было немного — альбом «Полундра!», записанный уже без Гоши, еще одно тому подтверждение. В итоге Стариков стал гитаристом, который играет мало, но вкусно. А это, скажу я вам, самое трудное.

Тамара Сергеевна Стулова

Учительница биологии и в 1985 и 1986 годах классный руководитель девятого, а потом и десятого класса Б, где учились Федя Чистяков, Леша Николаев и я. Не берусь судить о ее преподавательских профессиональных качествах, но классным руководителем она была хорошим. Знаете, наверное, чем отличается педофил от педагога? Тамара Сергеевна, хоть и была педагогом, любила детей по-настоящему. Впрочем, с чего бы это я о

ней в прошедшем времени? Дай Бог ей здоровья!

Олег Михайлович Сумароков

На рок-музыку Олега Михайловича подсадил сын Лешка. Он же познакомил папу с Жорой Ардановским. В результате Олег Михайлович стал не то директором, не то председателем клуба НЧ/ВЧ, в котором обретались такие группы, как «Автоматические удовлетворители», «Аукцион», «Время любить», «Ноль» и, конечно, собственно НЧ/ВЧ, лидером которой был Лешка Сумароков. Дальше — больше: Олег Михайлович стал главным идеологом, продюсером и солистом группы «Преображение». Группа успешно гастролировала, записала и даже выпустила один альбом, но прекратила свое существование после смерти Олега Михайловича — его, в очередной раз выйдя на свободу из психиатрической больницы, зарезал собственный сын.

Андрей Владимирович Тропилло

Андрей Тропилло, не побоюсь этого слова, великий человек. Если кто-то и может претендовать на звание «дедушка русского рока», то только он. Будучи талантливым звукорежиссером и просто музыкально одаренным человеком, он умудрился кружок звукозаписи и акустики, которым он руководил в Доме Юного Техника, превратить в профессиональную студию звукозаписи, где тайно записывал «Аквариум», «Зоопарк», «Кино», «Алису», «Облачный край», «Телевизор» — всех и не перечислишь. Между прочим, первая запись «Машины времени», известная под названием «Маленький принц», тоже его рук дело. В начале 90-х был избран директором Ленинградского отделения фирмы «Мелодия», но на этой должности так достал и московское руководство, и ленинградских коллег, что продержался на ней всего два года. Ходят слухи, что в те времена на проходной «Мелодии» в Москве висело объявление, гласящее: «А.В. Тропилло не впускать!!!» Оставшись не у дел, Тропилло возродил собственный лейбл «АнТроп» и начал огромными тиражами штамповать на виниле мировую рок-классику. Многие из его изданий до сих пор можно встретить в магазинах подержанных грампластинок: например, «Сержанта Пеппера», где на обложке среди толпы, окружающей битлов, можно найти и его самого, или «Led Zeppelin IV» с Митей Шагиным на обложке. Поговаривают, что именно его пиратская деятельность стала главной причиной отказа Пола Маккартни от концерта в России. Дескать, вы, россияне, и так меня всего спиратили. Но ведь спел он все-таки на Красной площади! Не Тропилло, разумеется, а Маккартни. Голос Тропилло можно услышать в песне Аквариума «2-121885-06». «Меня библи-колотили у дороги во кустах, проломил мою голову в семнадцати местах». Ага, не родилась еще та молодая шпана, что проломит ему голову. Андрей Бурлака как-то сказал, что если на одну чашу весов положить всю пользу, которую Тропилло принес русскому року, а на другую — вред, то еще непонятно, что перевесит. Но, как бы то ни было, благодаря ему многие получили возможность иметь в своей домашней фонотеке любимую музыку в достойном качестве. Сейчас Андрей Владимирович печатает CD — как западных музыкантов, так и наших: своих старых друзей (Рекшана, БГ), так и молодых групп. Кроме этого несколько лет назад Тропилло провел в «Юбилейном» вручение премии «АнТроп», приурочив сие действо к своему 60-летию. Хоть Тропилло и обещает, что премия будет ежегодной, но, зная его раздолбайство, в это трудно поверить..

Ясин Тропилло

Племянник Андрея Владимировича и его ученик. Долгое время был звукорежиссером «Ноля» — как в студии, так и на концертах. Сейчас

работает звукорежиссером в дядиной студии.

Николай Фомин

Гитарист, основатель и автор большинства песен группы «Время любить», которую по праву можно было бы назвать русским *Led Zeppelin*. В «Энциклопедии русского рока» о первой своей группе Коля говорит буквально следующее: «Группа была создана с единственной целью — получать халявные билеты на рок-клубовские концерты». Однако такое раздолбайское отношение к музыке не помешало «Времени любить» стать одним из самых ярких явлений на ленинградской рок-сцене. Группа просуществовала недолго. Записав и издав на студии «Антроп» один альбом, группа благополучно развалилась, а сам Коля зачехлил гитару, взял в руки баян и основал коллектив под названием *Brain Drain*, с которым, исполняя русские народные и псевдонародные песни собственного сочинения исколесил пол-Европы. Там в Германии и осел. «В России я был профессиональным физиком и музыкантом-любителем, а в Германии стал профессиональным музыкантом и никаким физиком», — сказал Коля во время одного из редких своих возвращений на Родину. Говоря о Николае Фомине, нельзя не упомянуть еще один его проект — группу «Маньяки». Проект этот был исключительно студийный, в котором в разное время принимали участие все кто ни попадя. Главным и единственным критерием отбора этих участников был следующий: кандидат должен был написать песню, спеть ее и сыграть на любом музыкальном инструменте. Насколько мне известно, таким образом записано аж шесть альбомов. Андрей Тропилло уже несколько лет грозит издать сборник лучших песен «Маньяков», но дальше обещаний дело пока не движется. Что, впрочем, для Тропиллы, как вы уже уяснили, обычное дело.

Федор Фомин

Укатил в Германию вслед за братом, но не как музыкант, а как математик. Где-то там в Германии что-то преподает, занимается какой-то научной работой. Периодически принимает участие в записях и выступлениях *Brain drain*.

Александр Храбунов

На мой взгляд, один из лучших рок-н-рольных гитаристов. Будучи единственным кроме Майка постоянным участником «Зоопарка», Храбунов научился уместать все гитарное соло в четыре — максимум — восемь тактов. Зато какие это получались такты!

Виктор Цой

Самую правильную характеристику этому герою русского рока дал Андрей Тропилло: «Цой был петлушник, потому близок и дорог народу». Добавить нечего. *Sapienti sat*.

Федор Валентинович Чистяков

Ну уж коли вы за большие деньги купили эту книжонку (надеюсь, что все-таки купили, а то ведь автор, который получает гонорар с каждого проданного экземпляра, тоже кушать хочет), то и без меня прекрасно знаете, кто это такой. А если не знаете, то на фига вам эта книжка вообще нужна? Все-таки человек — самое непостижимое животное на планете Земля. Федор Чистяков — не исключение.

Антонина Борисовна Чистякова

Федина мама. Личность неординарная, но именно ей Федя обязан тем, что стал музыкантом. Попробуйте-ка мальчишку заставить окончить музыкальную школу! Мне, например, с сыном приходится по этому поводу вести непрерывную войну, и кто в ней победит — пока не известно.

Борис Шавейников

Барабанщик, участник групп «Аукцион» и «Разные люди».

Ольга Шарабурина

Она же Ольга Снежина. Выпускница ленинградского института культуры (в просторечии «Кулька»), она одно время руководила студией-театром пластической драмы «Силует», потом вела занятия по модной в то время аэробике, после чего вела курсы шейпинга в каком-то ДК. Скорее всего, занимается тем же и по сей день.

Вадим Шестериков

Фотограф, чьи работы хорошо известны посетителям Интернета. На его сайте www.vvs.ru собрано огромное количество фотографий разных лет рок-музыкантов — как известных, так и не очень. Многие из его работ представляют собой уже историческую ценность. Кроме всего прочего Вадим автор сайта групп *Billy's band*, «Оркестр Зачем» и *The Oz*. Все прошу его сделать сайт для «Кавалеров», но у Вадика до этого никак руки не доходят. Или, может, я как-то неправильно его прошу?

Катя Штейн

Такое ощущение, что Катя была всегда: она появилась однажды из ниоткуда, и с тех пор постоянно объявляется то тут, то там. В 70-е года в ее квартире на Петроградской частенько проходили квартирники уже тогда культового Юрия Наумова, Дюши Романова, БГ.. Цитируя классика, «Скажи, куда ушли те времена?..» Одно время Катя работала в Василеостровском Молодежном Центре, более известном как просто ВМЦ или клуб «Там-там», пыталась издавать какой-то музыкальный журнал.. А потом вдруг вышла замуж за перкуссиониста «Джунглей» Марка Бамштейна и уехала с ним в Германию. Помню, как Шифер, сидя на диване в Катякиной комнате, распевал на мотив парсонзовского *Step By Step* «Штейн-Бамштейн». Катя же, относившаяся к своему браку более чем серьезно (что вообще-то на нее не похоже), жутко на него разобиделась. Многие наши общие знакомые рассказывают, что она давно развелась, вернулась в Россию и ее опять-таки встречают то тут, то там. Я передал ей уже тысячу приветов, но, видимо, ни один из них до нее не дошел, а жаль. Так что, Катя, если ты меня слышишь, тебе привет!

Олег Эльтиков

Участник первого состава «Алисы», автор нескольких песен, в том числе и знаменитой «Танец на палубе тонущего корабля». Будучи прекрасным шоуменом и человеком амбициозным, ушел из группы и создал коллектив под названием «Буратино-бенд». Сейчас эта группа существует скорее виртуально, нежели реально — в прошлом году в клубе «Манхэттен» прошел концерт «Буратино», посвященный открытию ее официального сайта. Но ни новых песен, ни, тем более, записей от Эльтикова не было уже лет десять, а то и все пятнадцать.

работает звукорежиссером в дядиной студии.

Николай Фомин

Гитарист, основатель и автор большинства песен группы «Время любить», которую по праву можно было бы назвать русским *Led Zeppelin*. В «Энциклопедии русского рока» о первой своей группе Коля говорит буквально следующее: «Группа была создана с единственной целью — получать халявные билеты на рок-клубовские концерты». Однако такое раздолбайское отношение к музыке не помешало «Времени любить» стать одним из самых ярких явлений на ленинградской рок-сцене. Группа просуществовала недолго. Записав и издав на студии «Антроп» один альбом, группа благополучно развалилась, а сам Коля зачехлил гитару, взял в руки баян и основал коллектив под названием *Brain Drain*, с которым, исполняя русские народные и псевдонародные песни собственного сочинения исколесил пол-Европы. Там в Германии и осел. «В России я был профессиональным физиком и музыкантом-любителем, а в Германии стал профессиональным музыкантом и никаким физиком», — сказал Коля во время одного из редких своих возвращений на Родину. Говоря о Николае Фомине, нельзя не упомянуть еще один его проект — группу «Маньяки». Проект этот был исключительно студийный, в котором в разное время принимали участие все кто ни попадя. Главным и единственным критерием отбора этих участников был следующий: кандидат должен был написать песню, спеть ее и сыграть на любом музыкальном инструменте. Насколько мне известно, таким образом записано аж шесть альбомов. Андрей Тропилло уже несколько лет грозит издать сборник лучших песен «Маньяков», но дальше обещаний дело пока не движется. Что, впрочем, для Тропиллы, как вы уже уяснили, обычное дело.

Федор Фомин

Укатил в Германию вслед за братом, но не как музыкант, а как математик. Где-то там в Германии что-то преподает, занимается какой-то научной работой. Периодически принимает участие в записях и выступлениях *Brain drain*.

Александр Храбунов

На мой взгляд, один из лучших рок-н-рольных гитаристов. Будучи единственным кроме Майка постоянным участником «Зоопарка», Храбунов научился уместать все гитарное соло в четыре — максимум — восемь тактов. Зато какие это получались такты!

Виктор Цой

Самую правильную характеристику этому герою русского рока дал Андрей Тропилло: «Цой был петлушник, потому близок и дорог народу». Добавить нечего. *Sapienti sat*.

Федор Валентинович Чистяков

Ну уж коли вы за большие деньги купили эту книжонку (надеюсь, что все-таки купили, а то ведь автор, который получает гонорар с каждого проданного экземпляра, тоже кушать хочет), то и без меня прекрасно знаете, кто это такой. А если не знаете, то на фига вам эта книжка вообще нужна? Все-таки человек — самое непостижимое животное на планете Земля. Федор Чистяков — не исключение.